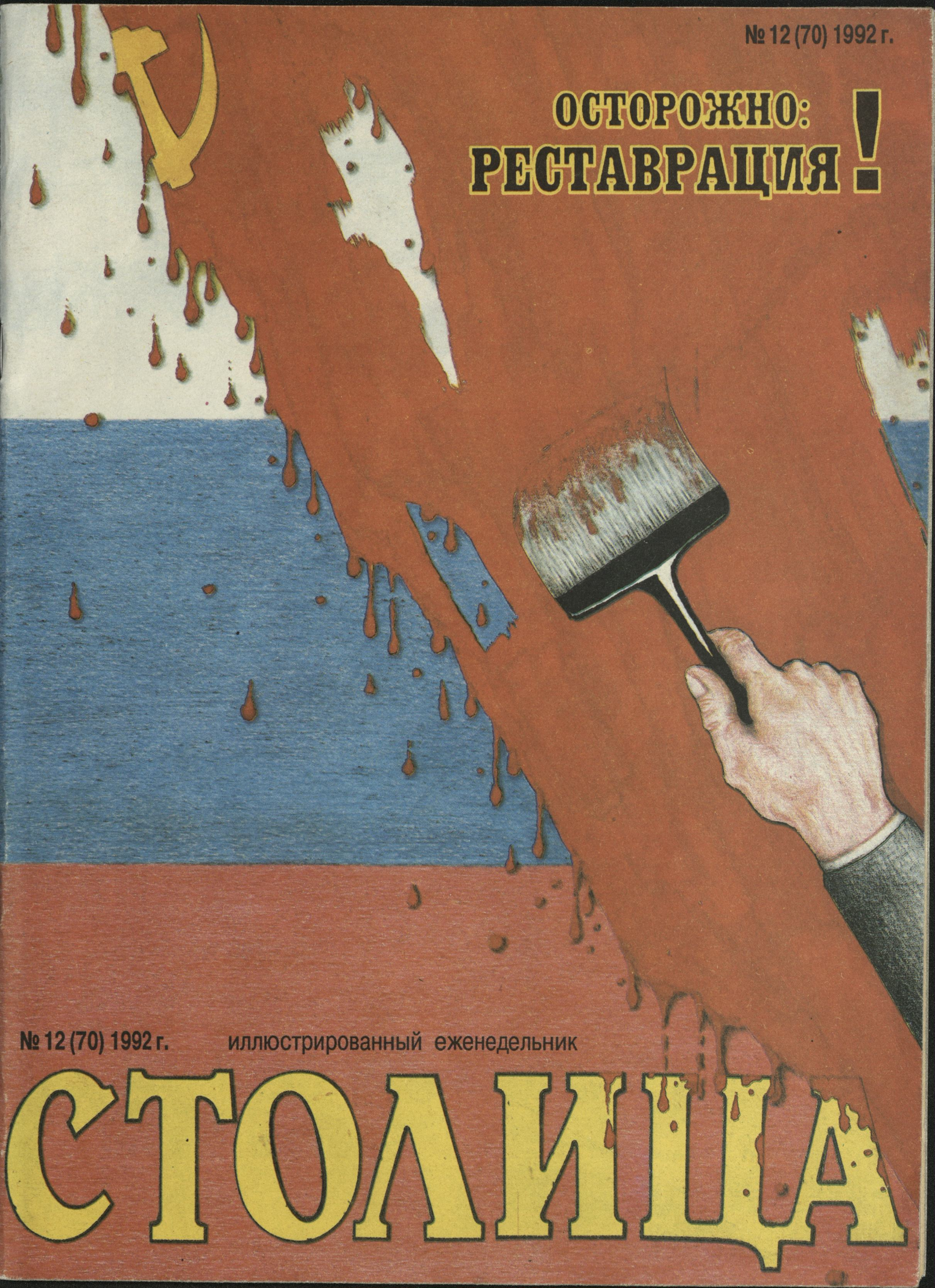

№ 12 (70) 1992 г.

**ОСТОРОЖНО:
РЕСТАВРАЦИЯ!**

№ 12 (70) 1992 г.

иллюстрированный еженедельник

СТОЛИЦА

Фото Виктора Кушкова

Читайте интервью на стр. 52

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

В АТАКУ, НАЗАД!

Слухи о смерти КПСС, кажется, несколько преувеличены. Опечатывание кабинетов, арест банковских счетов, изъятие архивов и прочие «последние почести», заметная спешность, с какою они отдавались, — все это, пожалуй, от неуверенности в полном и окончательном расчете, произведенном историей. Революционная скороговорка указов, предписавших «приостановить», «запретить», «взять под охрану имущество», отнюдь не ставит последние точки, как, возможно, кому-то мерещится. Недосказанность остается, и она чем дальше, тем осязаемей, несмотря на энергичные заклинания: «Нет такой партии!».

Есть, все еще есть. Поставив себя вне закона соучастием в государственном перевороте и получив от народа полную меру гнева и презрения, КПСС в лице ее бывших вождей в центре и на местах заявила, однако, о готовности жить и бороться, вновь подтвердив, что нет таких крепостей, которые не могли бы защитить (о взятии после путча говорить уже не приходится) большевики.

«Не преследовать, не ущемлять в правах миллионы честных простых коммунистов, ни в чем не виноватых!» — этот призыв бывших руководителей опечатанных ЦК и обкомов вновь зазвучал с набатной мощью, стал одним из мотивов февральских шествий под плакатами «Слава КПСС!».

Требовать мести, сводить счеты, разумееется, отвратительно. Но кто — покажите — требует? Кто и кого ущемляет в правах, преследует, сживает со свету?

Конечно, запрещать коммунистические идеи и их распространение никто не вправе. Свобода политического вероисповедания гарантируется всем. Однако вот что примечательно: нагоняя страху, пугая «охотой на ведьм», бюлестители коммунистических идеа-

лов защищают вовсе не коммунизм. Они пестуют большевизм, производя, как всегда, подмену этих понятий. Коммунизм — цель, большевизм — средство. Но говорят одно, подразумевают другое. Не по коммунизму же в самом деле этот аппаратный плач, производимый людьми, в большинстве своем не слишком обремененными коммунистическими и вообще какими бы то ни было идеалами.

Надежды на возрождение КПСС кое у кого действительно не остыли, судя по недавню прошедшему в подмосковном городе Железнодорожном совещанию новых большевистских лидеров. Впрочем, «совещание» — скромно сказано. Участники этой большевистской сходки намеревались провозгласить ее Всесоюзной партконференцией. Предполагалось избрать чрезвычайный ЦК КПСС и наметить дату XXIX съезда. По замыслу организаторов, КПСС следовало воссоздать из компартий, входящих в нее на правах платформ. Эту идею, однако, шумно отвергли деятели Российской коммунистической рабочей партии, стремящейся быть монополюющей властительницей большевистских дум. Обозвав организаторов встречи самозванцами и авантюристами, лидеры РКРП покинули зал. На следующий день хлопнули дверью представители Союза коммунистов, Большевистской платформы, МГК ВЛКСМ, успев учредить комитет по содействию созыву XXIX съезда КПСС. Было обнародовано требование к членам ЦК провести до съезда пленум с роспуском на нем политбюро и секретариата, а также исключением из КПСС предавших ее вождей.

Кстати, где они, эти вожди? Какова их судьба? Поинтересоваться самое время, учитывая недавнее, еще не рассмотренное ходатайство ряда народных депутатов в Конституци-

онный суд России с требованием проверить законность президентского указа о запрещении КПСС и Российской компартии.

Итак, где же бывшие?

Владимир Ивашко, член Политбюро заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС. На пенсии.

Олег Бакланов, секретарь ЦК. Арестован по делу ГКЧП. Находится в следственном изоляторе.

Миколас Бурокаявичюс, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Литвы. Обвиняется по делу о трагических событиях в Вильнюсе. Выехал из Литвы. По неофициальным данным, скрывается в одной из подмосковных воинских частей.

Гиви Гумбаридзе, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Грузии. Выехал из республики. До последнего времени жил в Москве в гостинице «Октябрьская». Официально нигде не работает.

Андрей Гиренко, секретарь ЦК КПСС. Ныне — специальный представитель Российского союза промышленников и предпринимателей.

Станислав Гуренко, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Украины. На вопрос редактора газеты «Вечерний Киев»: «Где вы работаете?» — ответил: «Я работаю консультантом в одной из научно-производственных организаций». Местонахождение и название этой организации не называл.

Александр Дзасохов, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Ныне — член Российского общества солидарности и сотрудничества народов Азии и Африки.

Ислам Каримов, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана. Ныне — президент республики.

Окончание на с.3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Выжutowич:

...Нагоняя страху, пугая «охотой на ведьм», блюстители коммунистических идеалов защищают вовсе не коммунизм. Они пестуют большевизм, производя, как всегда, подмену этих понятий.

1

Дора Штурман. Она же — Дора Моисеевна Шток, она же — Кравченко, она же — Тиктина, она же — В.Е.Богдан, она же — Штурман...

6

2 ЭКОНОМИКА

В.Шумейко:

Только когда большинство населения будет надеяться уже не на какого-то лидера, не на правительство, не на парламент, не на местные власти, а исключительно на себя самих — тогда и начнется рыночная экономика.

18

Е.Колесникова:

Вся страна гадает, дадут зарплату или нет? Повысят цены с понедельника, вторника, первого числа четвертого месяца или обойдется? Устоит правительство или подаст в отставку? Если за день ничего подобного не происходит, уже подозрительно.

20

3 ЖИЗНЬ

А.Ефимова:

Наш рынок еще очень дикий. Поэтому одинаковые квартиры бывают и по «ломовым», и по смехотворным ценам. Советский гражданин боится запросить за квартиру пять миллионов...

28

Е.Салина:

...Они все — сложные, каждый по-своему. Все — личности. Все — способные. Ибо бездарных детей в принципе нет. И несчастные. Если человек умеет думать, он несчастен.

31

А.Беляков:

Если вы давно не были в Загорске и приедете сейчас в Сергиев Посад, то обнаружите странные перемены.

34

4 КУЛЬТУРА

Ю.Норштейн:

Я завожусь, я обо всем забываю, я только знаю, что каждое движение должно быть беспредельно искренним, в полном согласии с моим состоянием. Так же, как поведение животного. Там нет фальши. Там — все время истина! Ворона, клюющая найденное под снегом яблоко, — это же чудо что такое!

44

Л.Петрушевская:

Освобожденными руками Маринка действовала плохо и щелкнула задвигкой очень громко, но в этот момент что-то грохнуло, и раздался слабый старческий вопль: «А! А! О!» Это кричал дед...

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел социально-бытовых проблем: Вячеслав Басков

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 378
Geneva 1211 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 20.03.1992 г.
Тираж 156.300

Над номером работали:
В.Старчевский, А.Пружинина, Э.Петрова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 866

Окончание. Начало на с. 1

Валентин Купцов, секретарь ЦК. Официально нигде не работает.

Петр Лучинский, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Молдовы. Работает в Институте социально-политических исследований РАН.

Юрий Манаенков, секретарь ЦК КПСС. Работает в одной из комиссий Верховного Совета России.

Аяз Муталибов, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. Ныне — экс-президент республики.

Нурсултан Назарбаев, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. Ныне — президент республики.

Сапармурад Ниязов, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Туркмении. Ныне — президент республики.

Альфредс Рубикс, член Политбюро, первый секретарь ЦК Компартии Латвии. Обвиняется по делу о трагических событиях в Латвии. С 23 августа содержится в одиночной камере Рижского следственного изолятора.

Галина Семенова, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Ныне — член редколлегии журнала «Крестьянка».

Егор Строев, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Вернулся в Орел. Руководит научным институтом сельскохозяйственного профиля.

Олег Шенин, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Обвиняется по делу ГКЧП. Находится в следственном изоляторе.

В течение двух недель продолжались мои переговоры с бывшими членами Политбюро Александром Дзасоховым, Петром Лучинским и Владимиром Ивашко об интервью. Наконец были назначены день, место и время. Но накануне вечером позвонил Лучинский и сообщил, что в результате взаимных консультаций бывшие секретари ЦК приняли коллективное решение: учитывая сложность и неоднозначность текущего момента, считать их публичное выступление несвоевременным.

Значит, ждут своего времени?

Согласно официальным сведениям, до февраля на Московскую биржу труда обратилось не более 10 процентов бывшей партноменклатуры. Всего 525 человек. Из них 116 ранее работали в аппарате ЦК, 31 — в Московском горкоме, 218 — в райкомах, 27 — в парткомах.

По данным Контрольного управления администрации президента России, власть на местах сегодня представляют преимущественно бывшие партработники рангом не ниже первого секретаря райкома. В Ульяновской области их 31, в Пензенской — 23, в Кировской — 22, в Челябинской — 11, в Ростовской —

10. Сколько их в аппарате российского президента, вероятно, лучше всех — по долгу службы — знает глава администрации Юрий Петров, бывший первый секретарь Свердловского обкома.

Пронесся и был тут же официально опровергнут слух о том, что готовится президентский указ, запрещающий бывшим коммунистам занимать ответственные посты в органах государственной власти. Да, запрет на профессии по идеологическим мотивам — это не демократия. Но в отношении вчерашних вождей с сегодняшним обществом пора внести юридическую ясность. Как относиться к легальным и полуполегалым коммунистическим организациям, чья пробудившаяся активность становится все более агрессивной? Скажем, в Челябинске уже действуют 19 подпольных райкомов, готовится создание обкома.

Эксперты центра «РФ-Политика» дали пресс-конференцию, где заявили: экономические и политические реформы саботируются бывшими партократами, проникшими во все поры новой власти. Указ президента о запрещении деятельности КПСС нарушается ежедневно. По мнению экспертов, «антикоммунизм» нынешней российской политической элиты отнюдь не означает всеобщего и всемасштабного гонения на коммунистов. Режим их существования и деятельности не устанавливается, отчего остаток КПСС пребывают в довольно либеральных условиях, а многие коммунисты, входящие в новую российскую номенклатуру, продолжают сохранять формальное членство в партии. Кроме того, «антикоммунизм» оказался направленным лишь против надводной части айсберга — КПСС, т.е. против ее особого положения, названия, руководителей и т.п. Но осталась совершенно нетронутой теневая система корпоративных связей партноменклатуры по вертикали и горизонтали. Эксперты полагают, что настрой населения, будучи антикоммунистическим лишь номинально, по сути остается большевистским и поэтому партократы имеют шанс вернуть часть утраченного авторитета в случае дальнейшего резкого обострения социально-экономического кризиса.

Однако обилие необошевистских организаций и движений само по себе еще не гарантия реванша. Коммунистическая закваска лидеров типа Анпилова вряд ли столь уж притягательна для широких масс, без поддержки которых анпиловцы так и останутся группой товарищей, способной разве что вдохновить сотню-другую ветеранов на шествия и манифестации с портретами Ленина-Сталина.

Понимая, что голая коммунистическая идея для российского большинства совершенно не привлека-

тельна, даже отвратительна, как стриптиз по-советски, борцы за возрождение КПСС обрядили эту идею в модную ныне патриотическую униформу. Движение «Отчизна», учредительный съезд которого состоялся в конце февраля, в отличие от Российского народного собрания, учрежденного конгрессом гражданских и патриотических сил, не скрывает своего коммунистического первородства, напротив, подчеркивает его. И новые идеологи знают, что делают: коммунистическая идейность в массовом нашем сознании за семьдесят с лишним лет так тесно переплелась с державностью, что «красные патриоты» имеют больше шансов на успех, нежели просто «красные» или же просто «патриоты».

Не будем, конечно, упрощать. Как заметил Григорий Явлинский, да это и так очевидно, «многие политики, стоящие сегодня у власти, обладают всеми родимыми пятнами прежней системы, ее менталитетом, формами и методами ведения дела, некомпетентностью, ограниченностью мышления, презрением к науке».

Поэтому, где бы ни находились, чем бы ни занимались теперь бывшие партийные вожди и рядовые неоккоммунисты, считать их главным и единственным олицетворением нынешнего российского консерватизма воздержаться. Все мы, кто больше, кто меньше, страдаем отягощенной большевистской наследственностью. В нашем обществе это все очень глубоко. Гораздо глубже обкомовского подполья.

С крахом КПСС как единого целого еще не скоро выйдут из обращения идеи и принципы, сформировавшие этот «орден меченосцев». Вывески меняются — дух остается. Те же кабинеты, те же люди в них. Идет стремительная перегруппировка реакционных сил. Им нужна своя мощная партия. Партия реванша. Ею грезит Нина Андреева, воссоздавшая ВКПБ. Ее лелеют в планах деятели ОФТ, сторонники «Коммунистической инициативы», либеральные господа, руководимые господином Жириновским. Они не станут читать идеологические проповеди (даже путчисты коммунизм не поминали), но постараются перехватить власть, используя хаос, крайнее обнищание, междоусобные раздоры демократов. Эта партия, сколоченная из обломков КПСС, вышедшая из нее, как из сталинской шинели, может оказаться способной вдохновить и возглавить новый переворот — тот, что начнется снизу.

На смену диктаторам, ненавидимым народом, всегда стремятся прийти диктаторы-популисты. Пока идейное пепелище КПСС не прогорит дотла, у них есть шанс.

Подольский район, совхоз «Вороново»
17 марта 1992 г.

VI СЪЕЗД ЖУРНАЛИСТОВ

Такой необычный форум проходил впервые, поэтому для его проведения было приглашено известное зрелищно-развлекательное малое предприятие «Съезд народных депутатов СССР». Опытный коллектив имел немного времени на подготовку, однако сумел обеспечить проведение конгресса журналистских сил на достаточно высоком уровне.

Его организаторы провели встречу с участниками съезда и постояльцами гостиницы «Москва», где рассказали о планах своего малого предприятия, сообщив, что оно существует на народные деньги и не пользуется поддержкой российских и московских властей. На праздник прессы руководством МП были приглашены гости: народные депутаты СССР, сторонники движения «Трудовая Россия», казаки, Жириновский.

В ходе журналистского съезда были успешно найдены новые формы работы с пишущей и электронной братией. Необычно, в форме игры, прошла регистрация: существовало несколько списков, по меньшей мере три, для регистрации журналистов, кроме того велась запись по телефону. Окончательный же список не включал предыдущие. А мандаты вообще без всякого списка выдавал некий Герман Петрович.

Журналистам предлагалось также угадать, по какому принципу их регистрируют. Автору строк удалось раскрыть этот принцип: сначала регистрировались те иностранцы, которых Герман Петрович видел по телевизору (CNN, например), затем те иностранцы, которых он не видел («Речь Посполита»), затем те иностранцы, которых он не видит в упор (Латвия, например), затем отечественные, оппозиционно настроенные к «пуцистскому режиму», затем все остальные. Сообщив Герману Петровичу свою версию, автор был награжден отказом в регистрации. Такая же судьба постигла информационное агентство «Постфактум», а также малоизвестную газету «Московский комсомолец».

Для журналистов устроителями форума были организованы интересные встречи и поездки. С лекцией о будущем обустройстве России на французском языке выступил Жириновский. Руководители МП, гости и приглашенные накануне весеннего сева посетили Подольский район Московской области, где ознакомились со зданием горсовета, домом культуры поселка Щапово, Центром олимпийской подготовки, работой областного ГАИ (милиционерам Жириновский прочитал лекцию о будущем обустройстве ГАИ). Завершилась подмосковная прогулка, проходившая, кстати, в прекрасный солнечный день, посещением совхоза Вороново. Там в полутьме прошел

спиритический сеанс по вызову духа СССР, по поводу чего и была принята соответствующая резолюция. Стало известно, что МП «Съезд народных депутатов СССР» решило продолжать работу, избрав постоянный орган. На обратной дороге журналисты увидели самую настоящую аварию (столкнулись три автомобиля, один из них сгорел).

Завершился праздник журналистов, как и было запланировано, на Манеже красочным костюмированным представлением «Всенародное вече» по мотивам истории русского и советского периода (автор сценария В.Анпилов). Звучали колокольный звон, фольклорные песни («Интернационал», «Широка страна моя родная»), шутки (утверждение резолюции о восстановлении СССР), забавные речевки («Минин — Жарский — Макашов»). Веселые группки анархистской молодежи, положившие на землю красное знамя и плевавшие на него, способствовали единению своего поколения с теми, кто прошел войну. Сборщики средств, распространители «Списка палачей России», скачущие московские милиционеры и омоновцы удачно дополняли общую картину праздника.

Александр КАСАТОВ

Я — ЗА СОЮЗ

17 марта многие москвичи вышли помитинговать за сохранение Союза.

Как и на всяком собрании, которое проводит одна сторона против другой, на этом также было много остроумного. Например, один из ораторов предложил именовать «демократов-сепаратистов» — «голубыми», надо отдать должное, достойный ответ на оскорбительный эпитет «красно-коричневые». Другой оратор с пафосом возопил, что само гнусное словечко «демократия», знаете, когда придумано? — в рабовладельческом обществе! На это, не подумав, вообще не возразил...

Было много хороших, честных лиц. Один молодой человек держал плакат, на котором было начертано, что шесть тысяч русских женщин каждый год делают себе аборт. Я не выдержал, подошел и спросил, какое это имеет отношение к проблеме сохранения СССР? Молодой человек захлопал глазами и сказал: «Ну как же, как его, бишь, это... геноцид!»

Или вот остроумный призыв: «Свободу путчистам!»

Но дело не в остроумии. Всем этим людям, старым и малым, сталинистам и не очень, можно

Фото Э.Кудрявицкого

Москва. Манежная площадь
17 марта 1992 г.

Фото В.Левитина

было бы тоже сказать много чего остроумного.

Например, что «труп СССР уже остыл», как говорят отдельные демократические газетчики, склонные к некрофилии, или — что ни одна империя не собиралась мирно, и было бы странно представить себе, скажем, тех же древних, митингующих за сохранение Римской империи. Что трудно назвать Союзом то место, где один народ время от времени пытается перерезать глотку другому, и что молодые солдатики России воевать за него уже не будут. Что соседние столицы, поглядывая, как у нас в Москве время от времени происходит нечто необычайное (вроде: один раз собрали съезд сгоряча, а он теперь никак не разойдется!), говорят: «Нет уж! Мы лучше как-нибудь сами-с, без вас-с!»

Но только все эти аргументы ни к чему, когда снова и снова выходит кто-нибудь седовласый, в потертом пальто, пропахший табаком и говорит: «Я НЕ ХОЧУ! Я в этой стране жил, и все вот должно быть так, как было всегда!» Я не хочу, чтоб дети умирали, я не хочу стареть, я не хочу, не хочу, не хочу...

И тогда ты начинаешь понимать, что не нужно аргументов, нужно быть мудрее, нужно как-то людей успокоить. Как Горбачев говорил: сердцем я с вами, но, извините, ничего поделать не могу.

Может быть, так им и сказать? Хотите жить в Союзе — живите. Только не надо экспедиционных корпусов на окраины и арестов соседних президентов — их все-таки не мы выбирали, нехорошо это. А начните лучше с себя, почистите свою квартиру, чтобы к вам пришли гости, почините свои железные дороги, чтобы расстояния не имели для вас значения, сделайте так, чтоб, бросая железный рубль с гербом Российской Федерации и профилем президента, вы видели б, как зажигаются глаза азербайджанского банкира... И поверьте, не будет крепче Союза.

Сергей МИТРОФАНОВ

ВСЕХ НЕ ЗАКОНСЕРВИРУЕШЬ!

В Москве прошел съезд Консервативной партии России. Как заявил на съезде ее председатель, член общественного комитета по правам человека и международному гуманитарному сотрудничеству Лев УБОЖКО: «Мы консервируем все лучшее, что досталось нам от прошлого».

Убожко всегда не везло на руководящие посты. Только он создал Демократический союз, как его надвое раскололи. Пришлось Демократическую партию СССР создавать, и снова неудача. Травкин название отнял. Переименовались в Консервативную. Ан, и тут не замечают. Чтобы не ввести читателя в заблуждение, поясню сразу, что коммунизм с консерватизмом ничего общего не имеет, а сам Убожко семнадцать лет провел в социалистических застенках, тюремных и иных, за свои слишком вольные суждения и речи. Три телевизионные программы обещали приехать на съезд. Ни одна не явилась, потому что, по утверждению Убожко, в последний момент раздался звонок «сверху»: Убожко в эфир не пускать. Каковы же принципы и цели столь гонимой нашими демократическими властями партии? Все они покоятся на классическом определении демократии, на святости закона, на правах человека, их неукоснительном соблюдении и, соответственно, на неверии в способность бывших коммунистических лидеров кардинально изменить положение в России. По мнению Убожко, надо срочно заменить большинство российских лидеров. На их месте, подобно господину Жириновскому, посверкивавшему глазами из зала, в первую очередь он видит себя. «На следующих президентских выборах я не уступлю, буду бороться до конца».

На вопрос корреспондента «Столицы», можно ли расценить сегодняшнее положение Консервативной партии как оппозиционное по отношению к Российскому правительству, Убожко ответил, что именно так его расценивать и надо. «Любое однобокое прави-

тельство неустойчиво, — считает Убожко, — нынешнее тоже долго не протянет».

Сейчас Лев Убожко подготовил проект воззвания ко всем политическим партиям России, в котором содержится призыв «включиться в борьбу за создание широкого народного фронта, который смог бы создать коалиционное правительство народного доверия». Заявления разосланы руководителям тридцати двух политических партий России, независимо от их идеологической ориентации. Но, поскольку в одном ряду оказались Олег Румянцев, Дмитрий Васильев, Гавриил Попов и Виктор Аксютин, наблюдатели сделали вывод, что в России консервировать, пожалуй, еще нечего.

Эдуард ДОРОЖКИН

Лев Убожко — лидер Консервативной партии

ВОКРУГ ДА ОКОЛО ПАРЛАМЕНТА

И ПЕВЦЫ НА ЧТО-НИБУДЬ СГОДЯТСЯ

Вице-президент Александр Ручкой встречается с депутатами-аграриями в «Белом доме». Щедро, зажигательно делится своими планами резкого подъема сельского хозяйства. Подготовился к встрече основательно, показывает схемы, расчеты, чертежи, рисует заманчивые перспективы. А аграрии слушают скептически.

— А практически-то, Александр Владимыч, что делаете? — спрашивают ехидно.

— Практически? Так я же и говорю практически. Ну вот глядите. Один только пример. Сказали мне как-то, что придумали в Израиле один интересный кормоборочный комбайн, нам бы такой: он косит траву любой высоты, тут же прессует ее в брикеты и выдает готовые большие таблетки. Их потом развести лишь в теплой воде и — корми своих коров сколько угодно.

— Так то же в Израиле, — заулыбались в зале.

— Да, в Израиле! Ну и что? Что я делаю: узнаю, что туда как раз с гастролью едет наш знаменитый певец Иосиф Кобзон, говорю ему: «Иосиф Давыдович, не попросишь ли у них на пробу несколько штук этих самых кормовых таблеток?» Ну, Кобзон возвращается с успешных гастролей и привозит мне аж два мешка этих чудо-таблеток. Едем мы в село, у меня там знакомый председатель колхоза, даем его чахлым, дышащим на ладан коровам эти таблетки, разведенные предварительно в теплой воде (которой, кстати, тоже не было, нагрели паяльной лампой), так коровы эти несчастные... нас всех было с ног посбивали в драке за этот корм! А запах какой! В этом селе, говорят, забыли, как настоящая трава пахнет...

Так вот, Кобзон сказал, что почти уже договорился с Израилем о продаже нам лицензии на эти комбайны. Правда, дороговато просят. Ну ничего, я скорости собираюсь туда сам, может, уговорю израильтян чуть сбавить цену и — купим! А потом, дам нашей оборонке, и она эти комбайны изготовит. И все дела.

Григорий КРОШИН

Дора ШТУРМАН

«СТО ДНЕЙ»

Конечно, прошло уже много более ста дней президента Ельцина, и эта язвительная формула звучит все реже. Но зато появилась новая, укоризненная же, точка отсчета: возраст возглавляемого Ельциным кабинета министров.

Хорошо бы выставить в музее «плачущего» американского президента, которому в первые сто (двести, пятьсот и более) дней пребывания у власти довелось иметь дело с наследством, равноценным по богатству проблем и степени их разрешимости России 1991—1992 годов. Пусть бы те, кому пришлось бы выбирать среди американских президентов кандидата для такой фигуры, определили еще ко всему прочему, что есть сегодняшняя Россия, Российская Федерация, в которой президентствует более полугодом Борис Ельцин. Можно ли в принципе разрешить за один, даже, допустим, полный, президентский срок доставшиеся ему от СССР проблемы?

Много уже говорилось о тех структурных свойствах социализма, которые неотвратимо, рано или поздно превращают его во взрывоопасный тупик. Но мы не говорили о конкретных особенностях этого тупика. Горбачев не пытался отказаться по-настоящему ни от одной из этих особенностей, не пытался заменить их осторожно, мирно иной реальностью, иной сутью. Он не только был заблокирован силами, которые этого не хотели, — он сам этого не хотел. От страха за себя или по недомыслию — какая разница?

Дора Штурман, она же Дора Моисеевна Шток (девичья фамилия, стоящая в приговоре 1944 г., ст. 58, пп 10-2, УК РСФСР), она же Кравченко (по первому мужу), она же — Тиктина (по второму мужу), она же — В.Е.Богдан (в самиздате), она же — Штурман (в опубликованных книгах и статьях — с конца 1977-го). В настоящее время Дора Штурман — один из постоянных авторов журнала «Посев», газеты «Русская мысль» и других эмигрантских изданий. Сама Штурман определяет свои записки как *«Письма бывшего соотечественника»* и просит не считать их *«Записками постороннего»*. Надеемся, читатель простит некоторую назидательность бывшей соотечественницы, которая, как и многие наши эмигранты, пребывает в несколько наивном заблуждении, что в России есть ТОТ, кто будет следовать полезным советам, а главное, что в России все может происходить, как задумано и запланировано. В остальном же нижепредлагаемые заметки полны искреннего желания помочь и, наверное, не лишены смысла... С.М.

Что же есть хаос вконец дезорганизованного социализма?

«Уничтожение классов» — столь же универсальная задача социализма-коммунизма, как и «уничтожение частной собственности». Это задачи реальные и осуществимые. Все сугубо разрушительные задачи Утопии осуществимы — в отличие от ее созидательных намерений.

Почему, когда вводился нэп, достаточно было большевикам снять с горла крестьянства душащую руку, и оно задышало, заработало — накормило себя и город?

Потому что крестьянство тогда еще было. И предприниматели тоже частично еще были.

Сегодня есть уже, наконец, законы для воссоздания нормального сельского хозяйства и общества, а дело почти не движется. Не только потому, что противодействует живой труп Системы в лице ее бюрократии всех видов. И не потому, что страшны цены на сельхозтехнику, корма, удобрения (разрешены кредиты под залог земли), что все — в дефиците и т.п. Главное в том, что нет крестьянства. Некому задышать и начать работать. Крестьянство надо выращивать, как гомункулуса в банке, — искусственно. Истребить класс, его традиции, его психологию, условия его бытия можно за несколько лет, и даже еще быстрее. А воссоздать, вырастить класс? Никто еще этого, кажется, в срочном порядке не совершал. Эволюция формирует классы столетиями. Разве что классы рабов, арестантов и люмпенов создаются сравнительно быстро.

Только ли крестьянство уничтожено социализмом? А все высшие классы? Аристократия, включая царскую семью и династию? Весьма уже в XX веке просвещенная в лучших своих слоях администрация и бюрократия? Независимая духовная и умственная элита? Потомственное — с традициями — офицерство? Ремесленники? Кто только не истреблен! Уничтожение частной собственности элиминировало предпринимателей, истребив или вытеснив за границу их лучшую часть. Остальные были ограблены, деклассированы и превращены в таких же бесправных наемников умственного и физического

ПРЕЗИДЕНТА»

труда, а также всех его прочих видов и комбинаций, или в полукрепостных, или в рабов, или в люмпенов, какими стали все в этой несчастной стране.

Имеющая историю и традиции держава превратилась в бесправный и безвольный конгломерат, управляемый вершиной партократии и ее бесчисленными ставленниками, тоже фактически бесправными, живущими в страхе, мелкотравчато-властными только над нижестоящими и рабами. Корень зла был не в этой постоянно сменяемой и едящей друг друга и подчиненных исполнительной бюрократии, как представляется Р.Хасбулатову. Перелистайте его книгу «Бюрократическое государство» (Москва, 1991), и вы поймете, почему он постоянно сбивается с шага в реальной политике. Партократия и просто бюрократия (служащие), взявшие на себя обязанности и прежней власти, и уничтоженной администрации с ее аппаратами, и всех истребленных и деклассированных элит, являются неизбежным порождением Системы. Кто-то же должен распоряжаться и управлять взамен уничтоженных? Их бытие превратилось в самоцель не сразу, а по мере саморазоблачения соизидательной несостоятельности социализма и как теории, и как Системы.

Очень долго тем, чьи глаза оставались зрячими, казалось: снимите запреты — и все задышит, как задышало крестьянство в 1921 году. Не задышит: снова и снова повторим — некому. Истреблены более полувека назад.

Во всем мире демократические структуры развивались столетиями, схоластически, методом проб и ошибок. Теории их скоростного, социально «дешевого» и гуманного искусственного конструирования, как и теории ускоренного выращивания классов, в мире нет. Есть предложения и проекты гипотетического характера, в России и вне ее, нередко взаимно альтернативные.

Огромная область государственных установлений, которую предстоит выработать реформаторам, создается ускоренно и сознательно, но все тем же методом проб и ошибок (нередко — жестоких ошибок), которым идет вся-

кая эволюция. Другого пути попросту нет, ибо дорога из хаоса распадающегося социализма в нормальный, то есть конфликтный, но не тупиковый, мир — дорога непроторенная.

Никакое правительство НЕ МОЖЕТ охватить всех процессов, которые должны составить этот переход в его конкретных деталях. Если бы оно (снова!) проявило несостоятельную тенденцию охватить своим регулированием все и вся, это был бы тот же, вроде бы отвергнутый нами, социализм с его роковой претензией постоянно объять необъятное. Если преобладающая доля конкретных переходных операций (прежде всего — демонополизация и приватизация) не станет прерогативой и делом самого населения, все сорвется. Как включить самодеятельность населения в эти процессы — это и есть основная насущная задача не столько и без того разрывающегося на великое множество дел правительства, сколько всей здравомыслящей части общества и его депутатов в «четвертой власти». Терпение угасло, энтузиазм иссяк, и наступила всепобеждающая усталость именно тогда, когда можно стало не только говорить, но и работать. Не требовать работы, да еще без промахов, только от правительства, которому мы не помогаем даже серьезной критикой, безбожно путая его с противостоящими ему аппаратами мертвой Системы, а работать нужно самим — реорганизовать Систему самим.

Свободный мир мог бы очень во многом помочь сегодня России без особого для себя ущерба. Но, обжегшись на дурманящем вареве горбомании, он дует на воду. А распад, ускоряясь, мчит страну и ее хозяйство к необратимости.

Помощь Запада нужна, чтобы стабилизировать процесс спасительных перемен (парадокс любой фундаментальной реформации: нужна устойчивость процесса, а не губительной статике — маски распада). Запад же, обещая помощь, хочет убедиться в стабильности реформ. Стабилизация здесь всего-навсего синоним внутриполитической обеспеченности перемен. Этот подход Запада не может

существенно помочь реформаторам. Значит, как утверждал недавно, комментируя отношение Запада к последним визитам Ельцина, тележурналист Павел Кузнецов (первый канал ЦТ, 2—3 февраля 1992 г.), выход остается один: задействовать собственный, общественный, реформаторский потенциал, конституировать все, сверху донизу, структуры власти из сторонников реформ, мобилизовать для этого внеаппаратные силы, общество, его самодеятельность.

Весьма справедливо Анатолий Собчак говорит о необходимости в некоем совещательном органе с частично постоянным, частично переменным, соответствующим тематике совещаний составом, который анализировал бы ход реформ, соотносил бы новые установления с практикой их применения и предлагал бы необходимые коррективы. В столь беспрецедентном деле, как то, которое, наконец, начато в России, без органа быстрого реагирования, состоящего из людей работающих, занятых непосредственным проведением в жизнь верховных решений, не обойтись. При отсутствии немедленного анализа законодательных «проб» и такого же быстрого обнаружения ошибок коррекция последних (а они неизбежны) может обрести темп, делающий успех реформы невозможным. В одиночку, без помощи людей дела, кабинет и его глава со своими задачами не справятся. Кроме того, необходимо, чтобы человеку на его ошибки кто-то указывал (сам он может их не заметить). Лидеру же страны нужны не только указания на его ошибки: надо, чтобы существовало и что-то верховное право квалифицировать шаги властных инстанций как неправовые, если они такими являются.

Во время первой своей поездки по России новизбранный президент Ельцин говорил в различных хозяйственных регионах Федерации: «Берите столько независимости, сколько сумеете вместить». Берут и больше, и меньше (от судорожной, хлестаковски-бездумной автаркии одного городского или сельского района до сохранения латаргической пассивности и надежды только на «барина», который приедет, рассудит и спасет). Но вот в меру того, что могли бы наиболее успешно вместить, самодействуют удручающе редко.

Чтобы определить эту меру в процессах беспрецедентных, нужно много терпения, много взаимной терпимости во всех и в каждом. Но они-то, терпение и взаимная терпимость, и составляют, по-видимому, самый большой дефицит в распадающейся посткоммунистической империи.

Нет, дело не в цифре, названной Баранниковым, которую многие телезрители ошибочно сочли явно заниженной. Цифра, возможно, точная. Но министр сказал, что пиво пенное, потому что небо голубое. И чтобы понять, что к чему, сдую с этой цифры чернильную пену таинственности.

«Профилактика» — один из методов агентурно-оперативной деятельности, применяемый органами безопасности для побуждения «объектов» оперативной заинтересованности к отказу от деяний, не подпадающих под уголовное

законство» борцы с «идеологическими диверсиями», но не гнушались ею и контрразведчики.

Формы профилактики большим разнообразием не отличались. В зависимости от «тяжести деяния» объектов проводились отдельно или в комплексе следующие мероприятия: приватная беседа сотрудников с объектом в здании КГБ; беседа оперработников с профилактируемым по месту его работы в присутствии администрации и партактива; обсуждение деятельности объекта на общих и партийных

автоматизированных и других банков данных) ставился каждый, кто имел письменные контакты (хотя бы один) с иностранцами или личные встречи с теми из них, кто находился под оперативным наблюдением КГБ. На учете состоял тот, кто, будучи за границей, на несколько часов выпал из поля зрения сотрудников или агентов КГБ.

В дни выборов народных депутатов и судей под контролем находились практически все избиратели. Включенные в состав избирательных комиссий чекисты проверяли каждый бюллетень, устанавливали и проверяли тех, кто вычеркивал в них фамилии партийных и советских бонз или писал хулу в их адрес. Они становились на оперативный учет вместе с теми, кто отказывался от голосования.

Идеологические контрразведчики таскали мешками из редакций журналов и газет в КГБ письма читателей и выявляли тех, кто открыто критиковал партийных и государственных руководителей. На особо упорных правдолюбцев заводили «дела» с окраской «клевета на советский государственный и общественный строй». Почерки анонимов-антисоветчиков стояли на отдельном учете. Перлюстрировались все без исключения письма, телеграммы, посылки и бандероли, шедшие за границу и из-за нее. Вскрывалось внутрисоюзное письмо, если на конверте не был указан обратный адрес. 12-й отдел КГБ задыхался от заданий оперативников на прослушивание телефонов, жилых и служебных помещений и искренне страдал из-за нехватки и без того огромных штатов сотрудников и единиц секретных технических средств.

Установщики КГБ, призванные собирать информацию о населении «единого, могучего Советского Союза» по месту жительства, получали по шеям, когда не имели агентуру в каждом доме. Во всех крупных ресторанах и кафе работали сотрудники и агенты 7-го управления, подставившие «кому нужно» начиненные микрофонами пепельницы и вазочки с алыми гвоздиками. Персонал каждой гостиницы кишел внештатниками, агентами и доверенными лицами КГБ, швейцарами работали бывшие чекисты и прочие офицеры, как правило, от майора до полковника. В гостиницах для иностранцев базировались целые отделы наружного наблюдения, «чистых» служащих не было совсем...

Видимо, министр безопасности считает, что это не тотальный шпионаж против народа. В таком случае читателю остается лишь тешить себя надеждой не стать 460740-м профилактируемым органами безопасности.

Валентин КОРОЛЕВ,
подполковник запаса КГБ

ПРОФИЛАКТИКА

Чем-то знакомым, «доперестроечным», повеяло от высказывания министра безопасности России В.Баранникова, процитированного в одном из февральских выпусков телепрограммы «Итоги». Министр полагает, что нет оснований утверждать, будто недавно вверенные ему «органы» в течение последних 45 лет вели тотальную слежку за населением, поскольку, мол, за этот период они осуществили профилактические мероприятия всего лишь в отношении 460 739 граждан.

законодательство, но могущих в дальнейшем привести к совершению преступлений или оказать вредное влияние на окружающих.

В течение первых 40 из охваченных справкой министра 45 лет такими деяниями были чтение и пересказ запрещенных книг, посещение партийцами церковных богослужений, изучение еврейскими иврита, мелкая фарцовка и т.д. Военная контрразведка самозабвенно профилактировала офицеров армии за анекдоты про Чапаева...

В основном профилактикой «бало-

собраниях; публикации в прессе, выступления по радио, телевидению, подготовленные оперработниками совместно с агентами и доверенными лицами, работающими в средствах массовой информации; «дружеские» беседы агентов с объектом с целью склонить его к отказу от деятельности, в связи с которой он оказался в поле зрения «органов».

И все же метод профилактики использовался чекистами относительно редко. Ради поднятия престижа управлений и получения наград старались отправить объект «в зону» хотя бы за общеуголовные преступления (незаконное хранение оружия или наркотиков, спекуляция, хулиганство, гомосексуализм и т.п.), для чего порой использовались агенты-provokatory.

Число профилактированных не соответствует числу людей, чьи права попирались органами безопасности. Многие сотрудники КГБ за всю свою службу не профилактировали ни одного человека. Зато практически каждый оперативник, уходя на пенсию, имел на личном счету около 20 (до 1956 г. — до нескольких сот) дел оперативной проверки (ДОП), оперативной разработки (ДОР), оперативного наблюдения (ДОН); проводил проверку сотен первичных сигналов, заявлений и писем, в том числе анонимных; изучил десятки кандидатов на вербовку, из которых далеко не все были завербованы; завербовал десятки агентов, проверил всех их родственников и знакомых, равно как и все связи объектов своих «дел».

На оперативный учет (форма оперативного контроля в виде картотечных,

Владимир ВОЙНА

КАК Я СТАЛ КОЛУМНИСТОМ

Что за странное слово, удивится читатель, коммунист — знаю, а колумнист? Видимо, пора ввести в обиход и это иностранное понятие.

Происходит оно от английского column, в значении «газетная колонка». Но ведь не скажешь «коллонкист», это скорее похоже на «мелкоскоп» или «мокроступы» — навеивает мысль об охотнике за колонками...

Columnist — колумнист, и быть тому.

Ну а конкретно?

Каждый день в каждой американской газете на одном и том же месте в рамках одной и той же «полосы мнений» (ее порядковый номер тоже постоянный) можно прочесть несколько комментариев строго определенных авторов. По средам — одних, по воскресеньям — других и так далее. Читатель привык к ним, доверяет их мнению, иногда подписывается на газету именно потому, что ценит возможность узнать, что они думают по поводу происходящих событий в мире и дома.

Колумнист выражает свое и только свое мнение, не претендуя на роль глашатая истины. Точно так же, как пристрастные передовые, неподписанные статьи от редакции, как субъективные письма читателей; из этих трех элементов складывается разворот, в рамках которого газета отражает не факты, а дает мозаику общественного мнения, в собственной интерпретации, разумеется.

Печатающая статьи колумнистов, газета, особенно общенациональная, использует труд своих обозревателей, колонки которых перепечатываются одновременно и в других, менее известных, изданиях и распространяются по подписке через издательский синдикат. Но есть и такие синдикаты, что не связаны с конкретным изданием. Они заключают договоры с ведущими публицистами, газетными обозревателями, учеными, бывшими видными политиками и дипломатами, которых знает страна. Эти авторы становятся «синдицированными колумнистами». Синдикат сам рекламирует и продает их колонку газетам, получает с тех, что подписались на данного автора, соответствующие гонорары, половину которых оставляет себе, а половину отдает автору. Чем ярче и интереснее колонки данного автора, тем выше его гонорары, потому что больше желающих подписаться на них; если же интерес падает и подписки нет — договорные отношения прекращаются.

Такая прямая заинтересованность заставляет колумниста из кожи вон лезть, чтобы обратить на себя внимание на рынке, донельзя насыщенном знаменитостями. И хотя одна-две статьи в неделю

не принесут больших, по американским понятиям, денег, стать синдицированным колумнистом означает даже при относительном успехе знак принадлежности к профессиональной элите. Эти люди не только отражают, но и сами создают общественное мнение.

Вот почему таким неожиданным для меня событием стало предложение синдиката «Кризис-тер» заключить со мной на семь лет договор о сотрудничестве. Раз в неделю — комментарий на 750 слов, тематика любая, но желательно связанная с происходящими в моей части света событиями и с тем, как они отражаются и освещаются в США. Иными словами, моя «колокольня» — это перекресток двух культур.

Ну, об этом я мог только мечтать: неведомый читателю автор, английский язык — неродной, к тому же приехал из страны, где журналисты испокон веку были «подручными партии», по точному выражению Никиты Сергеевича, и попросту не имели своего мнения. Так, во всяком случае, считалось в мире. За что такая честь?

Синдикат обратил внимание на мой комментарий по поводу августовского переворота, который опубликовала газета «Лос-Анджелес таймс», одна из ведущих в США. Необычным, наверное, был прозвучавший в ней крик отчаяния и ярости. Чувств, которые профессионал в этой стране не позволяет себе выражать, но которые я выплеснул безоглядно в тех строках, что сложились в ночные часы (о путче в Калифорнии узнали поздним вечером).

Но достаточно ли одного газетного выступления, чтобы сделать ставку на автора, рискнуть подписать с ним договор? В Америке — да. Так и произошло чудо: видеть свою колонку, скажем, в «Бостон геральд» рядом с материалами суперзнаменитостей — ощущение, так и не ставшее привычным, пусть даже эти звезды печатаются в сотне газет, а я пока только в пяти, в пяти разных штатах, а также в Японии и Корее (не Северной). Да и не разбогатея я, гонорар меньше, чем счет за квартиру, хотя, с другой стороны, живи я сейчас в Москве и собирай эти деньги «на книжку», за пару лет стал бы миллионером (в рублях, разумеется). Все в мире относительно: в Америке расходы на квартиру раза в три превышают расходы на питание (даже с напитками), так что усилия, которые я трачу раз в неделю, в вечерние часы, стоят того. (Пишу эти подробности лишь потому, что не каждому у нас понятна здешняя механика оплаты журналистского труда — и то, как нам недоплачивают дома...)

Но в феврале у меня появился конкурент, соо-

течественник, тоже ставший синдицированным колумнистом. Да такой, что мои скромные успехи готовы были тихо увянуть рядом с его колонкой и славой. Появляется она лишь раз в месяц, зато печатается в «Нью-Йорк таймс» и «Лос-Анджелес таймс» (плюс в итальянской «Стампе»). Кто же он, мой счастливый соперник? Михаил Сергеевич Горбачев.

Но вот напечатана первая его колонка. Прочел — и так и не понял, зачем и для кого текст этот был написан. Ведь не для «Правды» же!

Но, может, американцам она была интересна? На той же полосе в «Нью-Йорк таймс» я прочитал комментарий знаменитого собрата по профессии Уильяма Сэфайера, который меня утешил. Оказалось, наши мнения совпали.

Впрочем, он поступил деликатно, заявив сразу, что колонку Горбачева еще не читал, просто хочет дружески его поприветствовать в славной семье колумнистов и дать ему несколько полезных советов, как надо писать в Америке. В стране, где люди вежливы, но не прощают дилетантства. Итак, что же за советы?

Пишите от первого лица и выражайте собственное мнение, только оно и интересно читателю. Не надо банальностей, сообщайте только что-то новое. Хорошо, если в материале присутствует шутка, «анекдот» (то есть описывается происшедший с автором забавный случай, пересказывается поучительный разговор или исторический анекдот...). Если автор — политик, читателю интересны его предвидения будущего развития событий, его редкая осведомленность... И главное: не пиши ни о чем!

На этом Уильям Сэфайер не остановился — и предложил новому американскому колумнисту парочку тем, из тех, которые были бы по настоящему здешнему читателю интересны.

Например, такие. О чем беседовал Горбачев с министром Пуго в дни кровавых подавлений мирных демонстраций в Прибалтике? Верно ли, что Михаил Сергеевич искренне убеждал лихого воюку не применять силу?

Или такое: как я защищал демократию в советском парламенте. Как я заткнул рот Андрею Дмитриевичу Сахарову, а он, придя домой, возьми да умири, кто бы подумал...

Примет ли эти советы известного американского журналиста Михаил Сергеевич? Почитаем — увидим.

Лос-Анджелес, США

Владимир ЕРМАКОВ,
кандидат исторических наук

МАРУСЯ, МИШКА, ВОЙНА И МИР

Есть ли связь между анархистами начала века и здравствующими ныне? Несомненно. Прежде всего это заметно в их желании во что бы то ни стало выделиться из общей массы политических движений именно внешне. А для этого хороши и черные знамена, и броские лозунги, и необычайно шумные акции на улицах и площадях, и многое, многое другое, что, впрочем, не вполне согласуется со взглядами их великих предшественников. Скажем, газета питерских анархистов «Новый свет» в 1991 году рекламировала один журнал, который под рубрикой «Сделай сам» учил изготавливать наркотики. Привлекла внимание публики острая стычка между киевской анархической группой и питерской по поводу самогонварения. Питерцы заявили, что выступают против любой мелочной регламентации человеческой деятельности: «Понимающие люди гнали, гонят и будут гнать самогон вне зависимости от паршивых государственных законов...» Весьма экстравагантны нижегородские анархисты, которые объявили ноябрь 1991 года месяцем ненависти к коммунистам. Мало отличаются от питерских, киевских, нижегородских и прочих анархистских групп — московские. Защиту прав человека они увидели в борьбе против высоких цен в столице. Для этого они совершили шумное театральное действо: ползание по грязной мостовой на площади Маяковского на виду у массы любопытных пешеходов... Словом, с анархистами не соскучишься. Но главное — это разобщенность современных анархистов. Российский анархизм и в прошлом не смог стать единым в масштабе страны политическим течением, не может сделать этого и теперь. Да и вряд ли сумеет в ближайшем будущем, так как, например, только в Санкт-Петербурге с 1988 по 1991 год существовало восемь анархистских организаций, и думается, что не за горами появление новых. Что от них ждать? Попробуем оглянуться назад...

Уже с весны 1917 года в далекой Сибири, в Томске, местными анархистами во главе с Ключевым и Третьяковым в каждом из пяти полков, имевшихся в городе и состоящих в основном из амнистированных Временным правительством уголовников, были организованы особые анархистские роты. Они совершили несколько грабежей и убийств. В результате этого 3 июня в Томске

было даже объявлено военное положение. Совет солдатских депутатов организовал специальный Комитет по борьбе с уголовщиной, который разоружил все анархистские роты, арестовав, по различным сведениям, от одной тысячи до 2300 человек. Более пятидесяти человек в ходе этой операции было убито и ранено.

Там же, в Сибири, в находившемся под

сильным влиянием анархистов Черемховском шахтерском районе (на III съезде Советов Восточной Сибири в январе 1918 года от этого района было послано семь делегатов, и все они зарегистрировались как анархосиндикалисты) среди местного населения был велик процент бывших уголовников. Созданные здесь под руководством анархистов с осени 1917 года красногвардейс-

Москва, февраль 1992 г.

кие отряды, в которые записались тысячи шахтеров, мягко говоря, не отличались достаточной дисциплинированностью и порядком.

Это же явление не обошло стороной весной 1918 года и Москву, ставшую после переезда туда Советского правительства во главе с В.И.Лениным столицей и анархистского движения. Здесь анархистские отряды пополнились за короткое время различными темными личностями. Многие из них после последующих проверок оказались уголовными преступниками. Отряды заняли 26 крупных особняков в центре Москвы, но были разоружены войсками. Преступность в Москве после этих событий снизилась, по официальным данным, на 80 процентов.

И наконец, колоритный и совершенно уникальный эпизод, связанный с сотрудничеством анархистов и уголовников в годы гражданской войны, произошел в прекрасном городе Одессе летом 1919 года.

С началом гражданской войны город оказался во власти разноликих уголовных банд. Почти все они действовали от имени весьма популярных в Одессе местных анархистов. Не проходило и дня, чтобы в каком-либо районе города не совершались грабежи и убийства. Видя все это, анархисты заволновались и вскоре распространили обращение к ворам и налетчикам.

Естественно, никакие воззвания анархистов не помогли. Налеты и грабежи продолжались.

И вдруг в городе стало более-менее тихо и спокойно. А произошло следующее. Известный одесский вор-рецидивист Мишка Япончик обратился к одесскому чекисту Ф.Фомину с просьбой организовать отряд, который под его командованием вступил бы в Красную Армию и сражался бы против денкинских войск. Предложение это было на первый взгляд просто фантастическим. Но только не для тех, кто знал, что в то время представляли собой одесские блатные и их вожак. Вот что писал позже в своих «Записках чекиста» Фомин: «В распоряжении Мишки Япончика было по меньшей мере несколько тысяч человек. Он имел личную охрану. Появлялся где и когда вздумается. Везде его боялись и потому оказывали почести прямо-таки королевские. Его и называли «королем» одесских воров и грабителей».

К Фомину Мишка Япончик явился со своим адъютантом. «Через несколько минут у меня в кабинете в сопровождении чекиста Доброго появляются два человека. Оба среднего роста, одеты одинаково, в хороших костюмах. Впереди скуластый, с узким, японским, разрезом глаз молодой мужчина. На вид ему лет 26—28». Дав обещание, что одесские налетчики перестанут заниматься грабежами ввиду вступления в город частей Красной Армии, Мишка Япончик заявил следующее: «Я пришел не каяться. У меня есть предложение. Я хотел бы, чтобы мои ребята под моим командованием вступили в ряды Красной Армии. Мы хотим честно бороться за Советскую власть. Не могли бы вы дать мне мандат на формирование отряда Красной Армии? Люди у меня есть, оружие тоже, в деньгах я не нуждаюсь».

Ф.Фомин доложил о столь необычной просьбе командующему 3-й Украинской армии Н.Худякову, который после продолжительного обдумывания просьбы Мишки Япончика вместе с членами РВС армии Я.Гамарником, Н.Голубенко и А.Датько-

Анархисты

Фельдманом (известным в Одессе анархистом, тесно сотрудничавшим с большевиками), постановил «разрешить Винницкому (такова была настоящая фамилия Мишки Япончика. — В.Е.) сформировать отряд, а политотделу армии прикрепить к отряду командиров и членов партии для идейно-воспитательной работы».

Трудно сейчас с точностью сказать, чем руководствовались командование 3-й Украинской армии, но, вероятно все же, здесь как раз и проявилась вера анархистов и коммунистов в то, что, сражаясь за интересы своего народа, и преступники могут исправиться. Если, конечно, они искренне хотят окончательно порвать со своим прошлым. Возможно, А.Датько-Фельдману и стоявшей за ним Федерации Анархистов Одессы показалось, что воры и налетчики после опубликованного к ним обращения одумались и искренне хотят сражаться против войск интервентов и белогвардейцев. Как бы то ни было, а вскоре отряд был создан и насчитывал около двух тысяч человек. Военным комиссаром отряда был назначен анархист А.Датько-Фельдман.

Однако серьезным образом заниматься военной подготовкой ни сам Мишка Япончик, ни его дружки не собирались. Командиру отряда больше нравилось с утра до вечера маршировать по центру Одессы во главе своего оригинального «войска». Несмотря на это, командование решило отправить отряд в действующую армию. На фронте осложнилось положение и требовались подкрепления. Личному составу отряда было разрешено провести прощальный «семейный вечер» в помещении консерватории. Как вспоминал Фомин, «некоторые наши командиры заинтересовались этим банкетом и пошли посмотреть. Среди гостей было много женщин, из тех, которые раньше помогали своим друзьям: прятали и сбывали краденые вещи и ценности. Разодеты они были в шелковые платья ярких цветов. На многих сверкали драгоценности. На сцене и в зале

стояли длинные столы. Все было сделано на широкую ногу, с шиком, с явным желанием поразить, блеснуть. Обилие вина, закусок, фруктов. Мишка Япончик восседал в середине, на самом почетном месте. «Семейный вечер» длился до утра».

После столь шикарного бала отряд трижды собирался грузиться в эшелон для отъезда на фронт и трижды уголовные горевояки разбежались. В конце концов Мишке Япончику удалось погрузить в эшелон около тысячи человек и привезти их под Винницу, где полк (а именно так стала называться столь своеобразная воинская единица) прибыл в распоряжение 45-й стрелковой дивизии. В то время ею командовал И.Якир. По свидетельству начальника политотдела дивизии, полк внешне производил отличное впечатление: «Одних пулеметов было... срок с лишним штук. Политическая часть также производила выгодное впечатление: большая библиотека, основная и передвижная, граммофоны с агитационными пластинками — все новенькое, чистенькое».

У командования дивизии имелись серьезные сомнения в отношении боеспособности оригинального одесского полка. И возникла мысль о его разоружении. Но комиссар — анархист А.Датько-Фельдман заверил, что он вполне ручается за боеспособность полка. Хотя слегка и сомневается в его политическом поведении. Весьма интересно было бы нам сейчас узнать, о каком именно «политическом поведении» одесских блатных могли говорить между собой большевики и анархисты.

Как очень часто бывало во время гражданской войны, перед тем как отправить полк на позиции, устраивался парад части. «Зрелище было довольно любопытное. В ответ на мои приветствия последовала речь Япончика, примерно такого содержания: мы, мол, были воры и налетчики, но то было при старом режиме, а при советах мы станем передовыми борцами и так далее и тому подобное в этом роде. Все дружно кричали

«ура». Торжество, однако, было омрачено донесением о налете молодчиков из полка Япончика на жителей Бирзулы», — свидетельствовал начальник политотдела дивизии.

Стоит добавить воспоминания еще одного из очевидцев парада: «Это было уморительное зрелище. Синие, голубые и красные галифе, лакированные сапоги и модные туфли, офицерские кителя и гражданские пиджаки, сюртуки, фуражки, кепки, папахи... Люди увешаны патронташами, пулеметными лентами, за поясами торчат кинжалы, на портупеях болтаются шашки, ниже колен свисают револьверы»...

Полк Япончика все-таки выступил на фронт! И, используя ручные бомбы, совершил удачную атаку. Однако с наступлением ночи, забрав все свое имущество, кроме винтовок, которые уголовники не любили использовать в бою и давно уже бросили, одесское воинство побежало с фронта. На станции Вознесенск Мишка Япончик был задержан, и оттого, что вел себя вызывающе и, как бы мы сейчас сказали, «стал качать права», был просто застрелен комендантом станции. Вскоре Одесса была захвачена деникинскими войсками. Естественно, не только из-за трусости блатных...

Дружи Япончика, желая отомстить за убийство своего главаря, стали охотиться на руководителей большевистского подполья Одессы. Деникинкой контрразведкой были убиты несколько известных большевиков-подпольщиков, которых выдали блатные. Уголовниками был убит и бывший член Одесского Губревкома и Губисполкома анархист А.Датыко-Фельдман...

В последнее время в средствах массовой информации говорится о том, что в театре и кино слишком уж карикатурно и совсем неправдоподобно показывают людей, причисляющих себя к сторонникам

анархистского учения. Действительно, большинство так называемых «идейных» анархистов были скромными людьми, бесконечно преданными анархистским идеалам, они совсем не стремились ни своим поведением, ни одеждой как-то выделиться из общей массы. Но вот ура-анархисты, воспринимавшие это учение поверхностно, показали себя в полном блеске. Красноречиво говорят об этом очевидцы событий времен гражданской войны.

Вот как выглядел на трибуне в Кронштадте в июне 1917 года анархист Аснин, о котором написал в своих воспоминаниях член Кронштадтского и Петроградского Советов И.Флеровский: «Аснин на трибуне был чрезвычайно живописен. Черный длинный плащ, мягкая широкополая шляпа, черная рубашка взабой, высокие охотничьи сапоги, пара револьверов за поясом, в руке наотмашь винтовка, на которую Аснин опирался. Не помню лица, только черная клином борода врзалась в память. «Карбонарий», «заговорщик»... Даже масса затихла, увидев столь импозантную и редкостную фигуру».

Приведу и описание известной в годы гражданской войны анархистки М.Г.Никифоровой, или «Маруси», как звали ее в народе: «По улице с бешеной скоростью мчится экипаж. Небрежно развалился, сидит в нем молодая брюнетка в заливчатски одетой набекрень кубанке, рядом, повиснув на подножке, плечистый парень в красных гусарских рейтузах. Брюнетка и ее телохранитель увешаны оружием. Чего только здесь нет! Сабли, маузер в деревянной кобуре, ручные гранаты».

А вот как выглядели анархисты весной 1918 года в Ростове-на-Дону: «В эти дни горячка организации органов власти и в то же время появление анархистов. Маруся... «Испанцы» в длинных волосах и в черных пелеринах... Из-за поясов торчат дула больших кольтов, и, рукоятками кверху, в карманах бомбы».

К этим налетным друзьям присоединились некоторые братишки в клешах с золотыми дамскими браслетами на руках, сжимавших чудодейственную «бутылочку»...

— Братишки, сторонись!

Клеш в цилиндре тащит за собой максимум и устанавливает на углу Таганрогского.

— Наша взяла!

— Оцепили?

— Готово!

— Та-та-та-та...

— По Донскому областному исполкому!

— Готово!

— Крой их, б...!

В годы гражданской войны отряды вроде «Боевой дружины» М.Г.Никифоровой оставили память о себе во многих районах страны. О них ходили просто легенды. При этом сами анархисты терялись в оценках. Газета «Анархия» писала о «Марусе»: «Слава об ее отряде гремела по всему фронту, и слава худая... Без сомнения, Маруся иногда совершала нечто не анархическое, но это объяснялось отчасти и тем, что найти черту, где дисциплина не была бы в ущерб свободе, было очень трудно и... невозможно даже».

Многие анархисты взяли на вооружение лишь те лозунги их идеологов, которые были им выгодны. Например, такой тезис П.А.Кропоткина: «Пусть каждый берет сколько угодно всего, что имеется в изобилии, и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить». В отряде известного в годы гражданской войны матроса-анархиста Порубаева с этим лозунгом обстояло так: «Никакой официальной дисциплины в отряде установлено не было. Из обмундирования каждый брал столько, сколько ему заблагорассудится, и обмундировывался, как только ему нравилось. Кроме того, каждый партизан получал в сутки по двадцатирублевой керенке в виде жалованья... Суточные умудрялись получать по 2—3 раза». Один из анархистов, делясь впечатлениями о командире отряда матросе Порубаеве, с восторгом рассказывал, что «лучшего начальника, чем Порубаев, никто в отряде и не желает. Лучше даже трудно придумать: ни с кого ничего не требует. Настоящий анархический начальник».

В марте 1918 года Совет Московской Федерации Анархистских групп принял такое решение: «Было высказано о нежелательности грубых форм борьбы с контрреволюцией и о желательности производить обыски и аресты с целью, главным образом, обезоруживания противника». Кто же откажется от того, чтобы фактически уйти в сторону от реальной борьбы, а для вида имитировать ее обысками и арестами?..

Появление в нашей стране за последние годы многих и многих сотен партий, течений и движений, уходящих своими корнями в наше столь уж далекое прошлое, дает возможность историкам в какой-то мере помочь лидерам современных партий и их рядовым членам разобраться в успехах и ошибках их предшественников.

Одесса, 1918 г.

Российско-британское предприятие «Комстар» создано без малого три года тому назад. Оно было Колумбом среди СП, осваивающих отечественный рынок услуг электросвязи. Деятельность «Комстара» успели по достоинству оценить тысячи российских и зарубежных бизнесменов, наконец-то получивших в Москве возможность высокоскоростной и по любым меркам качественной связи со всем миром. Поближе с фирмой «Комстар» нас знакомит ее генеральный директор Игорь ЛОБОВСКИЙ.

— Игорь Маркович, учредителем «Комстара» с российской стороны является всем нам знакомая МГТС, с британской — фирма GPT. Почему ваш выбор пал именно на GPT?

— К выбору партнера (а было 11 претендентов на эту роль — ведущих фирм в этой области) мы предъявили классический западный подход — по комплексу критериев. О совковом «блатном» варианте и речи не могло быть. Так вот, и в плане предлагаемого к поставке оборудования, — а наши специалисты предварительно проводили испытания техники многих фирм, — и в плане предлагаемых услуг, и в части обучения наших сотрудников предложения GPT оказались наиболее полнокровными и полноценными. Сейчас, по прошествии времени, стало ясно, что выбор был сделан и разумный, и удачный.

— «Изыюминка» «Комстара» — международные таксофоны, работающие по кредитным и дебитным карточкам. Складывается впечатление, что, установленные во всех лучших гостиницах Москвы, в аэропортах, выставочных и медицинских центрах, они не имеют конкурентов.

— По сути вы недалеки от истины. Таксофоны — любимый и наиболее яркий проект из семи, внедренных «Комстаром». Услуга эта, что называется, позарез нужна и западным, и российским бизнесменам, спрос на нее несколько не уменьшается и сейчас. Две компании пробовали в столице устанавливать свои таксофоны, но потерпели неудачу и прогорели. Видимо, дело в качестве и в том, что мы пришли на рынок первыми.

«КОМСТАР» — звезда телекоммуникации

И все-таки наша главная изюминка, надеюсь, лишь проступает из тумана проектирования и опытной эксплуатации. Я говорю о цифровой наложенной сети (ЦНС) бизнес-услуг, которую мы только-только запускаем. Услуга, вернее, комплекс услуг, тоже из разряда тех, к которым деловые люди привыкли в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Токио и прочих центрах деловой активности. И которых, по понятным причинам, они были лишены в России и других государствах Содружества. В чем суть? С помощью одного терминала (или, если угодно, телефона) абонент может связаться с любым другим абонентом в Москве, в СНГ (включенным в нашу сеть или не включенным — без разницы) и с любой точкой земного шара — уже по нашей сети. Он может попробовать дозвониться и обычным способом через коды или телефонистку по стандартным каналам, но это, ви-

димо, будет долгим и нервным удовольствием. При соответствующем желании он может воспользоваться нашей сетью через спутниковую связь, базирующуюся на прекрасно зарекомендовавшей себя в мировой практике «System X». В этом сопряжении с существующими телекоммуникациями России и есть принципиальное отличие нашей разработки от вариантов, предлагаемых конкурентами. Их связь требует выделенных каналов и терминалов, что заметно сужает возможности.

— Я слышал, что по ЦНС можно передавать не только телефонные, факсимильные, электронные сообщения, но и видеосигналы.

— Да, с помощью ЦНС можно

только основную функцию — нас устроит любой вариант. Мы исходим из элементарного правила: клиент всегда прав и сам определяет, чего он хочет. «Комстар» же обязан помочь выбрать и предоставить те услуги, которые пожелает клиент.

Правило относится и к нашей повседневной деятельности: поставке, установке и обслуживанию учрежденческих цифровых телефонных станций, имеющих более 25 функций, высококачественных факсимильных аппаратов («Комстар» имеет лицензию на их аттестацию), многофункциональных телефонных аппаратов производства Японии и Великобритании.

— Какими достижениями «Комстар» вправе гордиться?

— Сначала о престижных моментах. «Комстара» поручили оборудовать сеть факсимильной связи в «Белом доме» России. Связь работает очень четко — по крайней мере мы получаем пока одни благодарности. «Комстар», как правило, принимает участие в обеспечении всеми видами связи государственных визитов в Москву руководителей иностранных государств.

О качестве связи «Комстара» высоко отзывалась госпожа Тэтчер. Во время посещения СП она с помощью таксофона позвонила министру промышленности и торговли, пребывавшему в крохотном отеле горной Шотландии, и была поражена быстротой соединения и прекрасной слышимостью.

— Наверное, можно было рассказать и о двух бизнес-центрах «Комстара» в столичном «Петровском пассаже» и Дагомьсе. Но если можно, несколько цифр — у наших соотечественников любовь к ним особая.

— По нашим данным, 60% клиентов «Комстара» — российские бизнесмены, 40% — иностранные. Ежегодный доход от реализуемых товаров и услуг — 15 миллионов рублей и 5 миллионов фунтов стерлингов. А название «Комстар» можно трактовать и как «звезда телекоммуникации», и как «общение через звезды». Общение людей, помочь которым мы стараемся по мере сил.

COMSTAR
TELECOMMUNICATIONS

СССР, Москва, 127434,
Красногвардейский пр., 2А,

СП „Комстар“

Телекс 414708 STAR SU

Тел.:
210 0962
979 1692
Факс:
200 3283
210 9986
979 4620

АО "Оргкомитет": ТЕМП НА УРОВНЕ РЫНКА

В бестранспортной части улицы Герцена, утихомиреной, наверное, навсегда прекращающимся ремонтом, начатым еще в те времена, когда в нашем государстве были пятилетки, напротив московской консерватории есть дом N 12, обогнув который со стороны такой же "тихомирной" улицы Огарева, вы обнаружите подъезд, украшенный рядом солидных табличек. Одна из них — самая привлекательная — извещает о том, что здесь на третьем этаже расположено акционерное общество "Оргкомитет". Что же оно организует? Как за год работы добилось популярности, заслужив на страницах газет и телеэкране диаметрально противоположные оценки своей деятельности? Об этом и многом другом корреспондент "Столицы" беседует с председателем правления АО "Оргкомитет" А.И.МИТИЧКИНЫМ.

— Анатолий Иванович, если взглянуть на вашу биографию, то вроде бы очень далека она от коммерции — после окончания ВЮЗИ партийная и советская работа, несколько лет в исполкомовской структуре, в частности в Мосжилучете. И ваш коллектив, который тоже был раньше частью исполкомовской структуры, кажется, должен был бы с трудом входить в рынок. Тем не менее сейчас вы с командой из 30 человек пользуетесь большой известностью в деловом мире и достаточно уверенно контролируете рынок недвижимости... Как это у вас получается?

— Трудно выделить какой-то один аспект, который бы объяснил этот факт. Но можно попробовать найти те факторы, которые позволили нам за довольно короткий срок стать тем, кем мы стали. Во-первых, у нас мощные учредители — мэрия, управление по охране памятников, Мосинкомбанк, мосстройкомитет... Во-вторых, люди, которые работают в моем подчинении, — профессионалы, которые хоть и сформировались в другой системе координат, но тем не менее смогли быстро активизировать запас знаний и практическую сметку еще в самом начале переходного периода к рынку.

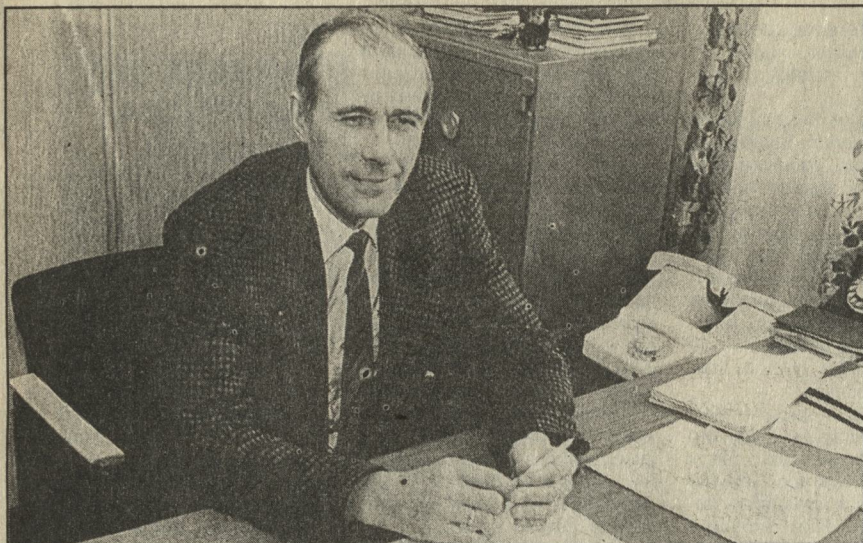
Собственно говоря, формированием рынка недвижимости мы начали заниматься еще в рамках старой структуры и действовавших тогда законов, став пионером этого дела не только в столице, но и в стране. "Прокрутили" все возможности, которые предоставлял в этом направлении закон об аренде, не раз

давали консультации на основе своего опыта "ходакам" от различных структур (и властных, и частно-кооперативных) из ряда регионов тогдашнего Союза по сделкам с недвижимостью... А в момент реорганизации всей системы управления в Москве ряд членов бывшего коллектива Управления нежилых помещений создали акционерное общество совместно с уже названными организациями. Уставный фонд составил 10 млн рублей. Сейчас эта цифра выросла в 3 раза, и, несмотря на затишье, наблюдаемое на рынке ценных бумаг, мы уверены — все выпущенные на эту сумму акции будут реализованы. Ведь мы многопрофильное "предприятие", развивающее сферу услуг, ведущее ремонтно-строительную и производственную деятельность. У нас сформирован и продолжает укрупняться банк данных по различным потребительским корзинам, при помощи аэрофотосъемки составлена карта города, значительно облегчающая покупателю выбор нужного ему объекта жилья с учетом окружающей социально-экологической среды. С нами выгодно сотрудничать, так как в нашем коллективе небольшое количество хорошо подготовленных специалистов в области рынка жилья, и все жилье, продаваемое нами через аукцион или напрямую, обязательно проходит нашу экспертизу...

— А какую долю в прибыли "Оргкомитета" составляет доход от продажи муниципального фонда жилья?

— Самую минимальную — все уходит в городской бюджет. Хотя многие,

особенно после недавней статьи в "Правде" президента Всероссийской биржи недвижимости В.Авдеева, убеждены в обратном. В связи с подобными кривотолками хочу сделать некоторые разъяснения. Во-первых, очень удивлен, что именно В.Авдеев выступил с таким "компроматом" против "Оргкомитета". Ибо незадолго до этой публикации мы с ним договорились о некоторых совместных проектах, которые получили его полное одобрение. И вдруг такой пассаж. Обвинение во всех смертных грехах, ни один из которых нами не совершался, да и не мог быть совершен, исходя из нашего устава да и просто здравого смысла. Суть вот в чем. По поручению правительства Москвы "Оргкомитет" реализовал и будет реализовывать впредь часть жилья из муниципального фонда через аукционы, чтобы привлечь инвестиции в эту сферу и помочь решить квартирный вопрос многомиллионной армии очередников исполкомов и предприятий. Между прочим, в бюджет города мы добыли уже 350 миллионов рублей чистого дохода, найдя (первыми в стране) возможность в отсутствие специального закона о продаже в собственность муниципального жилья эффективно действовать в соответствии с нынешним законодательством. Мы выставляем свидетельства на право заселения квартир в новостройках, причем, подчеркиваю еще раз, — только очередникам. Выгода такой меры очевидна. Кроме того, в настоящее время мы реализуем объекты незавершенного строительства. Сейчас цена 1 кв. метра у нас достигает 300000

Председатель правления
АО "Оргкомитет"
Анатолий Иванович
МИТИЧКИН

рублей. Продажа только 6 квартир в Тружениковом переулке, например, позволит построить для москвичей несколько многоквартирных домов.

Кстати, дважды по просьбе В.Авдева для активизации торгов на его бирже мы выставляли более 20 квартир, но практически никто на эти предложения не откликнулся. У нас же они постоянно реализуются в полном объеме. А причина тут проста — биржа изначально обречена на неудачу, ибо недвижимость не может быть биржевым товаром в силу самой своей природы. Что и нашло отражение в недавнем законе по этому поводу. В США, например, их нет вовсе, а есть специальные конторы, выполняющие аналогичные с нашим акционерным обществом функции. И потом — "Оргкомитет" рискнул и стал обладателем двух акций на ВБН в момент ее рождения — так что мы не можем быть врагами этой биржи. Другое дело, что опыт показал — самый реальный путь в этой области тот же, что и во всем мире. На бирже сделка совершается через брокеров с обоюдной потерей средств и для покупателя и для продавца. У нас они работают напрямую, без посредников...

— А где это происходит?

— "Оргкомитет" проводит аукционы в собственном торговом доме, помещении под который мы арендуем у ДК МЭЛЗ. У нас выставляются частные квартиры, дачи, гаражи, товары народного потребления. Здесь же можно разместить рекламные щиты, что я и предлагаю сделать тем фирмам, которые будут участвовать в наших аукционах. Они проводятся еженедельно.

— Как я понимаю, ваше общество не ограничивает свою деятельность пределами Москвы?

— Вы правы. Так, например, нами создается ипотечный банк в Череповце, который будет, в частности, выдавать кре-

днты под залог на недвижимость (здание мы арендовали на 25 лет!), здесь же учреждаем страховую компанию... Что касается непосредственно Москвы, то совместно с инопартнерами мы собираемся строить коттеджи, в Очакове создаем свой РСУ, чтобы способствовать улучшению положения дел с жильем для москвичей.

Кстати, мы нашли еще одну форму помощи бюджету города, реализуя через аукционы лицензии организациям на право приглашения иногородних специалистов с предоставлением московской прописки... В общем, к намеченному на конец марта собранию акционеров "Оргкомитета" мы идем в неплохом рыночном темпе.

**АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
"ОРГКОМИТЕТ"
ПРОВОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО АУКЦИОНЫ
ПО ПРОДАЖЕ В СОБСТВЕННОСТЬ КВАРТИР
УЛУЧШЕННОЙ ПЛАНИРОВКИ
В ДОМЕ-НОВОСТРОЙКЕ В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ ПО
ТРУЖЕНИКОВУ ПЕРЕУЛКУ ЗА РУБЛИ**

На аукционах АО "Оргкомитет" продаются свидетельства на право заселения жилой квартиры очередниками предприятий на государственную площадь и очередниками на площадь в ЖСК, а также семьями приглашенных специалистов по приобретенным предприятиями и организациями лицензиям в микрорайоне Сов.Бутово, объекты незавершенного строительства — жилье дома в микрорайоне Митино, частные квартиры, лицензия на право приглашения в Москву иногородних специалистов. Продаются цветные биржевые талоны.

Принимаются заявки граждан для продажи квартир, дач, домов, гаражей, находящихся в их личной собственности, товары народного потребления.

Адрес:

103009 Москва, ул. Герцена, 12

Контактные телефоны:

203-26-55, 290-25-46, 229-56-77

Факс 291-67-73

КОМУ ДЕШЕВАЯ КВАРТИРА, А КОМУ — ДОХОДНЫЙ ДОМ

О жилищной реформе корреспондент «Столицы» беседует с заместителем председателя Комитета жилищно-коммунального хозяйства России В.В.АВДЕЕВЫМ

— Валерий Валентинович, многие десятилетия мы гордились, что квартплата у нас неизменна с 1928 года. Говорят, скоро и она возрастет?

— Все ресурсы, потребляемые жилищно-коммунальной отраслью, подорожали во много раз, а тарифы на жилье — прежние... Только для содержания жилого фонда потребуются в этом году дотации из госбюджета 67 млрд. рублей. Государство, местные органы полностью компенсировать такие расходы уже не в состоянии. Между тем поставлена задача: отрасль из убыточной должна стать самоокупаемой, перейти на принципы хозяйствования.

— Из за чей же счет она станет прибыльной?

— В основном за счет квартиросъемщиков, нас с вами.

— Какой будет квартплата?

— Возрастет более чем в 10 раз.

— У многих сегодня не хватает денег на питание, а тут вслед за ценами на коммунальные услуги вырастет квартплата. Человек может оказаться в ситуации, когда заплатить будет просто нечем.

— Конечно, легче всего увеличить квартплату, но и сейчас много неплательщиков, нельзя допустить, чтобы в будущем это стало массовым явлением. Поэтому в разрабатываемом законопроекте «Основы жилищной реформы» предусмотрена статья о социальной защите граждан — это пенсионеры, инвалиды, малоимущие, многодетные, одинокие люди, — которые станут получать субсидии из госбюджета.

— Из какого расчета?

— Из расчета, чтобы после выплат за квартиру доходы не оказались меньше официально зафиксированного прожиточного минимума.

— Эта сумма будет передаваться человеку лично или зачисляться на счет в соответствующей жилищной конторе?

— Предполагается, что деньги будут получать сами граждане.

— Что еще нового, кроме высоких цен, можно ждать от предстоящей жилищной реформы?

— Весь жилой фонд предполагается разделить на две категории. Самое дешевое жилье, которое будет предоставляться населению на прежних условиях найма и в определенной норме, составит так называемый социальный жилой фонд. Любой гражданин может встать на очередь и получить жилье в размере от 10 до 13,5 кв.метра общей площади на человека.

— Получить — бесплатно?

— Да, бесплатно. Однако если появятся излишки, сверх нормы, то квартиросъемщик сразу же из условий найма переходит в условия экономической аренды и его квартплата увеличивается на 15%.

Кроме того, вводится категория доходного жилья. Его собственник заключает договор на аренду с лицом, которое нуждается в квартире. На каких условиях они договорились — их личное дело. Хотя, конечно, нетрудно догадаться, что цены будут достаточно высокие: доходным жильем станут пользоваться граждане, имеющие средства для его оплаты и не желающие несколько лет ждать квартиру в очереди. Если у человека есть возможность заплатить дорого и сразу — Бога ради: он решит

и свои личные проблемы, и поможет городскому хозяйству в его заботах, внося в бюджет крупную сумму, которая, между прочим, пойдет на расширение социального жилого фонда.

— Не кажется ли вам, Валерий Валентинович, что в таком случае многие собственники захотят сделать жилье доходным? Но одно дело, когда собственник — гражданин, сдающий свою приватизированную квартиру, и совсем другое — муниципалитет, у которого несколько тысяч очередников, или предприятие, объявившее в какой-то момент доходным часть ведомственного жилого фонда. Не предусматривается ли жесткое ограничение на «статус» доходного жилья?

— Предусматривается, и в новом жилищном кодексе это будет зафиксировано. Позиция нашего комитета — в первую очередь позаботиться о тех, кто не имеет жилья, мучается в коммуналках, общежитиях. Сегодня таких примерно два человека из ста. При переходе к рынку они особо нуждаются в социальной защите.

Л.СТРЫЖАК

P.S. Рынок жилья в Москве уже есть. Как он работает, кто покупает квартиры и сколько они стоят — об этом читайте на стр.28.

Москва. Двор приватизированного дома на Солянке

Фото ИТАР-ТАСС

ЕЩЕ ОДНА МЕЧТА ПРАВИТЕЛЬСТВА: ЗА ДОЛЛАР — 10 РУБЛЕЙ

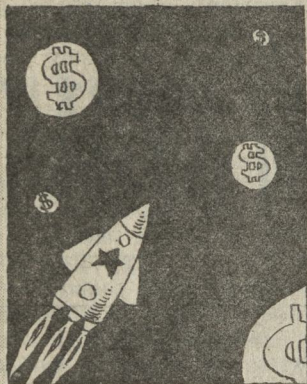
В минувшем году приватизация принесла в госбюджет России 2 млрд. руб. Ожидается, что в этом году сумма достигнет 90 млрд. рублей. Эти цифры привел председатель Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом Анатолий Чубайс. По его словам, уровень приватизации в России будет существенно выше намечавшихся первоначально 20 процентов.

А.Чубайс также признал, что по негласному правилу Госкомимущества иностранные предприниматели, желающие вложить в приватизацию более двух миллионов долларов, должны получить разрешение правительственных структур. Он упомянул о ведущейся разработке проекта введения специального приватизационного курса рубля, который предположительно составит около 10 руб. за один доллар. А.Чубайс считает, что шансы введения такого курса достаточно велики.

ПРИВАТИЗАЦИЯ В ЦИФРАХ:

39, 5, 47, 41...

Москомимущество разработало программу приватизации московского региона на 1992 год и с поразительной точностью определило, сколько и чего надо передать в собственность граждан. Программа предполагает обязательную приватизацию 39 магазинов, 5 оптовых баз, ресторана в городе Наро-Фоминске, 4 предприятий бытового обслуживания, 47 строительных организаций, 41 завода по производству строительных материалов, 62 предприятий перерабатывающей и пищевой промышленности, 68 предприятий легкой промышленности, 25 предприятий местной промышленности и 28 предприятий грузового транспорта.

ВАЛютУ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ИЗ КОСМОСА

По оценкам экспертов, наша активность в осуществлении космических программ сегодня упала до самого низкого уровня за последние 25 лет. Советский космический научно-производственный комплекс, долгое время существовавший за счет огромных госу-

дарственных дотаций и разработки военной техники, вынужден искать новых партнеров и инвесторов, в том числе и на Западе.

Россия создала свое национальное космическое агентство, в котором сильные позиции занимают представители военно-промышленного комплекса, в частности бывшего Министерства общего машиностроения; ведавшего производством ракетно-космических систем. Новая структура призвана заменить Главкосмос СССР. В республике, по разным оценкам, сосредоточено от 65 до 80 процентов производственного потенциала космической промышленности СНГ, в том числе 70 процентов производства ракетных систем, 65 процентов — радиотехнических комплексов слежения и дальней связи, 75 процентов производства новых материалов и специальных сплавов и практически все производство спутниковых систем. С точки зрения иностранных экспертов, наиболее

привлекательными при коммерческом использовании являются проекты запусков зарубежных спутников российских ракетами и создания систем спутниковой связи и телевидения на базе разработок фирм, входящих в ВПК.

Россия уже предлагает для коммерческих запусков «Протоны» и «Зениты». Стоимость каждого запуска оговаривается особо, однако известно, что тяжелый носитель «Протон», выводящий на околоземную орбиту груз весом порядка 40 т, окупает расходы при стоимости запуска в полтора млн. долларов. Российское космическое агентство уже начало переговоры с американскими фирмами об осуществлении совместных запусков коммерческих спутников и спутников системы оперативного спасения «КОСПАС—SARSAT». В случае заинтересованности западных партнеров в 1993 г. российскими носителями может быть запущено до 3 спутников связи и одна система «КОСПАС—SARSAT».

ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО СЫРЬЕ ЗАЛОЖИТЬ

Российский союз промышленников и предпринимателей с одобрения Бориса Ельцина проводит предварительные переговоры о возможности создания международного фонда страхования западных инвестиций в России. Предусматривается страхование как от политического риска, так и от риска при получении и вывозе прибыли на вложенный капитал. В соответствии с расчетами уставной капитал фонда должен составлять 10—12 миллиардов долларов. Российская сторона в качестве своего вклада могла заложить ряд крупных месторождений полезных ископаемых. В переговоры о создании фонда были вовлечены крупнейшие финансовые организации и страховые компании Запады.

АЛМАЗЫ НАШИ, ДЕНЬГИ ВАШИ

Аркадий Личутин, первый заместитель главы администрации Архангельской обла-

сти, заявил в местной газете «Волна» о намерении создать акционерную компанию с привлечением иностранного капитала для добычи и переработки алмазов. Речь идет о создании законченного производственного цикла от добычи алмазов до выпуска конечного продукта, например, алмазного инструмента.

Крупнейшим акционером компании станет администрация Архангельской области. Кроме того, в число акционеров войдут Росалмаззолото, компания Архангельскгеология. Названия потенциальных западных инвесторов А.Личутин не огласил, заметив, что к проекту большой интерес проявляют банки северных стран. Общая стоимость проекта оценивается в 14—15 млрд. рублей. При этом необходимость валютных вложений первый заместитель главы областной администрации определил в одну треть названной суммы. «Здание есть, алмазы наши, новая технология добычи наша, — сказал А.Личутин. — Ну а за доллары нужно взять современную технологию переработки и купить то, что необходимо для строительства».

А.Личутин сообщил, что об-

ластной администрацией подготовлен проект распоряжения правительства, которое должен подписать вице-премьер Гайдар.

ФИРМА «СИМЕНС» ШИРПОТРЕБА НЕ ВЫПУСКАЕТ

Германская фирма «Сименс», крупнейший электротехнический концерн Европы, намерена в течение 1992 года создать на территории бывшего Союза ряд совместных предприятий по выпуску пылесосов, стиральных машин, а также открыть новые филиалы в России (Кемерово, Кузбасс, Урал) и представительство на Украине. Глава фирмы в Москве заявил, что совместное производство планируется наладить на базе российских предприятий, специализирующихся на выпуске ширпотреб. При этом фирма предоставит партнерам технологии и обеспечит обучение персонала будущих СП. Необходимые комплектующие по возможности будут производиться в России.

И КОРОВЫ СКОРО ВЫМРУТ...

Производители впервые столкнулись с совершенно непривычным для советской экономики явлением — перепроизводством. Оно носит искусственный характер и возникло в условиях резкого (минимум на 300—400 процентов) роста цен на продовольствие, а также крайнего монополизма, сложившегося в перерабатывающей промышленности и оптовой торговле.

Производители вынуждены были — по сравнению с уровнем прошлого года — сократить продажу мяса и молока примерно на треть, а их финансовое положение резко ухудшилось. Колхозы и совхозы отказываются от приобретения вздорожавшей техники, семян, удобрений.

Спад производства в животноводстве в складывающихся условиях может стать необратимым: идет разрушение производственной инфраструктуры, быстрыми темпами сокращается молочное стадо, для восстановления которого потребуется в будущем не менее 3—5 лет.

МИРА НЕТ, А ЦЕНЫ МИРОВЫЕ

Предприятия бывшего Союза на сегодняшний день восстановили 70 процентов существовавших ранее — до распада — хозяйственных связей, сообщил министр торговли и материальных ресурсов РФ Станислав Анисимов. При этом большинство из них, по словам министра, реализуют свою продукцию на условиях бартера, что связано с инфляцией, а также с постоянным ростом цен.

Переход на мировые цены в торговле между странами СНГ «в обозримом будущем», по мнению С.Анисимова, исключен. Однако с государствами Прибалтики уже сейчас вводятся мировые ценовые пропорции. Разрыв прежних экономических связей в первую очередь сказывается на перерабатывающих отраслях промышленности, в частности металлургии, которые недополучают из-за срыва обязательств необходимые им объемы сырья.

Владимир ШУМЕЙКО:

«МЫ ВЫСТУПАЕМ КАК ЕДИНЫЙ КУЛАК»

Владимир ШУМЕЙКО родился в 1945 г., народный депутат России. Работал генеральным директором ПО «Краснодарский ЗИП». До 1991 г. — заместитель председателя Комитета ВС по вопросам экономической реформы и собственности. На V съезде народных депутатов избран заместителем председателя Верховного Совета России.

Фото Б.Кремера

— Владимир Филиппович, вы еще и президент Конфедерации союзов предпринимателей России. И в этом качестве участвовали в московском семинаре совместно с американским «Фондом наследия»...

— Да, «Фонд наследия» — американская общественная организация, исповедующая такой принцип: в частную собственность можно передать все виды человеческой деятельности, кроме двух — парламентской и судебной. Когда мы впервые — два года назад — стали с ними общаться при подготовке нашего закона о приватизации, их советы нам казались бесконечно оторванными от нашей странной экономики.

Первые наши социологические опросы после 1985 года показывали, что большинство населения связывало свои надежды с Горбачевым. Еще через два года такие опросы показывали, что люди уже больше надеются на Ельцина, правительство России и парламент. Сегодня, судя по опросам, люди не надеются в такой мере ни на правительство, ни на парламент, ни даже на Ельцина, а больше рассчитывают на помощь местных властей. И вот когда опросы покажут, что большинство

населения надеется уже не на какого-то лидера, и не на правительство, и не на парламент, и не на местные власти, а исключительно НА СЕБЯ самих, тогда и начнется рыночная экономика. Эта простая истина и лежит в основе всех советов американских предпринимателей на семинарах «Фонда наследия»: как организовать дело, что должен делать предприниматель в тех или иных практических случаях и т.д.

Больше того, одним из пунктов повестки дня на последнем семинаре был вопрос о том, как квалифицированно организовать процесс лоббирования в парламенте интересов предпринимателей на примере конгресса США. Именно цивилизованное лоббирование в отличие от нашего вульгарного, при котором депутат в парламенте защищает лишь свой личный интерес или узкий интерес своего завода, села. А у них — лоббирование интересов класса. Например, класса предпринимателей при разработке закона о налогообложении.

— А кто у нас и где — в парламенте ли, в правительстве — сегодня защищает интересы предпринимателей?

— Никто и нигде! Хотя вроде мы все, начиная от президента, дружно декла-

рируем, что надо защищать малые предприятия, создавать малый и средний бизнес. Но... дело в том, что до тех пор, пока сами союзы предпринимателей не займутся этим, дело не сдвинется. А они, уткнувшись в свою собственную предпринимательскую деятельность, ругая налоги и законы, не предлагают, как выходить из тупика! Ведь одним из главных вопросов повестки дня предстоящего VI съезда будет вопрос именно о ходе экономической реформы. И, конечно, съезд под влиянием предпринимателей мог бы принять решения, ускоряющие реформу. Потому нам важен сегодня каждый голос с места, с конкретного предприятия.

— И с этим было связано недавнее совещание директоров предприятий у вице-преьера Бурбулиса? Или это была как раз попытка лоббирования со стороны директоров?

— Нет. Была, скорее, попытка определиться, чтобы «закрутить» производство, предотвратить его резкий спад, вовлечь в рынок самую активную часть производителей. Понимаете, что произошло. Раньше мы вывешивали лозунги «Наша цель — коммунизм». Сняли их. Что же взамен? Ну, вроде сей-

час строим демократическое общество. А что такое демократия? Власть народа. Но ведь народ — это все полтора-два миллиона в России. Так, спрашивается, интересы какого же народа должна выражать власть при демократии? Если мы посмотрим на общемировое развитие, то увидим, что демократия — это власть не просто народа, а большинства. А кто это большинство на Западе? Это так называемый средний класс, то есть класс собственников. Тогда и рождается демократия, когда появляется класс собственников. Значит, собственники должны быть у нас и мелкие, и крупные, и средние — всякие. Вот почему мы говорим о приватизации, о том, что нужен товаропроизводитель, конкуренция.

И вот кто-то взял и провел в нашем обществе черту, разделив всех на «демократов» и «консерваторов». При этом всех генеральных директоров отнесли ко вторым, к консерваторам, противникам рынка и прочее. Но это же вранье! Потому что, если мы создадим такое законодательство, которое покажет директорам, что в этом классе собственников они будут далеко не последними людьми, совершенно по-другому будет развиваться общество. Мгновенно проснутся такие силы, о которых сейчас никто и не догадывается. Это должно поскорее понять и наше правительство реформ.

— Кстати, оцените сегодняшние действия правительства.

— Вспомним сначала наше первое правительство Силаева. Тогда была выдвинута программа «500 дней», которую Россия однозначно приняла, а центр благополучно зарубил. После чего Явлинский, тогдашний заместитель премьера по экономической реформе, подал в отставку. На заседании Комитета ВС по экономической реформе я, помню, спросил Явлинского: «Григорий Алексеевич, почему, как только отвергли вашу программу, вы сразу уходите из правительства? Вы ведь зампред Совмина не по программе, а по реформе? А реформу-то можно ведь проводить и по другой программе». И он мне ответил, что уходит не потому, что отвергли программу, это лишь повод. А причина в другом: «Представьте себе, что в правительстве Керенского Ленин отвечал бы за революцию. А потом, когда ее не получилось, правительство бы собралось и спросило Ленина: «Владимир Ильич, что ж вы нам революцию-то не обеспечили?...» Не может быть одного члена правительства, ответственного за революцию. Оно, правительство, в с е должно быть нацелено на эту задачу. Так и с экономической реформой. В с е правительство должно быть нацелено на реформы, а не один зам по экономической реформе»...

Так вот, сейчас, на мой взгляд, ситуа-

ция, так сказать, с обратным переколом: мы имеем сегодня все «правительство реформ», но потерялся при этом... управленческо-хозяйственный блок. Этот кабинет вовсе не «слишком ученый», не «витаает в облаках» или «оторван от жизни», нет. Они как раз своими знаниями, эрудицией очень сильны! А слабость кабинета — в отсутствии практического блока управления. Такой блок необходим прежде всего для того, чтобы не бросить на произвол судьбы нашу гигантскую государственную собственность. Ею надо каждодневно заниматься. Но — некому!

— Есть же министерство промышленности.

— Вроде есть, но... При всей моей любви к нашему новому министерству и новому министру Титкину — они постепенно превращаются в командный монстр... Копируют, к сожалению, то, что мы имели раньше. Министерство на глазах разбухло, в нем уже сегодня около 3 тысяч человек! Оно управляет, пытается по-прежнему командовать, чего категорически нельзя допустить в нынешних условиях перехода к рынку. Раньше ведь, когда командовали забирая, что-то все-таки давали взамен — сырье, материалы, комплектующие. А сейчас-то... ничего не дают, а команды продолжают.

— Однако недавно вы сказали, что ратуете за сохранение отраслевого управления. Опять создавать отраслевые министерства?

— Нет, тут мысль другая. Если мы с вами возьмем закон о собственности, то прочтем: распоряжение государственной собственностью осуществляют Советы народных депутатов, а также уполномоченные на это государственные органы. То есть кроме Советов еще какие-то госорганы могут распоряжаться госсобственностью. И вот все у нас привыкли, что это должно быть нечто громадное — министерства, госкомитеты и т.д. Но в 1986 году появилась новая интересная форма — МГО. Межотраслевое государственное объединение. Форма собственности тут — государственная. Но в рынке-то это объединение абсолютно самостоятельно! Допустим, на Кубани есть МГО «Рис», урожайность риса у них в 2—3 раза выше, чем у остальных. У таких МГО свой банк, своя хозрасчетная внешнеторговая фирма, свои снабжение и сбыт. Предприятия, подчас весьма разнородные, объединены здесь на общей программе. А государство делегирует этому МГО право заниматься управлением. Таких объединений полно на Западе. Почему от них надо отказываться? Но тогда, естественно, министерства надо убирать. Теперь, надеюсь, понятно, почему наши министерства сопротивляются, чтоб МГО существовали?

— Что же вы, в парламенте, предлагаете?

— Уже кое-что делаем. Пока что председатель ВС взял на себя решение сохранить несколько крупных МГО. Вопреки желанию правительства в лице министерства промышленности... Понимаете, многие сейчас путают понятие приватизации с понятием организационно-правовой формы. Приватизация — это продажа собственности в частные руки. А тут — собственность остается государственной, но форма-то может быть любой. Например, акционерное общество. Так вот, когда я говорю о сохранении отраслевого управления, я имею в виду, что это управление надо сохранить по отраслям в любой форме, но совсем не обязательно иметь для этого министерства.

— Говоря о разрушающихся хозяйственных связях и учитывая наш жуткий монополизм, как вы представляете себе дальнейшее функционирование экономики в условиях распада бывшего Союза?

— То, что мы имеем сегодня, может происходить лишь тогда, когда политика превалирует над экономикой. Но вот любопытный момент. Очень мало кто у нас вспоминает интересный факт из истории США, от момента их революции и те 11 лет, после которых они в 1789 году выбрали своего первого президента Джорджа Вашингтона. У них ведь было всего 13 штатов, причем совершенно самостоятельных: 13 центральных банков, 13 собственных валют, 13 рыночных пространств, то есть все было абсолютно так же, как это сейчас пытаются сделать в странах СНГ... Так вот, за эти 11 лет они поняли, что так жить нельзя. Штаты объединились, стали быстро развиваться, интегрировать экономику. А у нас, к сожалению, до сих пор политика довлеет над экономикой. Но это же противоестественно!

— Тогда почему же ваши коллеги, российские парламентарии, так часто и, согласитесь, не всегда эффективно вмешиваются в чисто экономическую сферу правительства?

— Понимаю ваш вопрос. Ответу на конкретном примере — деятельности созданной 3 января этого года нашей оперативной группы по разрешению сложных социально-экономических проблем. Вы были на наших заседаниях и, вероятно, заметили, что с каждым разом мы, парламентская группа, начинали все больше дублировать правительство, исполнительную власть.

— Последние заседания, по-моему, вообще были очень похожи на партхозактивы с самоотчетами руководителей «на ковре»...

— Совершенно верно. Поэтому я, как руководитель группы, подготовил решение (и оно уже подписано С.А.Филатовым) о ликвидации этой оператив-

ной группы. Но на первых этапах реформы, убежден, группа наша сделала свое дело: выявила причины сбоев и нестыковок реформы, предложила внести коррективы в законодательство. И в первую очередь — в части борьбы с уродливым монополизмом в сфере торговли. К примеру, у нас в области или крае максимум 20 оптовых торгов, в то время как в каждом штате США — их около 3700, в каждой земле ФРГ — до 10000!.. Какая же при 20 торгах может быть конкуренция? Только элементарный сговор. Это страшное явление монополизма, тромб во всем нашем хозяйстве. Вот почему приватизация нужна в первую очередь именно в торговле.

И, кстати, парламент часто вмешивается в экономику вовсе не потому, что мы считаем себя умнее профессиональных экономистов правительства (это было бы просто смешно!), и не по той причине, что представительная власть выше исполнительной (они, как известно, равны), а потому лишь, что Верховный Совет России — собственник. Ведь в данный момент вся общенародная собственность в республике принадлежит ему. А пока мы собственники, мы имеем право и на вмешательство, и на критику правительства...

— На критику — безусловно. Но критика эта, особенно в последнее время со стороны председателя ВС, часто превращается в оскорбление членов правительства, в ругань. Вас это не смущает?

— Согласен, критика, даже острая и справедливая по сути, должна быть выражена и в приличной форме. Естественно, когда такая критика переходит в брань... Называть правительство мальчиками в каких-то там штанах это... ну, не знаю... совершенно недопустимо. Потому что в любом случае неуважение к своему правительству — это нецивилизованно. Оно же создано президентом, которого мы избрали всем народом. Значит, должны доверять ему и его правительству. Это однозначно.

— Недавно председатель ВС сказал, что в его окружении (в отличие от президентских и правительственных структур) разногласий нет. Что он имел в виду, Владимир Филиппович?

— По крайней мере я могу сказать от себя (хотя, по-моему, и у других замов такое же мнение), что наши принципиальные взгляды на 99% совпадают. Пока мы все выступаем как единый кулак. Конечно, у нас всех разные характеры, разные мироощущения, разные формы выражения наших мнений, но в главном — в политическом плане — мы совершенно согласны друг с другом. Нет разногласий.

Григорий КРОШИН

Елена КОЛЕСНИКОВА

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДЪЯВЛЯЕТ МЕМОРАНДУМ

Меморандум —
дипломатический документ
с изложением взглядов правительства
на какой-нибудь вопрос.

С.И.Ожегов
Словарь русского языка.
М., 1983

Почта отдела экономики с начала реформ резко изменилась. До них почти каждое письмо являлось своего рода программой по спасению страны. Послания назывались: «Выход СССР из кризиса в период постбольшевизма» или «Пути преобразования социальности в действительный капитализм». Обращались ко мне просто, чаще так: «Уважаемый Борис Николаевич...» или «Уважаемый Иван Степанович...». В конце приписка: «Пусть в редакции им скажут!».

Признаюсь честно — корреспонденцию проглядывала, но отвечать не хотелось. Если автор письма всерьез полагает, будто Борис Николаевич с Иваном Степановичем проводят время в редакции, переписка бессмысленна.

И вдруг стали приходиться совсем другие письма. Из одних вопросов. Что будет с ценами? Куда обращаться безработному? Когда начнут всем продавать валюту? И опять с припиской: «Пусть правительство объяснит».

Заметив изменения в характере почты, я сделала для себя три вывода. Во-первых, правительство наконец-то перехватило инициативу у граждан — видимо, программы нынче составлять некогда и незачем, реформы на полном ходу. Во-вторых, у граждан перехватило дух от программ правительства. В-третьих, мало кто представляет, куда мы идем и с какими потерями доберемся до цели.

Несколько лет назад венгерский экономист (тогда он был зампредом Совета Министров) рассказывал мне, как готовили людей к реформам в Венгрии. В частности, к повышению цен. В первую

очередь провели социологический опрос. Он показал — только десять человек из ста готовы перенести вздорожание, остальные настроены крайне отрицательно. Тогда правительство устроило агитационную кампанию. Каждый день газеты печатали интервью с членами кабинета о неизбежности преобразований. По телевизору шли передачи — какой станет жизнь при новых ценах. Разъясняли все, вплоть до мелочей. Например, был назван сорт кефира, на который цена повышена не будет. Спустил время — новый опрос. И что же? 60 человек из 100 готовы были потерпеть и поддержать реформу. Наверное, поэтому венгерскому руководству не понадобилось создавать специальные полицейские войска на случай волнений недовольных трудящихся.

А у нас? Классический советский вариант: до реформ напугали так, что сам факт существования воспринимается теперь как чудо. Вся страна гадает, дадут зарплату или нет? Повысят цены с понедельника, вторника, первого числа четвертого месяца или обойдется? Устоит правительство или подаст в отставку? Если за день ничего подобного не происходит, уже подозрительно.

Журналистам, пытающимся внести хоть какую-то ясность в экономическую ситуацию, тоже нелегко. Это в застойные годы из правительственного пресс-центра звонили и вежливо приглашали на встречу. Теперь иные времена. Аккредитацию надо «выбивать», информацию «вырывать», полдня проводить на телефоне, чтобы выяснить — соизволит кто-нибудь из высокого руководства что-нибудь рассказать или

нет? Бывает, обещают одного собеседника, а появляется совсем другой. Это особенно не нравится иностранным корреспондентам, а наших даже не удивляет.

Наконец, если министр встречу назначает, вовремя она, как правило, не происходит. Час-другой опоздания — сушая ерунда. Угодить тоже сложно. Лично я все беседы записываю на диктофон и ответы воспроизвожу буквально. Но иногда, после публикации, слышу упреки — зачем так резко написала, к чему сообщать все до конца, ведь многое говорилось для внутреннего пользования.

Для «внутреннего пользования» много и спрашивается. Например, один высокий собеседник интересовался у меня, появилось ли в магазинах молоко, есть ли очереди за хлебом? Он за эту сферу отвечает. Другой, увидев жетон для поездки в московском метро, искренне удивился — дескать, а это что еще такое? Пустяки, разумеется, но общую тенденцию отражают — разрыв между истинным положением дел и тем, как представляют ситуацию министры.

Лучшее тому подтверждение — Меморандум правительства России, опубликованный в ряде газет. Сразу вопрос: зачем публиковать для народа Меморандум, а не понятную программу? Если это не для народа, то почему в газете? И еще десятки «почему», оставленные без ответа. Вероятно, это какая-то особая тактика, рассчитанная на доверчивого россиянина, позволившего вести себя в полном тумане к новым экономическим победам. Но ведь не так же! Терпение на исходе, доверие иссякает, политическая ситуация, мягко говоря, нестабильна. Как будем жить дальше?!

В Меморандуме все расписано подробно. Например: «Учитывая расчетный дефицит бюджета России в размере 20% валового внутреннего продукта (ВВП) в 1991 году, правительство планирует сократить дефицит консолидированного бюджета до 1% ВВП в первом квартале 1992 года...» Или: «Если пересчитать бюджет в соответствии с международными нормами, то есть исключить внешнее финансирование из доходов и включить затраты по обслуживанию внутреннего государственного долга в расходы, то дефицит бюджета увеличивается до 9% ВВП...»

Можно лишь порадоваться за экономистов, получивших вместе с газетой документ, выполненный на высоком профессиональном уровне. И почувствовать рядовым участникам перестройки — им, смею предположить, не все из Меморандума ясно. Как же будет развиваться наша экономика по плану Е.Гайдара и его команды? Хотя бы в общих чертах. Обратите внимание —

речь идет только о плане, жизнь внесет в него коррективы.

Прежде всего начнется повальная приватизация. До конца года больше половины (в среднем 60 процентов) предприятий торговли, пищевой, легкой промышленности, строительства, автотранспорта, сельского хозяйства должны обрести собственника. Это, конечно, радует, но вспомним — в Москве уже пытались за две недели приватизировать торговлю. Тут же — целые отрасли — за несколько месяцев.

Кончится отопительный сезон — и отпустят цены на топливо. Эксперты, оппозиционные правительству, предупреждают коллапс промышленности и резкий скачок цен на все, включая продукты питания и одежду. Правительство же намерено ввести новую систему экспортных пошлин, благодаря которым «в соответствии с заранее объявленным графиком цены (на топливо) достигнут уровня цен мирового рынка до конца 1993 года». Вообще стоит отметить, ценовой прогноз берется не с потолка, а вполне обоснован. Например, расценки на сырую нефть определяются исходя из обменного курса 50 рублей за доллар США. И ни цента меньше.

Хорошо продуманная социальная политика позволит отпустить цены на 12 основных, а потому непростительно дешевых продуктов питания. Прогноз, во сколько обойдется литр молока или буханка хлеба, увы, отсутствует. Сказано лишь, что дотации на них — забота местных властей.

Безработным правительство пропасть не даст, но и бездельничать не позволит. Предусмотрено два вида пособий — обычное и повышенное. Последние будут выплачиваться тем безработным, которые уволены в связи с закрытием или крупной реорганизацией предприятий. Все прочие будут получать обычное пособие. Правда, ни слова об индексации этих денежных выплат.

Популярный до 1 января лозунг: «Свободным ценам — свободную зарплату!» — похоже, лучше не вспоминать. Цитирую: «Учитывая быстрый рост зарплаты в материальной сфере в конце 1991 года и начале 1992 года, который влечет за собой риск усиления инфляции и может привести к излишней безработице, правительство готово в случае необходимости ввести меры, предотвращающие избыточный рост зарплаты...если руководители государственных предприятий... не будут твердо противостоять требованиям работников об увеличении заработной платы...». Выражение «твердо противостоять» предполагает, возможно, занятость тех самых спецвойск ОМОНа.

Наверное, нет смысла пункт за пунк-

том разбирать все положения Меморандума... Он, повторяю, исполнен профессионально и затрагивает любые сферы экономической жизни — от монетарной политики до системных изменений в обществе. Но, смею утверждать, отсутствует у создателей этого документа реальный взгляд на ситуацию.

Все написанное можно осуществить при трех условиях: твердой исполнительной власти, политическом соглашении между бывшими республиками и солидных валютных кредитах (около 8—10 миллиардов долларов). Но власти, ни твердой, ни просто владеющей ситуацией, нет. Политическая конфронтация между государствами СНГ сводит на нет разумные экономические предложения. (Пример тому — предполагаемая рублевая зона и то, что от нее осталось.) С кредитами тоже ясности никакой.

Тогда последний вопрос: Меморандум — это декларация о намерениях и только?!

«Правительство или не понимает происходящих процессов или сознательно идет на развал экономики, — обращается к руководству России группа экономистов во главе с академиком Н.Петраковым. — Платежеспособный спрос оказывается несоизмерен с уровнем цен; производители, будучи не в состоянии ни реализовать товары, ни снизить цены, вынуждены свертывать производство... Последствия этого могут стать необратимыми... Победные реляции о стабилизации и росте валютного курса рубля являются самообманом. Курс безналичного рубля, влияющий на внутренние цены сырья и топлива за пределами элитной Московской валютной биржи, продолжает падать, он уже перешел отметку 300 рублей за доллар. ...За один 1991 год, по оценке экспертов Международного финансового института (Вашингтон), частными лицами и коммерческими структурами СССР—СНГ за границей было депонировано около 20 миллиардов долларов. Пересчитанная в рубли по коммерческому курсу, эта сумма превышает годовой бюджет России. При такой утечке капитала невозможен не только рост, но даже продолжение производства в прежних масштабах... Пренебрежение интересами большинства создает политическую нестабильность».

При всем уважении к правительству подобная оценка событий гораздо реалистичнее (все знакомой!), чем упования на графики, по которым якобы придут в норму цены на нефть... Можно вытерпеть высокие цены, можно пережить временное падение уровня жизни, отказать себе в том, что прежде было доступным. Но в одном случае — когда есть уверенность, что нас ведут, а не заводят. Но уверенности-то нет...

Месяц назад президент Ельцин подписал долгожданный указ, призванный облегчить общение газет и журналов с читателями. Власти похлопали прессу по плечу: «Теперь вам жить будет лучше, жить будет веселее!» И что же? Цены на бумагу продолжали расти, «Роспечать» по-прежнему хамит, как и положено монополисту, все больше изданий вынуждены сокращать периодичность, объемы, тиражи, не ослабевает налоговая удавка. А в журналистских кругах гуляют слухи о таинственных списках, согласно которым кому-то что-то все же перепадет. Кому и сколько — секрет. И мы решили задать несколько вопросов человеку, который в курсе того, что происходит вокруг указа, — начальнику управления средств массовой информации Министерства печати и информации России Алле ЯРОШИНСКОЙ.

— Да, в списке есть «Комсомолка» и «Труд» — они включены по просьбе Ельцина. Есть «Известия». Словом, несколько газет, которые, скажем так, создают единое информационное поле СНГ. Допустим, «Труд» имеет только на Украине 4 млн. подписчиков. Терять такую газету неразумно... А вообще, признаюсь, это тот еще труд — делить каравай. Из тысяч изданий надо выбрать мизерное число. А остальные? Вот журнал «Столица» обидится: почему не нам дали?

— Нет, не обидимся. Мы как-то и не рассчитывали. Но о чем вообще речь? Деньги-то хоть большие?

— Что вы! Мы до сих пор толком не знаем, сколько дадут. На март-апрель будет миллионов 500 — на все про все. Так что никому жировать не придется.

— А что за 273 миллиона рублей Президиум ВС России выделил «Российской газете»?

— Это другие деньги.

— Какие другие? Из того же госбюджета России.

... КОМУ-ТО В ОКРУЖЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА ОЧЕНЬ МЕШАЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПРЕССА

— Алла Александровна, а происходит ли вообще что-нибудь? Понимаете, очень хотелось бы ощутить какие-то приятные последствия февральского указа.

— Надеюсь, скоро вы их почувствуете... Но я хочу начать разговор с предыстории этого указа. Больше двух месяцев назад наше министерство подготовило проект правительственного постановления «О мерах государственного протекционизма средств массовой информации и государственного книгоиздания в 1992 году». Предполагалось, что Ельцин подпишет его как глава правительства.

— Что было в проекте?

— Много полезных вещей, которые помогли бы прессе пережить трудные времена: отмена 28-процентного налога на печатную продукцию, налоговые льготы для бумажников, выделение валюты на импорт некоторых сортов бумаги и так далее... Но что об этом говорить, если документ два месяца блуждал в недрах президентского аппарата. И только когда страсти накалились, когда наш министр Полторанин несколько раз беседовал с президентом, когда, наконец, началась аритмия с выходом «Комсомолки» и «Труда» — только после этого появился... указ. И теперь мы заново пишем под него правительственное постановление. Кто будет устанавливать, например, стабильные цены на бумагу? Вы? Я? Полторанин? Это дело правительства, которое должно прийти к какому-то компромиссу с бумкомбинатами.

К сожалению, из указа выпал важный блок по налогам — и его опять же надо вернуть в постановление. Есть еще ряд ключевых моментов, но дело даже не в том, чтобы все это сформулировать и облечь в форму документа — надо ведь потом проследить, чтобы в правительственных ка-

бинетах никто не вписал туда какие-нибудь слова, меняющие смысл постановления с точностью до наоборот. История известная...

— А вы все-таки можете сейчас сказать, что будет с самым «большим» — с ценами на бумагу? 5 тысяч рублей за тонну? 6 тысяч? Мы, например, в марте получили по фондам несколько вагонов, и Балахнинский комбинат просит по 12 тысяч за тонну плюс 28 процентов. Причем цену назвал, когда вагоны были уже в Москве.

— Я знаю случаи, когда требуют и больше, так что вам еще повезло. Надеюсь, в ближайший месяц здесь будет, наконец, что-то решено. Хотя не уверена, что цена опустится ниже 8 тысяч рублей. Во всяком случае, о такой, кажется, цифре шел недавно разговор в правительстве с директорами ряда комбинатов.

— Ну а какие дотации и кому достанутся?

— Тут мы следуем рекомендациям комитета по печати Верховного Совета РФ: финансовая помощь должна быть оказана детским и юношеским изданиям, культурно-просветительским, изданиям для инвалидов. Причем речь идет о разовой помощи. И лишь в переходный период, возможно, до конца года. При определении размеров дотаций мы будем исходить только из величины расходов, связанных с подорожанием бумаги и полиграфических услуг. А то некоторые редакции уже принесли нам свои сметы, где и оплата-автомобилей, и покупка оргтехники, и повышение зарплат.

— Вы говорите, что среди счастливиц детские, например, или культурно-просветительские издания. А злые языки утверждают, что там есть газеты, которые, хотя и культурные, и просветительские, но не в большей степени, чем другие. И уж совсем они не детские.

— Вы правы. И мне не понятно, почему все налогоплательщики, даже если они не читают газету ВС, должны оплачивать ее нужды. Впрочем, понятно, конечно: это все из-за несовершенства закона, который разрешает органам власти иметь свои издания. А у кого власть — у того деньги.

— Кстати, о законах. Хасбулатов практически в один день подписал два закона: о печати и о налогах на прибыль. В первом сказано, что в течение двух лет с момента своего создания газеты и журналы налог с прибыли не платят, а во втором об этом ни строчки. И «Столице», например, в налоговой инспекции сказали: будете платить как миленькие, потому что для финансистов закон о печати — не Закон.

— Увы, российский бестолковости можно долго удивляться... Но наше министерство, конечно, обратится с этой «накладкой» в правительство, в Верховный Совет. Надо исправлять такие вещи.

— И много вещей вы собираетесь «исправить» в новом постановлении?

— Много. Мы предложили, к примеру, разморозить валютные счета редакций, давать им беспроцентные кредиты. Есть предложения, как избавиться от монополии «Роспечати», приватизировать ее. Правда, время поджимает, надо спешить, а то и помогать будет некому.

— «Спешить» — это как скоро?

— Мы документы подготовили. А вот как там дальше пойдет... Знаете, я удивляюсь: неужели «наверху» не понимают, как многое для них, для реформы зависит от самочувствия прессы, прежде всего демократической? Почему все это прокручивается с таким трудом? Мне кажется, демократическая пресса кому-то в окружении Ельцина очень мешает...

В.Старчевский

*Старомодно звучит —
«булочник».
Или, например,
«булочная Ситникова»,
«пойду к Ситникову».
Что-то совсем забытое,
из мира
старинных фотокарточек
и очерков Гиляровского.*

Мой знакомый имеет «дело» на Пятницкой, где в каждом доме — магазины, салоны, ателье, где люди толкаются на тротуарах ровно до семи, где торговая жизнь затихает покупчески пунктуально. Мой знакомый — тот самый «булочник Ситников». Борису Ситникову — девятнадцать, и директорствует он в хлебном магазине уже полгода. Ситников — самый молодой директор в столице.

«Как стал директором — сразу почувствовал основной закон торговли: все здесь держится на личных связях. Ездишь по заводам, пекарням, бросаешь ослепительные улыбки серьезным дамам, и почти сын родной, все для тебя сделают... Круг общения у меня теперь соответствующий — все солидные люди, директора, заведующие...»

Борина конторка в магазине не предназначена для бесед «за жизнь». Поминутно звонит телефон: то один хлебозавод на проводе, то другой. К дверям подкатил грузовик — надо вытаскивать лотки, а грузчик не поспевает. И директор сам таскает хлеб, сменяет кассира — заминки быть не должно...

партии, за место под крышей готовы отвалить огромные деньги».

Булочник Ситников «без отрыва от производства» учится в институте инженеров транспорта. Правда, больше времени тратит на обучение бухгалтерскому учету в институте повышения квалификации, чтобы вести дела обеих булочных самостоятельно.

«Со временем наберем надежных работников. Возьмем управляющего. Пустим линию в подвале — сами будем хлеб выпекать. Если зависишь от кого-то, значит, ты свое дело поставить не сумел. Вообще, я хотел бы хороший продуктовый магазин открыть. Красивые прилавки, продавцы в крахмальных передниках, богатый товар: севрюжка, осетринка, сервелаты. Двери с литыми медными ручками сделаем, зеркальные витрины. Будет тишина и покой — и никакой озверевшей толпы...»

На работу он принимает сам, предъявляя свои, «ситниковские» требования: честность, «чтоб соображал хорошо» и «не терплю, чтобы пили». Увольняет тоже сам.

На Пятницкой, у Ситникова

Фото В. Шишова

Булочником он стал случайно. Мама его школьного приятеля, человек далекий от торговли, решила рискнуть — взять в аренду хлебный магазин. Знакомые посчитали затею бредовой, и только ничем не занятый в тот момент Боря (суворовское училище бросил, из кооператива уволился) согласился помочь ей. Новоявленным предпринимателям предложили «в нагрузку» еще один магазин. Так что директорами стали оба, а булочные свои — «Деметра-1» и «Деметра-2» — объединили в одно предприятие. Вот и работают теперь, делают бизнес.

«Торговля хлебом — быстрый бизнес. Только с булок навар-то не слишком большой. Транспортные расходы часто больше, чем торговая наценка. Ладно, хоть могу выбирать, откуда везти хлеб подешевле. В день принимаем восемь машин.

Хорошие деньги можно зарабатывать на всяких кондитерских штучках — по договорным ценам, естественно. Что, наверное, и будем делать. А торговать в правом углу булками, а в левом углу пивом мы не собираемся. Принцип. Хотя брокеры предлагают миллионные

«Недавно зашел вечером — грузчик пьян. Иди, говорю, домой, проспись. Завтра зайдешь за расчетом. Сам остался в подсобке на ночь — разгружать машины. А грузчика, как и обещал, на следующий же день уволил».

Такой вот булочник Ситников. Молодой. Хваткий. Не хочет ни от кого зависеть. Со временем, может, превратится в «купчину толстопузого» — и ладно. Зато я знаю, что скоро буду покупать калачи только «от Ситникова» — солидному заведению ведь нужны постоянные покупатели — так, по крайней мере, было принято в мире старых фотографий.

Константин ЖУРОМСКИЙ

Вице-президент Московской центральной фондовой биржи
В. ПАНЬКИН:

“КУЛЬТУРА ВЛАДЕНИЯ КАПИТАЛОМ — ЭТО ТО, ЧТО НАМ НУЖНО”

МЦФБ — одна из крупнейших фондовых бирж в России. Существует около года. Уставный капитал — 68 миллионов рублей, специальный фонд — 215 миллионов рублей. Среди акционеров биржи — крупнейшие коммерческие банки (Промстройбанк, Кредобанк, Кузбассоцбанк и другие), брокерские фирмы, акционерные компании товаропроизводителей. Торги проходят 2 раза в неделю.

— Вячеслав Владимирович, перспективное ли дело сегодня — фондовая биржа? Ведь принято считать, что там, где есть инфляция, рынок ценных бумаг замирает. К тому же многие специалисты оценивают российский фондовый рынок как достаточно слабый, только нарождающийся, формирующийся. Способен ли он выдержать инфляционный натиск?

— В самом деле, инфляция и процветающий фондовый рынок — две вещи несовместимые. Таковы законы экономики. У нас же в стране инфляция достигла рекордных показателей: 10 процентов в неделю. Если кто-то и решится в такой ситуации вложить собственные деньги, то предпочтет не обесценивающиеся с каждым днем “ценные” бумаги, а что-нибудь понадежнее: например, недвижимость, автомобиль, другую технику. Одним словом, действует закон перераспределения товаров.

Но главное — негативные процессы, столь заметно проявляющиеся на фондовом рынке, — это зеркало, наиболее яркий показатель неблагоприятного экономического состояния всего государства. Ведь финансы — особая отрасль экономики, демонстрирующая перелив капитала из одной производственной сферы в другую.

Надо, конечно, учитывать и то обстоятельство, что с семнадцатого года никто не придавал финансам подобной значимости: существовали банки, где предприятие могло получить кредит. В случае, если оно оказывалось не в состоянии расплатиться с государством, долг попросту списывали. Так что нечего удивляться неразвитости российского фондового рынка: он создается практически на пустом месте.

Другое дело, что надо делать все возможное, чтобы рынок этот окреп: ведь ему принадлежит приоритетная роль в реализации основных этапов экономической реформы — приватизации государственности и конвертируемости рубля. Именно здесь следует искать главный источник инвестиций в нашу промышленность.

— Вы не случайно назвали биржи зеркалом экономики. Они переживают сегодня не лучшие времена: объемы заключаемых сделок падают, жесткая конкурентная борьба разоряет одних и обогащает других. Можно ли именно на фондовые биржи сделать сейчас серьезную ставку?

— Спад активности вовсе не означает полную депрессию. Например, на МЦФБ объем сделок в среднем достигает 10-50 миллионов рублей, а в прошлом году на нашей бирже было заключено сделок более чем на 1 миллиард рублей. Хотя проблемы, разумеется, есть, и августовский пик трудно сравнить с тем положением, которое мы имели в декабре, когда отдельные торги заканчивались с нулевыми результатами.

Если же говорить о расхождении бирж и брокерских контор, что мы сейчас и наблюдаем, то это вполне закономерный процесс. И говорит он как раз о том, что законы рыночной экономики начали действовать. Не случайно Россию называют страной бирж и президентов: количество еще не свидетельствует о хорошем качестве.

К тому же мы почему-то крайне трагично воспринимаем сам по себе факт банкротства, или поглощения мелкой компании более крупной, или слияния двух банков в один. На Западе это нормальная предпринимательская практика, позволяющая наращивать капитал.

— В октябре прошлого года на Ассамблее профессионалов рынка ценных бумаг биржевики говорили о том, что главным инвестором в грядущей приватизации должно стать население. Готов ли наш народ и морально и, главное, материально к столь ответственной миссии?

— Не готов. Если полгода назад его пассивность можно было объяснить плохой информированностью, а также чрезвычайно высокой номинальной стоимостью продаваемых акций, как правило, не ниже 100 тысяч рублей, то теперь ситуация изменилась.

Инфляция не только отпугивает население от покупки ценных бумаг, о чем я уже упомянул, но и просто “выкачивает” средства из карманов людей. Люди тратят деньги на то, чтобы обеспечить себя и свою семью хотя бы самым необходимым, не строя каких-либо планов относительно собственных накоплений. Да и накопления есть теперь далеко не у всех.

В Российском же фонде федерального имущества посчитали, что стоимость мировых производственных фондов, которые будут приватизированы в ближайшие 3 года, достигает порядка 2-3 триллионов рублей. Значит, столько же свободных денег должно быть и у населения, у предпринимателей, желающих выкупить эту собственность.

— Так кто же в этом случае станет инвестором?

— Вероятнее всего — банки, инвестиционные компании, фонды, крупные коммерческие структуры, которые уже сумели заработать деньги. С одной стороны, это плохо, поскольку противоречит мировой практике, а также может вызвать серьезное социальное недовольство. А с другой, экономической точки зрения, — хорошо, так как собственность попадает в руки людей, имеющих определенный предпринимательский опыт, а кроме того, доказавших на деле свое умение работать.

Ведь нам уже известны печальные примеры, когда акция выдавалась человеку, а он не знал, как ею распорядиться: либо

Вице-президент
Московской центральной
фондовой биржи
Вячеслав Владимирович
ПАНЬКИН

продавал, либо пропывал ее. Впрочем, культура владения капиталом, которой нам так не хватает, воспитывается не за один день. К тому же памятные сталинские займы и хрущевские облигации культивировали восприятие людьми ценных бумаг как прямой обман. Преодолеть этот «психологический фактор» будет тоже нелегко: понадобится серьезная разъяснительная работа. Мы, кстати, ее уже начали, публикуя популярные материалы в еженедельнике «Экономика и жизнь» и подготавливая специальные игровые передачи на радио и телевидении.

Разумеется, нельзя недооценивать социальную напряженность в обществе. Стремительное расслоение на бедных и богатых, имущих и неимущих чревато взрывом. В этих условиях специально созданный Роскомимущества должен стать своеобразным буфером, инструментом регуляции, смягчения острых моментов проводимой политики приватизации.

Например, для банков, инвестиционных фондов установить правило приобретать акции только на бирже, по рыночной цене, пусть даже втридорога. А для рабочих приватизируемого предприятия установить льготы, продавать им акции по номиналу или дробить их. Фонд федерального имущества может стать держателем пакета акций с правом последующего «выброса» их на фондовый рынок. Это также несколько упорядочит «обвальность» приватизации.

— Есть ли смысл рассчитывать сегодня на иностранные инвестиции в экономику России? Политическая нестабильность, правовой хаос, как известно, никогда не вызывали чрезмерной деловой активности у западных бизнесменов. С другой стороны, правительство постоянно упоминает о них как об одной из гарантий успеха экономических реформ.

— Мы только что вернулись из деловой поездки в США, где встречались с ведущими финансистами мира. Трудно было даже предположить, что к нам проявят такой искренний интерес. Те, кого мы долгие годы называли «акулами капитализма», готовы помогать нам уже сегодня. Но они вправе рассчитывать на некоторые гарантии и с нашей стороны.

Если мы сравним хотя бы отчетность, балансы американских предприятий с той документацией, к которой привыкли мы, — уже одно это объяснит выжидательность, столь смущающую нас в наших партнерах. В США тот, кто собирается распространять акции, представляет анализ деятельности предприятия за несколько лет, в динамике. И только после скрупулезного исследования получает или не получает разрешение на это. У нас же до сих пор неясно, каковы гарантии и обязанности при банкротстве.

Кто же захочет рисковать всем своим капиталом при таких правилах игры, а вернее, при их отсутствии? Потому и вкладывают в наше производство по 300-500 тысяч долларов — не более, с тем чтобы посмотреть, что с ними дальше будет. Одним словом, пока не будет нормального законодательства и политической определенности, ждать золотого дождя с Запада не стоит. Ведь есть регионы, в предпринимательском смысле не менее заманчивые, чем Россия.

Хотя повторю, с нами готовы сотрудничать, нам хотят помогать и относиться как к партнеру с серьезными потенциальными возможностями. Кстати, иностранцы более снисходительны к обилию бирж, нежели наши сограждане, и считают, что уже сам факт их создания, особенно бирж фондовых, — уже немалое достижение рыночной экономики.

— Пытается ли МЦФБ в условиях правового хаоса, о котором мы говорили, защищать интересы своих клиентов, предоставляя им большую информацию о том, что происходит на фондовом рынке, давая гарантии относительно вкладываемых капиталов.

— Безусловно. Мы сформировали информационно-аналитическое управление, которое должно заниматься анализом эко-

номического состояния предприятий, занесенных в листинг, добиваемся внедрения дополнительных форм отчетности, демонстрирующих реальное состояние дел.

Что же касается правового хаоса, то первым шагом на пути его преодоления биржевики могут считать «Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР», вступившее в силу в январе этого года. Несмотря на несовершенство отдельных пунктов, в целом это документ крайне современный. Рынок ценных бумаг не может существовать в условиях законодательного беспредела: авантюристы на нем, увы, пока не редкость, а кроме того, в условиях экономической нестабильности банкротство многих компаний становится весьма вероятным. От всего этого биржа и должна защитить своих клиентов, особенно если она привлекает средства населения.

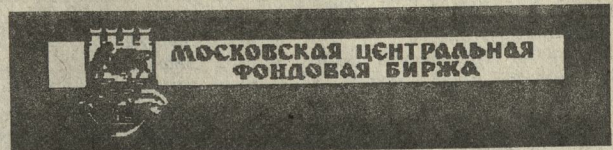
Не менее важно отладить и внутренний механизм рынка ценных бумаг, на котором биржа является лишь вторичным инструментом. Мы же намерены теперь большее внимание уделять формированию первичного инструмента и выступаем инициаторами создания аудиторских фирм, консалтинговых компаний, а также стали членами Торгово-промышленной палаты России и намерены вступить в Международный фонд содействия приватизации и иностранным инвестициям.

— Вячеслав Владимирович, что, на ваш взгляд, отличает начинающих отечественных предпринимателей от западных бизнесменов?

— Прежде всего то, насколько иностранцы дорожат своей репутацией надежного делового партнера. Они, как правило, верят друг другу на слово и не расплачиваются за это собственным капиталом. Российские предприниматели, к сожалению, и подписанный договор далеко не всегда воспринимают как обязательства, которые следует неукоснительно выполнять.

Но я надеюсь, что это болезнь роста, и репутация отечественных бизнесменов со временем станет столь же безупречной, как и у их зарубежных коллег.

Беседу вела Т. БОРИСОВА
Фото Д. ЛИННИКОВА

Московская центральная
фондовая биржа:
103009 Москва,
ул. Грановского, 5, кв. 37

Телефон 229-76-35
Биржевой канал 196-68-00
Факс 196-84-90

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Фото В.Шишова

В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ПЕРЕХОДЕ...

Если бы историю КПСС не отменили, я повела бы школьников учить ее «в натуре». С пятого по семнадцатый — на Манежную площадь, военный коммунизм — к прилавкам госторговли, нэп — о, нэп, конечно же, в подземный переход.

Этот пятидесятиметровый отрезок я прохожу дважды в день. Утром он — ничто, грязная труба, заглатывающая покорную рабсилу, накопитель серых сплин, которые невидимый дирижер раскачивает в монотонном ритме непротнувшегося дня, то ужимая, то расширяя шеренги в соответствии с конфигурацией пространства. Зато вечером... Вечером это особый мир, театр, биржа, супермаркет, игровой дом, клоака и феерия одновременно, достаточно лишь сделать шаг в сторону, остаться на обочине обратного потока.

Еще не подтолкнула сзади последняя дверь метро, а воздух уже взрывается лихой трехрядкой: «Эх, Одесса!» Но это до первого поворота, а там конкуренты — раздутые духовики со своим жалостливым, сентиментальным вальском. И пьяная баба с застывшим взглядом кружится, кружится, нелепо откинув голову, то ли в тоске о не бывшей юности, то ли в надежде заработать бутылку бормотухи, которая в качестве платы жметса к ногам музыкантов.

«Ох-ма!» Встав на колени, обливаясь соплями и слезами, черноволосый парень крушит расписных гипсовых кошек, вынимая их одну за другой из потертого рюкзака. Хрясь! — об пол, хрясь! — еще раз. Что случилось? Отчего тоска сердечная? Никому нет дела. Люди из потока ловко увертываются от разлетающихся кошачьих обломков, ни на секунду не прерывая свой заданный путь.

Свет, темь, свет, темь — лампы горят через одну. Свет там, где благоухают цветочные ароматы. Чирк-чирк быстрыми ножницами — и вечная гвоздика сняет девственный румянец. Кто сказал, что не бывает второй свежести? Свежести будет ровно столько, на сколько оттопырится ваш бумажник.

А в соседнем полумраке ловкий шарик мечется между старыми как мир наперстками. Он хочет вырваться, ему осточертела ловля бесконечных дураков, но цепкие пальцы знойного гостя вновь и вновь загоняют его в клетку, как бы приговаривая: «Крутись, глупый, отрабатывай законы рынка — пока есть спрос, будет и предложение». Тоскливыми истуканами маячат в отдалении темнотыце стремники. Никто не покупается на монополию шарика, ску-у-шно, господа.

«Миша, Миша! Я уже приехала! Я жду!» — надрывается телефонный «пятак». «Нэт, дарагой, мы же дагаварились на пять, значит, пять». «Господи, когда же это кончится? Я

же люблю тебя, слышишь?»

— А вот ява-явочка ява-ская. Кому явочку?

— Все о сексе! Подходите, только здесь вы узнаете все о сексе.

Они уже знают. Парень с девушкой застыли в поцелуе посреди толпы. Им не нужна просветительская макулатура, им бы четыре стены, где можно укрыться. Но стенами здесь не торгуют, или не по карману, или и так хорошо.

Вспыхивает и мгновенно утихает маленькая потасовка. Кто-то кого-то за грудки, кто-то бутылкой об землю, кто-то с сыняком под глазом — вот и все. Передел сфер влияния состоялся, стихли муки ревности, справедливость восторжествовала.

Еще поворот и — что это?

Ноты на самодельном пюпитре, две женщины и мужчина, тщетно сляясь перебить удалую трехрядку слабыми голосами, выводят что-то таинственное и чужеродное здесь. Но поток несется дальше, вверх, к звездам, а жестянка с корявой надписью «На возрождение Храма» так и остается пустой.

Елена САЛИНА

ЛЕНИНСКИЙ САРКОФАГ ПРОДАН. НА ОЧЕРЕДИ — СОДЕРЖИМОЕ?

Сенсацией месяца стало в Нижнем Новгороде сообщение газеты «Нижегородские новости» о продаже на аукционе в Бостоне (США) первого хрустального саркофага, предназначавшегося для мавзолея В.И.Ленина. Имена участников сделки не названы, но известно, что покупатель — некий мультимиллионер арабского происхождения — выложил за покупку 29,6 миллиона долларов.

Хрустальный саркофаг для Ильича был изготовлен в январе 1924 года. По пути в Москву ярок бесследно исчез, остались лишь легенды о том, что к пропаже приложил руку не то Сталин, не то Троцкий, не то Дзержинский.

В прошлом году, сообщает газета, поисками хрустальной реликвии (с целью продажи, естественно) занялась группа инициативных нижегородцев — отставные во-

енные, аппаратчики, работники «органов». Координатор группы — капитан первого ранга запаса Анатолий Павлович Б. заявил: для западных аукционов группа уже подготовила несколько уникальных ваз, люстр, сувениров, изготовленных в свое время для Сталина, Хрущева, Брежнева, и добавил, что Министерство культуры Российской Федерации якобы обещало разрешить вывоз этих редкостей из страны (есть даже официальная бумага).

И вот ленинский саркофаг продан. Сообщается, что он в течение шестидесяти семи лет пролежал в заброшенном пакгаузе Горьковской железной дороги. Из газетной публикации неясно, впрочем, кто переправил хрустальный гроб за пределы России — «орлы» Анатолия Павловича Б. или иная «фирма» и, самое главное, как удалось осуществить эту операцию. Корреспондент «Столицы» начинает собственное расследование.

Андрей СМИРНОВ (ИА «ПАС»)

В АМЕРИКУ И ОБРАТНО — НА ХАЛЯВУ

Со 2 марта желающие совершить вояж в Америку, поучиться там уму-разуму и может быть, вернуться обратно осаждают Библиотеку иностранной литературы.

А «виноват» в этом Джорж Митчелл, сенатор штата Мэн. В прошлом году ему пришла в голову идея помочь гражданам бывшего Союза получить образование в США. Конгресс не только одобрил идею, но и поддержал ее материально, выделив на все про все 7 миллионов долларов.

В Москве, Алма-Ате, Киеве, Ереване, Санкт-Петербурге и Новосибирске в консультационных центрах вовсю раздают анкеты, которые необходимо заполнить и сдать до 10 апреля. В начале июля, по итогам конкурса документов, две тысячи кандидатов пройдут тестирование. И лишь 160 счастливицков отправятся в Америку изучать экономику, юриспруденцию, коммерческое и государственное управление.

В.К.

СВЕРШИЛОСЬ!

Откликаясь на многочисленные просьбы учащихся и трудящихся, администрация Тернопольского педагогического института разрешила продажу в институтском буфете водки, причем — В РОЗЛИВ! Будущие педагоги — в восторге.

Информ-бюро
«НЕЗАВИСИМОСТЬ»

Фото Э.Кудрявицкого

ИЗ ЧЕГО «ОКРАИНА» СКРОЕНА?

В то время когда печатные издания все сильнее потрясают читателя своими ценами — одна другой пуще, — в столице, оказывается, выходит бесплатная газета. Это «Московская окраина» — многотиражка Северо-Восточного округа. Такая нечаянная радость свалилась на читателей неспроста, а после «подбивания бабок» сотрудниками редакции. Они уразумели, что прибылью с продажи восьмидесяти тысяч тиража сыт не будешь, значит, требуются иные способы выживания. Один из них возник в виде дотации от префектуры округа. Видать,

префектура весьма состоятельна: как-никак себестоимость одного экземпляра — около пяти рублей. Кроме того, в газете не худо налажено рекламное дело. В довершение ко всему хваткие «украинцы» разжились издательским комплексом (правда, в кредит) и начинают работать по заказам. Таким образом наши герои намерены просуществовать в течение всего периода перехода к рынку. Они не знают

одного — сколько этот период продлится.

Интересно, что думают по поводу бесплатной «Украины» эксперты шестирублевого «Коммерсанта»?

Алексей БЕЛЯКОВ

ЕШЬ ВОДА, ПЕЙ ВОДА...

В течение целой недели все грудные дети Воронежа поголовно были вынуждены обходиться без специального кефира, что наверняка серьезно сказалось на цвете их щечек и на темпах набора веса. Кефир попросту не поступал на кухни детского питания, а заменить его было нечем.

Кефир для маленьких воронежцев производит малое предприятие «Малыш». Как ни странно, «Малыш» работы не прекращал и, более того, был просто залит сырьем, то есть как бы молоком. Но как ни бились специалисты малого предприятия — кефир у них не получался. Слегка разбавленная молоком вода никак не желала заквашиваться по всем законам химии.

Поставщики же пытались объяснить, что это у них, дескать, такие «водяные»

коровы... Либо коровы все-таки одумались, либо их срочно зарезали и нашли где-то настоящих, «молочных», но к исходу недели кефир на молочных кухнях все-таки появился.

Николай СТАРКОВ

АРАФАТ — ОТРАВЛЕН, ПИЛАТ — РАНЕН

В Ростове-на-Дону совершено дерзкое нападение на Ясира Афарата. Злоумышленник брызнул ему в лицо газ неизвестного типа из аэрозольного баллончика. Вместе с двумя другими студентами Ростовского медицинского института Ясир Арафат госпитализирован в токсикологическое отделение больницы скорой медицинской помощи с диагнозом: отравление.

А вот на Пилата покушались в Итальянском переулке города Таганрога. Некий рассерженный гражданин нанес Пилату ножевой удар в бедро. После выздоровления гражданин Пилат вернется к исполнению своих обязанностей на местном комбайновом заводе.

Сергей СИНЕОК

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Елена АВЕРИНА

ХОЧУ БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ И ЧЕЛОВЕКОМ

Ужасно хочется быть женщиной — носить декольте и каждый день менять букеты в вазе. Хочется не работать, быть «красивой игрушкой» и полностью зависеть материально, воспитывать детей и погрязнуть в мещанстве. Хочется падать в обморок от матерного слова и ежедневно убеждаться эмпирическим путем в том, что «в слабости наша сила». Хочется, чтобы говорили комплименты и чтобы комплименты были правдой. Хочется следить за собой, иметь естественный румянец и отложить неотложное дело из-за того, что не высох лак на ногтях. Хочется высыпаться — и по этой причине выглядеть жизнерадостной. В общем, чтобы быть женщиной, надо много чего. И плюс к этому — чувствовать себя человеком.

Чтобы чувствовать себя человеком, требуется гораздо меньше. Надо, чтобы тебя замечали. Надо быть для окружающих хотя бы экземпляром. Мне нравится смотреть на людей, которые едут на эскалаторе навстречу, я люблю слушать «автобусные» разговоры, все эти: «Ой, девчонки, звонит мне вчера мой брокер..», все эти: «Мама, а ты знаешь, как измерить температуру таракану?» И я рада, что у кого-то все классно с брокером, и мне обидно, что не догадалась об элементарном: надо на-

собрать тараканов в стакан и засунуть туда градусник. Люди безумно интересны. Ну разве не стоят внимания «экземпляры», которые на одной дверце метро написали слово из трех букв, а на второй — «Omne animal triste potest coifum». Но, как известно, милые индивидуумы, объединяясь в хамящую и толкающую толпу, представляют собой жутковатое зрелище. Бог с ними, с очередями — только бы вокруг не толкались, не напирали животами и не изнуряли стоящих рядом потоком болез-

ненного сознания, произносящимся вслух. В Москве полно злых старух, преисполненных ненавистью к окружающим. Их ничто не исправит — даже сытость. В часы «пик» все становятся похожими на этих зловерных старушонок. Ну а в конторах сейчас чаще, чем обычно, говорят «спасибо», «пожалуйста» и улыбаются. И это не столько плоды воспитания, сколько бизнес. Может, хоть из официальной вежливости появится привычка обращаться друг с другом по-человечески? Все перестанут орать, начнут уступать дорогу, говорить «как вам удобнее?», «у вас проблемы?»... Сплю и вижу эту идилию. Одно печалит: человеком — и в свою очередь женщиной — почувствовать себя я не успею. Просто превращусь в очередную злобную старушку.

Говорят, Москву скупают иностранцы. Находят советских маклеров, дают им денег, и те с мешком валюты бегают по городу, ищут «выездников» или расселяют по окраинам жильцов из коммунальных квартир. Квартиры российских граждан становятся офисами инофирм. Не только обыватели возмущены этим безобразием, но даже вполне коммерческие господа, причастные к творящемуся у нас на глазах рынку. Общество с ограниченной ответственностью «Мосприватизация» имеет в своих рядах предприимчивых людей, имеет правительственное поручение на проведение приватизации жилья, а также массу пре-

тензий к маклерам, к скупщикам-иностранцам, к прессе и вообще — к действительности.

Иностранцы, по словам замдиректора «Мосприватизации» Вадима Бухтиярова, посягают на наш центр. К примеру, есть сейчас в самом сердце столицы коммунальная квартира в 170 квадратных метров: две кухни, десятиметровая ванная, пять комнат. Хозяева хотят получить четыре однокомнатных и одну двухкомнатную квартиру — где угодно, лишь бы врозь. Маклер покупает им это «счастье» — за 100 тысяч долларов. Инофирма получает готовый офис, причем выкладывает тысячу долларов за каждый квадратный метр. Из та-

жимости. Фирма взяла на пятьдесят миллионов кредит в банке, и он позволил вести только безналичный расчет. Руководство «Мосприватизации» бросило клич — принесите на продажу квартиры, получите безналичное вознаграждение. За два месяца контора не сумела приобрести ни одной квартиры. У дверей коммерческого отдела хозяев жилья перекупали маклеры. Весь Банный переулок, по утверждению начальника коммерческого отдела Сергея Васильева, перекочевал за информацией в коридоры «Мосприватизации».

Начальство понимало: чтобы коммерческая информация не уплывала, ее надо щедро и сразу

Элиита ЕФИМОВА

ЕСЛИ У ВАС НЕТ КВАРТИРЫ, ТО ВАМ ЕЕ И НЕ КУПИТЬ

**У меня нет своей квартиры.
Время сейчас такое,
что можно пойти на рынок
и все купить.
В том числе и жилье.
Я без конца слышу
и читаю о каких-то торгах,
аукционах недвижимости.
О каких-то миллионах,
которые там крутятся.
Я понимаю: квартир мало,
а цены
головокружительно высоки.
Квартирный рынок пока удел
избранных. И я — в толпе
обывателей, которые глазают
издали на рыночные размах
и ищут — кто виноват
в социальной
несправедливости.
Коммерсанты?
Квартирные маклеры?
Захватчики-иностранцы?**

ких сделок складывается маклерское счастье — очень зеленого цвета...

В «Мосприватизации» мне не сказали, сколько квартир обрели иностранцы в Москве за последнее время. Нет, говорят, такого учета нигде. Но твердо заявили, что скупают «они» Москву по дешевке. Если, скажем, в Финляндии однокомнатная квартира стоит 60 тысяч долларов, в СНГ — тысяча десять. Пройдет время, цены подскочат, «фирмачи» солидно нагреют руки.

Советские же фирмы, считают в «Мосприватизации», хотят и не могут составить иностранцам конкуренцию на этом рынке. Для «наших» — проблема перевести валюту за рубеж, куда навсегда переселяется бывший столичный житель. А покупать квартиру за рубли разорительно, цены бешеные: «деревянные» в два-три раза выше «зеленых». Негде взять оперативный капитал — тот самый мешок с деньгами, которым маклер соблазняет будущих эмигрантов, одиноких старушек или заложников «коммунального рая». Отечественные конторы, утверждают в «Мосприватизации», богаты только безналичкой. Получит продавец квартиры на сберкнижку круглую сумму — 28 процентов от нее проглотят налоги, половина остатка «испарится» во время обналичивания. Вот и отдают хозяева свои квадратные метры ловким маклерам, а те — белым людям несоветского происхождения.

«Мосприватизация» личным участием в рынке хотела его облагородить, «осветить» черный рынок для нас, обывателей, — и на себе испытала все обиды «второсортности» россиян по отношению к «чужакам».

С сентября прошлого года «Мосприватизация» проталкивает, иначе не скажешь, приватизацию жилья в Москве — то платную, то бесплатную, то по одной схеме, то по другой, то с участием нотариуса, то без него. Когда неразбериха с бумагами стала нормой для работы фирмы, она, по рассказу замдиректора, начала нести убытки. Типографские расходы, содержание 400 штатных сотрудников, опасения, что фирму закроют за ненужностью, побудили руководство заняться рынком недви-

оплачивать. На общем собрании директор «Мосприватизации» объявил систему стимулирования рыночного процесса: тот, кто за ручку приводит продавца, получает десять процентов от суммы перепродажи.

И началась охота на рублевые квартиры. За одну неделю ноября «Мосприватизация» на пять миллионов накупила целых пять штук: сразу же набежали покупатели — за квартиру, которая обошлась «Мосприватизации» в полтора миллиона, предлагали три. Сотрудники-посредники получали свой честный премиальный процент. Причем не на книжку, а в руки.

Наличку брали из кассы. Скопилась она от платно-бесплатной приватизации. Оформление тогда стоило 500 рублей, сегодня — 320. Словом, хотя замдиректора Бухтияров и обозвал приватизацию неприбыльной, но деньги кассир продавцам выдавал хорошие. Получив свои тысячи, клиент, по уговору, оставлял фирме вознаграждение. За быстрое, в два-три дня, оформление сделки. Из этой суммы оплачивались «представительские» расходы «Мосприватизации». Нотариусов, например, кормили из «Макдоналдса». Клиентов обслуживали, как теперь говорят, «галантерейно» — даже из нотариальной конторы в банк возили на машине, с одним продавцом переночевали, охраняя полученную им наличность.

Но одна из пяти купленных квартир оказалась «нехорошей». Клиент продавал однокомнатную квартиру, чтобы уехать на свою историческую родину в Крым и купить там виллу. «Мосприватизация» сбила цену с полутора миллионов до 800 тысяч. Двумястами тысячами по договору хозяин обещал вознаградить фирму. И вознаградил. Положил на стол, вышел за дверь и пригласил сотрудников ОБХСС (ныне — Отдела по экономическим преступлениям). Перовский ОБХСС «застукал с поличным» заместителя директора Бухтиярова и начальника коммерческого отдела Васильева. Сперва им вменили взятку. Посадили в «Матросскую тишину», потом сообразили, что коммерческая фирма под статью о взятке никак не

подпадает. Тогда обвинение перекавалифицировали в девяносто третью: хищение социалистической собственности в особо крупных размерах. Получается, Бухтияров с Васильевым обообрали «Мосприватизацию». Украсили «соцсобственность», а это личные деньги клиента, за которые он расписался в получении и которые вправе использовать любым способом. Абсурд?! Но два месяца коммерсанты пожили в «Матросской тишине». Сейчас они на воле, однако продолжается следствие. Когда их брали, за 93-ю можно было хлопотать расстрел, теперь дают от восьми до пятнадцати лет, не больше.

А «нехорошая квартира» продолжает существовать вполне по-булгаковски. Получивший за нее деньги хозяин-доносчик отсюда не выписался, дверь бросил открытой, ключи «Мосприватизации» не принес, живут-гуляют там бомжи, сантехнику разбили, обои испохабили...

Поговаривают, будто натравить ОБХСС на «Мосприватизацию» хозяина квартиры подбила квартирная мафия. Будто «черный» рынок жилья испугался конкуренции «белого» и придушил его в зародыше...

Кто же он, этот маклер из темного переулка? Нашему корреспонденту помогли работники «Мосприватизации» встретиться с одним из представителей московского «черного» рынка:

— Вы торгуете квартирами неофициально?

— С 1990 года я юридическое лицо, директор малого предприятия. Начинал с дач в Калужской области. Продавал их тем москвичам, которым не по карману ближайшее Подмосковье. Потом перешел на квартиры. Квартирами занимаются маклеры, у которых сложилась связь с госструктурами, — у них большие свободные деньги. Госстрах, коммерческие банки, инвестиционные компании. Лучше всего скупают квартиры в столице немосковские предприятия. Для провинциального босса престижно иметь квартиру в Москве. Деньги то не его личные — государственные.

— Оплата, конечно, за наличные?

— Да вы представляете, что такое получить два миллиона в сберкассе на руки! Недавно я был свидетелем, как частному лицу выдавали такую сумму. Три часа простоял в очереди. Организации, как правило, покупают за безналичные.

— Как вы устанавливаете цены?

— Наш рынок еще очень дикий. До цивилизации ему далеко. Поэтому одинаковые квартиры бывают и по «ломовым», и по смехотворным ценам. У нас народ безграмотный. Советский гражданин боится запросить за квартиру пять миллионов — стыдно ему, неловко как-то. Есть у него лишняя жилплощадь — бабушкин подарок. Он прикинул — за сколько ее можно сдать? Ну, две, три тысячи в месяц, максимум десять. Удобнее продать, сразу 500 тысяч на книжке. Приходит в посредническую контору, у него спрашивают: сколько вы хотите? Никто ему не объяснит, что собственность его стоит не менее трех миллионов. Каждый старается выжать из его квартиры как можно больше. У нас в законодательстве нет лонжания «продажа недвижимости», значит, полная свобода действий для коммерсанта. Я покупал двухкомнатную квартиру в конце октября прошлого года за 450 тысяч. Сейчас я ее запросто отдам за два миллиона. Можно покупать квартиры пачками, ждать

три-четыре месяца и торговать. Деньги получают такие, которые невозможно заработать ни на одном госпредприятии. И врут господа посредники, которые себя рекламируют: мы, мол, торгуем честно. Не тот пока рынок на дворе...

— Как вы находите покупателя?

— Через рекламу.

— А в «Мосприватизацию» за информацией не захаживаете?

— Ни один посредник без особой нужды сюда не пойдет. Только если надо приватизировать квартиру. У «Мосприватизации» репутация официального взятчика. Во всем, что касается оформления документов, сделок...

— Но они предприниматели, и деньги берут за красивую работу. Можно приватизироваться без них, но это дольше и сил требует — легче раскошелиться...

— У них слава такая, что даже рекламу они дают без «шапки» «Мосприватизация». Просто — «Купим квартиры». А информация этой фирмы никому не нужна. Во-первых, она берет огромные посреднические — 10 процентов. Причем, чтобы съездить посмотреть квартиру, нужно заплатить тысячу... У каждой фирмы — свой банк данных. Все, кто занимается недвижимостью, торгуют не квадратными метрами, а информацией. Я продаю только сведения о квартире. Фирм, подобных моей, в Москве множество.

— Конкуренция между вами жестокая? Вы убиваете с пути тех, кто дорогу перейдет?

— Конкуренция? Никогда не замечал. Квартир сегодня на рынке стало больше. Если осенью я все свои квартиры со всеми параметрами знал наизусть, то сейчас у меня их столько, что я в них путаюсь, — три толстые тетради: однокомнатные, трехкомнатные, пятикомнатные... Я вообще не верю, что кто-то кому-то может мешать на нашем рынке. Каждый тянет в свою сторону — вот и все.

— Правда, что квартиры в центре покупают только иностранцы?

— У меня не было такого случая. Я покупаю квартиры по безналичному расчету, продаю за валюту. Покупают наши, советские коммерческие организации. Те, которые торгуют металлом, сырьем, нефтью. У них валюта неучтенная, они ее боятся в банк нести. Оформляют сделку только через мое предприятие.

Иностранцы покупают не самый центр, а престижные районы. Кунцево, Строгино, Юго-Запад. Иностранца обмануть трудно. Он покупает цивилизованное. Обязательно через профессиональных посредников. В Москве появились иностранные фирмы, которые занимаются скупкой квартир и перепродажей только для иностранцев. Я знаю одну пакистанскую контору с представительствами по всему миру. В Москве эти люди работают много лет, законы наши знают досконально. Клиент заплатит в три раза дороже, зато будет уверен, что его проконсультируют, не «облапошат» и не «кинут». Нормальный иностранец с русским маклером дела не имеет...

Не имеет — и не надо. Пускай они идут к своим и — Бог с ними — покупают, живут и работают. «Скупают» Москву по дешевке? Но ведь при этом никого не выгоняют на улицу. Наоборот, коммунальщики получают отдельные квартиры, эмигранты покидают страну не нищими.

А мы — остаемся. Нам — ждать своей очереди. Нет, не распределения по нормам метража на живую душу. Ждать стабилизации рынка. Он и сейчас уже не смертельно «черный», он — полосатый. В нем происходят нормальные процессы, идет естественный отбор.

Коллаж А.Зайца

ПРОЩАЙ, «СТОЛИЦА», ЖУРНАЛ НЕРУССКИЙ...

Ну вот, на 4-м номере за этот год я, пожалуй, со «Столицей» и расстанусь. Журнал ваш интересный, содержательный, но не русский, хотя и издается на русском языке. Вы публикуете много такого, что меня как русского задевает и возмущает. Перечислять не буду, много займет места. Попробую проиллюстрировать это на 4-м и последнем для меня номере.

Разделяю в большой степени суждения и оценки И.Виноградова («Свой крест должен быть у каждого»), а вот с А.Ивановым («Чего не могут «правые») согласиться не могу. Он заявляет: у Хонеккера убеждений отродясь не было. Хлестко, но неверно. Убеждения у него, как и у многих коммунистов, были. Их трагедия в том, что идея, которой они служили, оказалась несостоятельной. И вообще, я бы посоветовал А.Иванову обходиться со словом поаккуратнее и посolidнее. Говорить о коммунистах их же языком — не лучшее средство борьбы.

Мог бы подискутировать с С.Чупринным («Канифоль для патриотического смычка»), но не стану. Скажу лишь: я не разделяю ура-патриотизм «Молодой гвардии», но и с прозападным креном иных демократов тоже не согласен. Здесь мы имеем дело с двумя крайностями. Что же касается почвенничества, национального патриотизма, то перечеркнуть их никому не дано. И вот тут самое время и место коснуться суждений отцов-основателей концептуализма Д.Пригова и Л.Рубинштейна. Вольно им в нем погрязать! Только навязать его вместе с различными помесями конструктивизма, супрематизма, сюрреализма и прочими психозавихренными русским людям не удастся. Ведь до чего договариваются оба эти мужа: «...новый социум и свободный рынок воспроизведут и западную культурную ситуацию». Пусть запомнят эти оракулы: пока жив русский народ, такому перерождению и вырождению не быть! Бездуховную, безнравственную, глубоко порочную западную культуру русский народ не примет. От поп-рок-секс-масскультуры нас тошнит. Думаю, скоро начнет тошнить и незрелую нашу молодежь, дай только немного повзрослеет и духовно отрезвеет.

А. АНУЧКИН-ТИМОФЕЕВ

Москва

ПОЧЕМУ НАШ ЧЕЛОВЕК ПОСТОЯННО ВОРУЕТ?

Ответ на этот роковой вопрос очень прост: потому что он собственник, генетически заданный. Умный, талантливый,

энергичный, одухотворенный собственник. Личность, безусловно, неординарная. Собственность русского человека влечет магнетически. Потому и ворует он все подряд по принципу «в хозяйстве все сгодится». Но возникает другой вопрос: почему ворует, а не работает?

Вспомните наших «предпринимателей», вырвавшихся на Запад. Им там скучно. Скупость, трезвость, трудолюбие — кирхе, киндер, кюхе, то, на чем бюргеры построили свой капитализм, русскому человеку не интересны, чужды. Он достаточно талантлив, чтобы понять: сумму, заработанную бюргером за год, можно получить за два часа. Каким образом? Вот тут-то и выручает смекалка: от мошенничества в международных масштабах до воровства и игры «Биржа» у нас дома. Кстати, игра могла бы называться «История СССР. Краткий курс». История страны, где никогда не было ни малейшего соответствия между затраченным трудом, произведенным продуктом и полученным доходом. На этом и купил Россию Вельзевул в лице вождя большевиков: у вас всех все будет в изобилии через два часа, достаточно пойти и взять. «Эх-ма, одна живем, ребята...» Пошли и взяли. Да вот беда, обманул проклятый своим социализмом!

Что же дальше? Дальше русский капитализм — корсарский, из воздуха деньги делать. И демократия у нас особенная. Как пожелаем, так и сделаем — вот ее суть. Будет еще у нас головокружительные взлеты, будут и падения такие, что дух перехватит... Но какой же русский не любит быстрой езды? Жаль только, что все это жизнь укорачивает.

С. СЕМЕНОВ

г.Правдинск,
Нижегородская область

НЕ НУЖНО ПУТАТЬ ЧЕРНОЕ С БЕЛЫМ

В статье А.Мальгина «Прощание с КГБ» («Столица», № 4, 1992 г.) приводятся следующие данные: «Май. Крючков и Ельцин договариваются о создании российского КГБ. Руководить им Крючков отряжает своего зама Виктора Иваненко, как сообщают скупые биографические строки, 44 лет, сотрудничающего с КГБ со студенческой скамьи (Иваненко закончил Тюменский индустриальный институт; в чем, интересно, заключалось «сотрудничество» студента?). Друзья-демократы говорили Ельцину: кого ты берешь, честный человек до зама у Крюčkова дослужиться не мог... Взят. Но несколько месяцев штат российского КГБ состоял из 13 человек».

В.Иваненко никогда не был замом у Крюčkова, а работал заместителем начальника Инспекторского управления КГБ СССР с середины 1990 года. Более того, Крючков никогда не предлагал его кандидатуру на пост председателя КГБ РСФСР. Назначение В.Иваненко сначала исполняющим обязанности председателя КГБ РСФСР, а затем и председателем состоялось по инициативе депутатов Верховного Совета России.

Ну а если говорить о В.Иваненко в целом, то должен сказать, что это честный и принципиальный человек, который раньше многих понял, насколько устарела и изжила себя существовавшая система КГБ СССР, осознал, что многое в ней нужно менять радикальным образом. Именно поэтому вокруг него и стали постепенно группироваться здоровые силы из числа сотрудников центрального аппарата КГБ СССР и российских органов госбезопасности.

И еще один штрих к биографии В.Иваненко. Тревожные дни августовского путча, с самого его начала и до конца, он провел в «Белом доме» в кабинете Г.Э.Бурбулиса и сделал для защиты демократии ничуть не меньше, чем другие широко известные ныне защитники «Белого дома».

**В.А.ПОДЕЛЯКИН,
бывший первый заместитель
В.ИВАНЕНКО**

Москва

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ АМЕРИКУ!

В 1987 году мне удалось по приглашению друзей съездить в США. Жил я в Чикаго, в северной его части, в многоквартирном шестизэтажном доме у моего друга, польского еврея, с которым сидели мы вместе в сталинских лагерях (по 58-й, естественно, статье). Друг мой и его жена работали и возвращались под вечер, я их дожидался в маленьком прелестном скверике перед домом. Однажды подошел ко мне пожилой господин, поздоровался и сказал, что он тоже бывший москвич (соседи по дому уже знали меня и обо мне), лишь детство и юность провел в Питере. Мы разговорились. Нашлись общие знакомые (воздержусь от банальных сентенций по этому поводу), беседа очень оживилась, мы сразу перешли на «ты». Я рассказывал о Москве, вываливал сплетни, анекдоты... Он говорил о себе, о своих нынешних делах, об отъезде, его причинах... Словом, обычная трепотня земляков, встретившихся на другом краю земли.

Мне хотелось узнать истинное положение уехавших из Союза, и я попросил его рассказать правду, «без дураков». Он, этот мой новый знакомый, инженер по профессии, теперь уже пенсионер, эмигрировал в самом начале семидесятых и, стало быть, уже пообтерся в новой для себя стране. Тогда-то он и сказал фразу, потрясшую меня: «Господи, благослови Америку!» И так он это сказал, что я почувствовал боль в сердце: это была не просто правда, это было благоговение. Нужно ли что-либо добавлять?

М.БЕРЛЯНД

Москва

Елена САЛИНА
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

ЗВЕЗДНЫЙ КРЕСТ, КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ СБРОСИТЬ

Это же черт знает что такое!
Актеры непрофессиональны, сюжет, как бы помягче выразиться, примитивен... И сентиментальностью я не отличаюсь, так откуда же эта предательская мокрота в глазах?

— А вы плакали? Плакали?

— пристаает мальчишка к фотокорреспонденту.

— Ты понимаешь, я чуть не заплакал, но мне же надо все время смотреть сюда, — показывает тот на камеру, и мальчишка удовлетворенно заключает:

— Все фигня. Надо есть конфеты и веселиться.

Он раздирает пакет со сладким призом и предлагает нам угоститься.

Все началось пять лет назад, с советско-американского спектакля «Дитя мира», широко разрекламированного и достаточно конъюнктурного. Юлия Семеновна Шевелева, вокалистка по профессии и хороший человек по призванию (не я придумала — дети), как раз устроилась работать в Дом пионеров Ленинского района Москвы и предложила ребятам поставить аналогичный мюзикл, тем более что сценарий легко трансформировался, а песни были прекрасны. Только предупредила: «Кто пришел, чтоб в Америку ехать, уходите сразу, никакой Америки не будет». Но все почему-то остались.

И все эти пять лет живут одной великопленной тусовкой, которая их помирающим от скуки сверстникам и не снилась.

Во-первых, это дом, где можно все, кроме того, что нельзя у себя дома. Точнее, роскошный подвал под названием «Подвал» с двумя сценами и зрительным зальчиком человек на 60.

Во-вторых, это опять же дом, но уже как состояние души и признак абсолютной свободы. Там нет взрослых с их фатально осознанной необходимостью,

там царит одна только Юлия Семеновна, фантастическая, «такая ну просто очаровательная женщина, что я теряю сознание. Коля», «Дорогая Юлия Семеновна. Согласитесь, что это очень клево, что я вас встретил. У меня стало намного больше друзей, за что вам огромное спасибо. Дима», «Вы добрая. Оля» (из семейного архива).

Следующий спектакль они сочинили и поставили по статьям Юрия Щекочихина. Когда взрослый скажет: наркотики — это плохо, ребята, не надо употреблять наркотиков — одно. Другое — корчась в муках, умереть. Девочка, игравшая наркоманку, каждый раз умирала на сцене. Это страховка, своего рода кодирование, театротерапия. Впрочем, театр, по-моему, вообще ни при чем, просто людей, собравшихся вместе, должно объединять какое-то дело.

«Вы спрашиваете, кто я? Режиссер? Нет, режиссура — это вынужденное, театр только как средство, конечно. Мы в спектакле должны найти какой-то выход, даже если в жизни его нет. Педагог? Не думаю, что я хороший педагог, у меня нет такой профессии. Больше того, раз в

полгода я считаю, что просто профнепригодна и что меня близко к детям подпускать нельзя. Не знаю...

Я, наверное, мама, потому что я их очень люблю. Я все эти годы про них всегда все знала: всех их классных руководителей, что творится в школе, как с родителями, их комплексы. Мне могли позвонить в двенадцать ночи и сказать: приезжайте, заберите вашего мальчишка. И я приезжала, и видела стол, весь уставленный пустыми бутылками, пять мальчиков, в дупель пьяные, и один из них — мой. Что он творил — кошмар. Сейчас ему девятнадцать, и он мой друг.

Они же все сложные, каждый по-своему. Все личности, все способные — бездарных детей в принципе не бывает. И несчастные. Если человек умеет думать, он несчастен. Вот у меня выросло 15 человек, они по большому счету все одиночки».

А потом пошли ее знаменитые национальные программы. Сначала литовская.

Просто поехали в Вильнюс и объявили по местному телевидению: хотим

поставить совместный спектакль, приглашаем всех желающих. Желающими оказались те, кому некуда было деться на каникулах. Надменные такие, холодные, ни разу не стоявшие на сцене. Тогда она подумала: чистой воды авантюра.

Неделю не разлучались — у них так всегда: спектакль за неделю, но репетиции с утра до вечера. И что же? Ну, конечно, группа оказалась замечательной, дважды сыграли на главной кафедральной площади, расставались — плакали.

А в страшном январе 91-го в Вильнюсе убили отца «их» литовца, Робертаса. Ребята пришли в «Подвал», прикрепили к литовскому флагу черную ленточку и сказали: «В Литве траур, мы три дня не работаем». Ее поразило — те, кто не ездил в Вильнюс, ничего не поняли. Они спросили: «А что тут такого? Мы хотим репетировать».

Недавно Робертас приезжал в Москву. Опять сидели вместе, разговаривали, и речь почему-то зашла о кровной мести — говорил Амир из Баку. Юлия Семеновна спросила: «Робертас, а ты что об этом думаешь?» И парень, который был жутким националистом, у которого русские убили отца, ответил: «Мстить нельзя».

Так вот, за тех своих литовцев она спокойна. Те четырнадцать больше никогда не назовут русских оккупантами. С армянами и азербайджанцами сложнее.

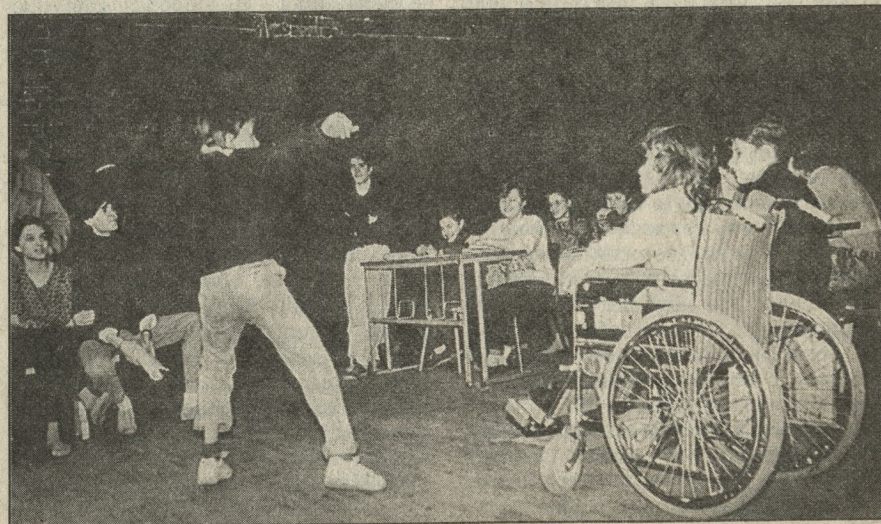
Следующую программу они назвали «Бакинский двор». По всей Москве собирали детей-армян, беженцев из Баку. Азербайджанцы прилетели специально, согласились участвовать — но в каком спектакле? Битва шла за каждую строчку сценария. Они отказывались находиться в одной комнате.

«Мы должны показать армянский погром? Должны. Нет, давайте не будем. Как не будем? Разве его не было? Было. Так мы должны его показать? Нет, давайте сделаем, что это КГБ все подстроило».

Армяне настаивали на слове «геноцид». Если не будет слова «геноцид», мы не участвуем. Азербайджанское постпредство обрывало мне телефон: кто вам это разрешил? где это залитовано? День я была армянской экстремисткой, день — азербайджанской. И при этом надо было репетировать. По вечерам мои отпаивали меня валокордином.

За 3 часа до спектакля азербайджанская делегация отказалась в нем участвовать. Это при 600 приглашенных в конференц-зал «Известий» зрителях. Детей спрятали в азербайджанском постпредстве и сказали мне: «Дети не хотят». Я: «Как? Почему?» А мне: «Это решено на уровне президента Муталибова».

За 2 часа мои москвичи выучили все роли азербайджанцев. Мы не изменили

ни одного слова и в полубормочном состоянии сыграли этот спектакль. Но самое-то интересное случилось потом. Мои армяне вышли к микрофону и сказали: «Все цветы, которые вы нам подарили, мы отвезем сейчас в постпредство нашим друзьям, которых сюда не пустили». И мы действительно туда поехали, и подарили цветы, и обнимались, и пели песни. Дети были не виноваты, их заставили взрослые.

Можно сказать, что спектакль состоялся, они подружились — эту задачу я решила. Но не решила основной проблемы. Все осталось на уровне «этот хороший, он мой друг, а другие плохие». Наверно, от них трудно требовать иного. Слишком много крови, война.

Сейчас мы хотим соединить Грузию и Осетию».

Так как очень боялись растеряться, придумали ПИМС — «Постимперский молодежный союз» 16—20-летних. С девизом «СССР умер, но мы остались, и нам жить рядом друг с другом». Провели учредительный съезд, избрали госсовет, голосовали, ссорились, мирились, делили границы, но постановили: языком межгосударственного общения на территории бывшего Союза оставить русский — и долго аплодировали. Конечно, это была игра, но какая мудрая!

«**А** давайте сделаем спектакль с детьми-инвалидами», — предложил кто-то. «Давайте с больными ДЦП», — уточнил еще кто-то. Так они оказались в 31-м интернате.

«Нам позвали ребят. Я села перед ними, стала рассказывать. Когда я произнесла слово «театр», они так начали смотреть... как будто я над ними издеваюсь. Потом они мне честно признались: подумали, что мы хотим их использовать как-то в своих интересах, помещение выбить под них, что ли.

Я час фонтанировала. Дескать, не думайте, что я ненормальная, но жалеть вас не собираюсь, а хочу сделать спектакль, чтобы здоровые задумались, как они относятся к вам, и чтобы вы поняли, что можно жить, распрямив спину.

Они слушают и молчат. А я буквально работаю энергетической станцией, я излучаю: «Спокойно, все нормально, все хорошо, я вас люблю».

Положила лист бумаги: «Записывайтесь, кто хочет». Все посмотрели на Зулю — теперь она играет в главной роли, — а я сразу поняла, что она у них лидер. Зуля первой написала свою фамилию».

Это надо видеть. Когда руки больных и здоровых со сцены протягиваются в зал и половина зала, воспитанники того же 31-го интерната, встает, неуклюже и с большим трудом, в едином экстазе сопричастности. Спектакль называется «Давай потанцуем».

При всей наивности спектакль очень жесткий, такой, как умеют только дети. Взрослый спрячется за фальшивой улыбкой, и его преступного равнодушия никто не заметит. Когда «плохой» мальчик на сцене, вихляясь, проходит, передразнивая больного, от стыда хочется закрыть руками лицо. Хочется закричать: разве можно — вот так? И тут же понимаешь: а в жизни — как? И если говорят: «Я с удовольствием пойду с тобой по улице» — ни минуты не сомневаешься, конечно, пойдут. Ведь только что, за кулисами, от радости кидались на шею друг другу.

У американцев это называется «теорией малых дел». Один пытается изменить человечество, другой помогает соседу.

Получился настоящий праздник. С цветами и бешеными аплодисментами, с толпой журналистов, вспышками фотокамер и шведским телевидением. Они стояли смущенные и счастливые, они с достоинством несли свой звездный крест, как и полагается нормальным актерам. Еще месяц назад ни один из них под страхом смерти не согласился бы вот так пройти по освещенному пространству под прицелом сотен глаз.

Праздник кончился, а больные дети остались, и их нельзя бросить. Юлия Семеновна никогда ни у кого ничего не просила, физически не может брать с детей денег — вот такой пережиток социализма, — но теперь им позарез нужен автобус. Телефон «Подвала»: 291-22-11.

Алексей БЕЛЯКОВ

ПРЕВРАТИМ ЗАГОРСК В ОБРАЗЦОВЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД СЕРГИЕВ ПОСАД!

Вид с железнодорожного моста
Дом быта

«С чего начинается Родина?» — вопрос из той полузабытой задушевной песенки так и остается без ответа: мы вообще питаем страсть к вопросам сугубо риторическим. Может, потому и не ведаем покоя, а лишь обреченно преподаем миру один за другим те самые страшные уроки?

Приезжая в Сергиев Посад (он же до недавнего времени — Загорск), бодрые экскурсанты твердо знают цель своего визита — Троице-Сергиева лавра. Пронесаясь вверх-вниз по неровным улочкам, глядя вдаль: вон-вон она, колокольня! Туда! Но если вы были здесь даже однажды, то не могли не запечатлеть хотя бы на периферии ваших воспоминаний пестрые ряды деревянных домиков, что сопровождают путников до самой лавры. Вот о них-то у нас и речь.

Это и есть та часть города, что именовалась издревле посадом. Вокруг религиозного центра России, детища Сергия Радонежского, безвестные жители не могли строить хором. Природный такт не позволял. Домишки эти, среди которых нет, между прочим, двух одинаковых, исконно призваны были служить как бы неброс-

кой оправой для драгоценности — лавры (да простится мне высокопарный стиль).

Уж не говорю об ином их предназначении, которое теперь можем оценить только мы, дети шлакоблочных районов и пахучих лифтов. Я вот по натуре своей — человек большого города, муравей мегаполиса. Не умею подолгу жить в провинции, пускай даже околостолничной. А о домиках да посадах пишу потому, что где ж еще успокоится большое сердце надменного москвича? И потом — снова владаю в патетику — тут-то и ощущаешь — до сентиментального трепета, до ласкового шепота — ее, Россию-матушку.

...На языке специалистов Сергиев Посад именуется городом «исторически ценным». Это означает, что его старая, центральная часть не может подвергаться какому-либо переделу, тем более разрушению.

Между тем городок методично доканывают. Этак, знаете ли, под шорох разговоров о духовном возрождении России.

Я напомнил вам об ампирных домиках с резными наличниками. Если вы давно не были в Загорске и приедете сейчас в Сергиев Посад, то обнаружите странные перемены. До недавнего времени посадская стихия захватывала «паломников» сразу, у железнодорожного вокзала. Нынче здесь тоскливая пустынная площадь с пятиэтажным Домом быта неопрятного вида: добро пожаловать, так сказать. Остается лишь дорисовать в воображении бесконечной длины транспарант — белыми буквами на красном фоне — «Превратим Загорск в образцовый коммунистический город!».

Такой лозунг мог бы послужить неплохим эпиграфом ко всем перестройкам Посада последних лет.

Московские архитекторы, что в начале 70-х разрабатывали для Загорска генеральный план, предусмотрели сохранение лавры и некоторых кварталов Посада, исходя из того, насколько они вписываются в требуемый «пейзаж». Спасибо. По мнению тех же градостроителей, которым следовало бы доверять, все прочие исторически сложившиеся части данного населенного пункта носят утилитарный характер и играют нич-

В статье использованы материалы, предоставленные комиссиями по охране историко-культурного наследия союзов художников Москвы, Сергиева Посада и Московской области.

тожную эстетическую роль. А то и вообще не играют.

Посему при въезде в Посад сносится целый квартал исторических построек и на их месте возводится школа для умственно отсталых детей. Достаточно обладать хотя бы малой толикой вкуса, которого наши серые зодчие, похоже, лишены напрочь, чтобы задуматься: есть ли острая необходимость ставить подобное заведение «у ворот» города? Вряд ли самым несчастным детям от этого легче.

Но к намеченной светлой цели можно двигаться и не так стремительно, давая отдых бульдозеристам. Есть особо изощренный способ, который называют жутковатым словом «вымораживание». Это когда старый квартал, которому генплан предписывает безоговорочное исчезновение с лица земли, не ликвидируется в сжатые сроки, а отдает Богу душу в течение десятилетий. Жильцам «вымораживаемых» домов власти попросту отказывают в ремонте, в проведении воды и газа, у них оттяпывают приусадебные участки. В конце концов люди вполне «созревают» для того, чтобы бежать из своих полусгнивших пенатов туда, куда им укажут.

Или другой вариант. На улице Первомайской несколько домов арендует строительный кооператив с прониковенным названием «Дорога». Эти постройки благодаря активной деятельности председателя кооператива Г.Габриэляна уже дышат на ладан. Тут есть своя политика: домики-доходяги будут в результате снесены и заменены новыми — архитектурными поделками (подделками?) в стиле «а-ля рюс». В самой убогой его, «арбатской» разновидности. Что Габ-

риэлян уже доказал, отреставрировав один из старых посадских домов. Стены его щедро облеплены «чешуей» — лемехом, материалом, который во все века на Руси использовался только для покрытия церковных куполов. В таком пошленьком виде деревянное русское зодчество могли представить разве лишь в дурацком западном фильме периода «холодной войны». Кстати, именно на неуклюжих иностранцев и делает ставку Габриэлян. Их умиление — его профит.

Вот тут, когда, надеюсь, вызвал у читателя хотя бы недоумение, пришла пора сообщить вам пренебрежительное известие. Преследуемая «Дорога» с ее псевдорусскими «завитушками» всячески поддерживается организацией, чья непосредственная задача — спасение и сохранение исторического облика наших городов. Организация называется Центральным Советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ЦС ВООПИК).

Здесь и начинается чертовщина. Попробуйте вникнуть.

Есть в Москве заведение с футуристическим именем Гипрогор (Государственный институт проектирования городов). Там-то и расчерчивался генеральный план Загорска, образцового и коммунистического. «Командовал парадом» В.Н.Выборный, главный архитектор одной из проектных мастерских. Именно его следует благодарить за «оригинальные» градостроительные решения вроде возведения уже упомянутых Дома быта и школы «на костях» старого посада. Именно генпланом Выборного предусматривается снос тех зданий, которые старательно руинирует

Габриэлян. И именно Выборный является одним из членов градостроительной комиссии Центрального Совета ВООПИКа. Вот такой пассаж. Охраняет тот, кто сносит. Правая вполне ведает, что творит левая.

В ситуации с «Дорогой» ЦС ВООПИКа по статусу положено на пушечный выстрел не подпускать Габриэляна к Посаду. Однако разве Выборный враг себе? Разве зря заседает в комиссии Центрального Совета? Его планы — ему и претворять их в жизнь. Согласно давно введенному распорядку все проекты перестройки должны быть согласованы с Центральным Советом общества охраны памятников. Удачно используя сочетание двух своих кресел, Выборный без хлопот согласует проекты, им же выдуманные и разработанные.

Взглянем на другой персонаж. Это главный архитектор Государственно-кооперативного научно-исследовательского и проектного института градостроительства Московской области (не путайте с Гипрогором) Г.И. Кадышев. Под его началом уже в наше время сочинялся так называемый проект детальной планировки Загорска — логическое продолжение опытов Выборного. С немалым успехом Кадышев возглавляет градостроительную комиссию Московского областного отделения ВООПИКа. И попутно занимает пост заместителя председателя градостроительной комиссии ЦС ВООПИКа. Янусы какие-то двуликие сплошь.

Кстати, имея полностью развязанные руки благодаря набору всех своих должностей, тот же Кадышев немало «начудил» и в Звенигороде. (Здесь, с его точки зрения, кроме Сав-

Переулок
Пионерский

Площадь Вознесения.
Женская гимназия 1900-х гг.

вино-Сторожевского монастыря, и глаз-то не на что положить.) Так что не думайте, что архитектурная напасть обрушилась лишь на Сергиев Посад. Таких жертвенных городов по всей России превеликое множество. Словом, пришла беда — отворяй ворота.

Помимо ВООПИКа проекты должно согласовывать еще в Министерстве культуры, точнее, в Главном управлении по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры. Но в этой «конторе» тоже «все схвачено»: начальник Управления В.А.Булочников — член ЦС ВООПИКа и градостроительной комиссии. Немудрено, что, регулярно общаясь здесь с Кадышевым и Выборным, Булочников приветствует их убогие разработки.

Уж не знаю почему, но пишется обо всех этих делишках до странного мало. А если и выступают изредка в прессе, то только специалисты — художники, искусствоведы. Быть может, благодаря им худо-бедно, но держится еще Сергиев Посад. Эти же люди отвоевали Осташков, что на Селигере. Там уже принимались крушить старинные набережные и бетонировать их в лучших традициях соцреализма.

Московские художники неизменно «дежурят» на заседаниях градостроительной комиссии ЦС ВООПИКа. Надо полагать, «дискомфорт» они внесут немалый. Все не соглашаются с чем-то, все что-то отстаивают. Но и тут архитектурные мэтры отыскивают незатейливые способы избавить себя от хлопот.

Вот представьте: заседает комиссия — художники спорят. Наконец, председательствующий А.В.Ганешин вносит компромиссное решение, вроде бы удовлетворяющее обе стороны. Поводов для дискуссий, кажется, больше нет. Протомившись несколько недель, художники получают на руки протокол, заседания, подписанный тем же Ганешиним, — и не без изумления читают в нем нечто совершенно для себя новое. Таким вот образом они узнали, например, что, оказывается, на заседании комиссии было поголовно одобрено строительство той злополучной школы в Загорске. Так и написано — черным по белому. Пока художники разберутся, пока развернутся — в Посаде уж кипит работа. В соответствии с тем незабвенным лозунгом — белым по красному.

...Сейчас, согласно все тому же генплану, в Сергиевом Посаде собираются отгрохать автовокзал. С рестораном. Он раскинется на площади близ Дома быта, окончательно похерив для приезжающих вид на лавру. И пытаюсь я рассуждать так: «А чем, собственно, это худо? Не сносят же саму лавру... А добротный современный автовокзал лишь поспособствует притоку любителей православной старины. Может, конечно, место для автовокзала выбрано и неудачно, но почему бы родине не начинаться с вида на автовокзал?..» Тут рассуждения мои обрываются.

**ЕСЛИ ВЫ
ХОТИТЕ
ЗАРАБОТАТЬ,**

**распространяйте
журнал «Столица»!**

 для справок:
**928-27-69,
928-10-34**

**С каждого проданного
номера Вы получите**

1
рубль.

Вячеслав БАСКОВ

ТАЙНА ОДНОЙ КВИТАНЦИИ,

или Почему вздорожал междугородный телефон

Мало кто из абонентов телефонной сети знает, что к сумме каждого телефонного разговора с другим городом телефонная станция накидывала так называемый «кредитный сбор» в размере пяти копеек. Это очень справедливо. По автоматической связи вы связываетесь с другим городом, а счет за разговор вы получаете не в тот же день, а месяц спустя. То есть разговор велся в кредит. Теперь величина кредитного сбора увеличена до 15 копеек. Хотя и станция осталась та же, и код города, куда вы звоните, не менялся, и срок присылки квитанции не сократился. Стихия повышения цен не знает логики и чурается рассуждений.

Едва ли кто из работников междугородной телефонной сети поставил в известность своих клиентов и о другом телефонном новшестве. Всю жизнь междугородные телефонные разговоры подразделялись на два вида: обычный и льготный. Чтобы абоненты не занимали линию в рабочее время, льготный тариф начинался с 18 часов и заканчивался в 7 часов утра. Чтобы телефонные станции не простаивали по субботам, воскресеньям и по праздникам, льготные условия в эти дни действовали круглосуточно. Со второго января 1992 года льготный тариф начинает действовать с 0 часов и заканчивается в 7 утра. Почему же на телефонной станции льготный тариф начинается с последним ударом курантов на Спасской башне? Да очень просто: раньше не было умных людей, которые знают секрет повышения доходов.

Разбираясь с причиной повышения цен на междугородной телефонной станции, удалось установить, что сама

**Все-таки самое главное в повышении цен — умные речи экономистов...
Цена междугородных телефонных разговоров со второго января повысилась в три раза. Месяц спустя она повысилась еще на пятьдесят процентов. Первое повышение было закреплено приказом Министерства связи Российской Федерации прямо в день повышения. Номер того приказа — 125. Второе повышение отразилось в приказе № 437, который был издан тем же министерством, но за день до подорожания. Если из 437 вычесть 125, получим 312. Со 2 января по 1 февраля 1992 года Министерство связи Российской Федерации выдало на-гора 312 приказов. Только одна эта цифра свидетельствует о том, что во вновь созданном министерстве, переехавшем в здание старого, не бездельничают.**

междугородная телефонная сеть относится к абоненту по-прежнему достаточно лояльно. В самом деле, квитанцию за проведенный разговор присылают спустя месяц; оплату по присланному счету требуют через три месяца. Лишь спустя три месяца вам отключают телефон за неуплату. Разве это не гуманно? Но очень важная сторона деятельности междугородной телефонной службы состоит как раз в присылке нам счетов. Они оказываются у нас в почтовом ящике — следовательно, их приносит почта. Теперь пересылка одного счета обходится междугородной телефонной службе в 55 копеек. Такие цены установила почта.

В сентябре 1991 года только один Миусский участок по расчетам за междугородные телефонные разговоры отправил 73 063 счета. В октябре — 74 260. В декабре — 80 959. В январе 1992 года — 79 503. Умножьте эти цифры на 55 копеек — и вы получите доход почты только от одного расчетного узла. А в Москве 14 телефонных узлов и каждый имеет такую расчетную часть.

Помимо квитанций расчетные узлы шлют забывчивым абонентам напоминания о неуплате за телефонный разговор. Непременно заказным письмом, которое теперь оценено почтой в 65 копеек за штуку.

Междугородные телефонные станции стоят на месте годами. Стоимости телефонных разговоров между абонентами в разных городах повышаться вроде бы не с чего. Если только с почты.

Почта вообще с ума сошла. Приносящая государству многомиллиардные

прибыли ежегодно, она повышает цены всегда первая, и никакие доводы о беспечности повышения на нее не действуют. «Столица» существует всего третий календарный год, но каждый год журнал по нескольку раз выступал против страсти почты к повышению цен, к сдиранию «лишних» у населения миллиардов. Сперва — по копейке за конверт, теперь — рублями. Логика, доводы, убеждения — ничто не действует. Не удается даже выяснить простейшего: куда уходят добытые миллиарды? Любое повышение цен почтовые начальники объясняют бедственным положением почтальонов. Но почтальонам как-то раз повысили зарплату всего на тридцать рублей.

В ситуации с повышением цен на междугородной телефонной станции интересна сама ситуация. Телефон и почта — это два подразделения одного ведомства: Министерства связи Российской Федерации. Приказы о повышении цен на конверт, посылку, денежный перевод и даже о введении платного хранения корреспонденции («до востребования», что противоречит элементарному здравому смыслу, поскольку «до востребования» существует для облегчения работы почтальонов и это, наоборот, почта должна бы приплачивать абонентам за то, что они сами приходят за письмами и журналами, — так вот, приказы о повышении цен на почтовые услуги изданы все тем же Министерством связи Российской Федерации. Не исключено, что 312 приказов, вышедших из стен этого заведения только в январе 1992 года, содержат как раз повеления об удорожании почтовых услуг. Потому что и почта дорожала в те же дни, что и междугородный телефон. Это и есть ситуация.

Если бы Министерство связи Российской Федерации объявило: дескать, уважаемые граждане, отныне почта, телеграф и телефон дорожают — это было бы одно. Когда же телефон дорожает оттого, что вздорожала почта, — это совсем другое. Но именно так и происходит. Почта, телеграф и телефон только в разгоряченном воображении первого революционера слились воедино. В своей повседневной, материальной, деятельности они ничем не связаны, и всю жизнь, сколько существуют загнанные силком под одну крышу, столько друг от друга и не завязят. Это как если бы в одно министерство соединить ракетостроение и балет под тем предлогом, что балерина и ракета легки в полете. Да, телефон и почта — это два средства связи, но разные средства. Если объединять их по признаку связи, то следовало бы объединить и их материальное обеспечение, и вырубку. Однако под крышей Министерства связи этого никогда не было и нет сейчас. И происходит гонка тарифов.

Упрощая, можно даже предположить, что почтовый начальник невзлюбит телефонного начальника, назло ему повысит цену за пересылку телефонной квитанции, и телефонный начальник тотчас вынужден будет повысить цену телефонного разговора. Во всяком случае, один прежний почтовый начальник терпеть не мог телефонного, и выяснилось это как раз в пору первой борьбы против повышения цен на конверты. Но и раньше, и теперь нелепо сложное министерство богатеет не потому, что работает лучше и лучше, а за счет тех, кто слюнит марку и конверт или звонит в другой город. За дурное государственное устройство расплачиваемся мы.

Если же послушать наших умных экономистов и членов правительства, то и в повышении цен за почтовые услуги и междугородный телефон есть благородный смысл. Нет в этом никакого благородства. И ни малейшего смысла. Как, впрочем, в умном виде и в умных речах людей, желающих управлять экономикой. Даже ортодоксальные марксисты не отрицали, что экономика не поддается управлению. Для наилучшего существования экономики создаются наилучшие условия — но это управлением не называется.

У нас же усиленно создаются наилучшие условия существования для государственных структур и учреждений. Разве междугородный телефон поступает от большого притока денег? Или почта? А разве с ликвидацией СССР ликвидировалось Министерство связи СССР? Да нет, Министерство связи республики заняло помещение союзного министерства и не оставило своего. Аппарат растет, многие сотрудники перешли на новую работу, не сходя с места, нужно оплачивать уже не один дом, а два...

Словом, укрепляется социалистический строй. С умным видом и под аккомпанемент умных речей, в которых блестями сверкает рыночная терминология — «высвобождение цен», «кто выживает», «спрос диктует предложение»... Платим за этот спектакль, где государственные предприятия с присутствующей им неуклюжестью пытаются играть роль частников; мы.

Семья Антонины Дмитриевны Щербович давно не смотрит телевизор. Антонина Дмитриевна живет в столице, в современном высотном доме. Ее «Рубин» больше года находится в ремонте. Купить же новый аппарат нынче проблема из проблем, тем более для пенсионеров.

Свое расследование я начал с Гагаринского техцентра, обслуживающего микрорайон, в котором живут пострадавшие. Почему-то большинство из нас убеждено, что если наносишь деловой визит в любую контору, то надо обязательно повидаться с самым большим начальником. Вот и я решил, что надо пойти к директору техцентра Л.Коннову. Созвониться с ним долго не удавалось: видимо, Леонид Гаврилович не очень частый гость в своем офисе. Ну что же, человека я не гордый, поехал в техцентр без приглашения. Директора, естественно, не оказалось на месте. В приемной, кроме секретаря, был какой-то мужчина, занятый починкой кресла. Я спросил, как пройти к главному инженеру. Мне показали. Но и его кабинет пустовал. А когда все же разыскал «главного», то узнал в нем человека, ремонтировавшего мебель.

С Н.Мельниковым мы беседовали довольно долго. Он жаловался на отсутствие запчастей, да их высокую стоимость. Впрочем, была и одна самокритичная фраза. Звучала она так: конечно, и мы не подарок. То, что «не подарок», было ясно по возмущенным голосам толпившихся в коридоре многочисленных посетителей.

Не удалось мне также выведать ни одной цифры: сколько, например, в течение прошлого года получено дефицитных деталей, скольким владельцам возвращены деньги за невыполнение договора об абонементном обслуживании и т.д. Тогда я захотел убедиться, что «Рубин», сданный по квитанции № 682853, еще существует. Попросил в цехе стационарного ремонта (он находится в Солнцево) журнал регистрации поступающих на «лечение» аппаратов, нашел запись, из которой явствовало, что телевизор был сдан в ремонт 15 ноября 1990 года и что работа по его восстановлению поручена радиомеханику Гуськову, а затем перепоручена его коллеге Гришину.

Если верить журналу, то «Рубин» должен был вернуться к владельцу в первых числах января 1991 года, то есть ровно за год до того дня, как я посетил мастерскую. Правда, механик Гришин успокоил меня, заявив, что выполнение этого заказа находится на контроле (?) и как только будет получен вышедший из строя блок развертки, аппарат немедленно вернется в строй действующих. Я вознамерился увидеть руководителя цеха, именуемого здесь начальником участка. Это было непростительной ошибкой. Начальник А.Титов на создавшуюся ситуацию отреагировал мгновенно: вырвал у меня журнал и убежал.

Обо всем этом я позже рассказал директору техцентра Коннову. Леонид Гаврилович выразил сожаление о случившемся и твердо пообещал

Леонид ЗЕЛЬЦМАН

КСИВА

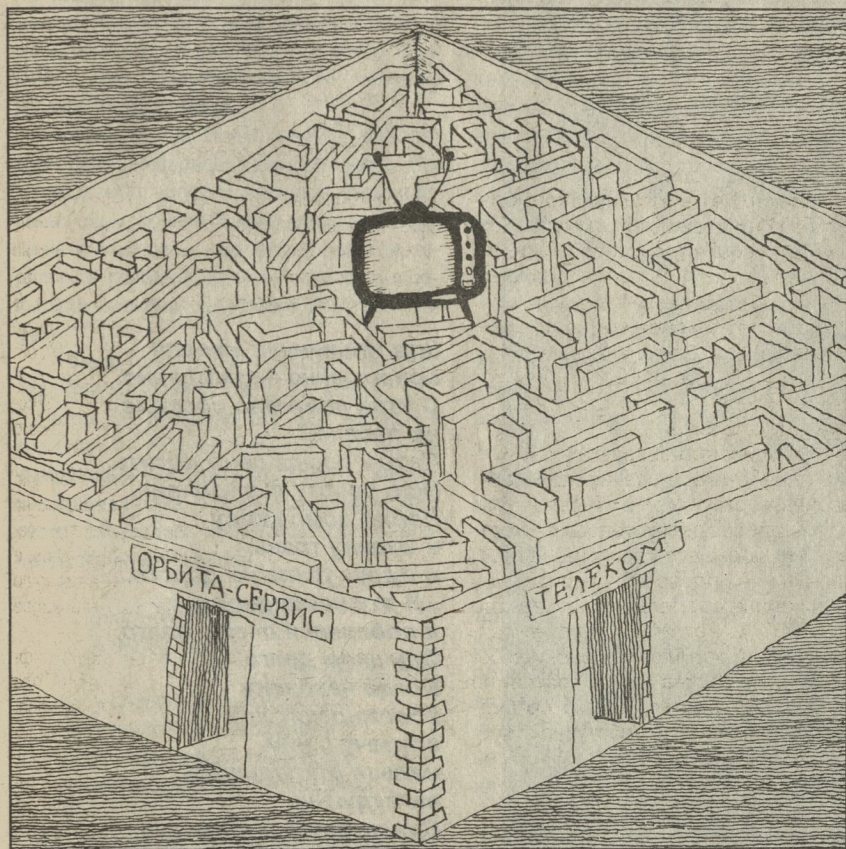

Рис. А.Зайца

дать указание, чтобы журнал мне все-таки показали. Даже спросил, когда бы я хотел снова навесить невоспитанных работников, скрывающих информацию, в которой нет никакого секрета.

И опять я поехал, уже в согласованный с начальством день, в далекое Солнцево.

— Пусть мне директор ксиву напишет. Тогда и получите журнал, — такотреагировал «принципальный» руководитель цеха на мое замечание о том, что он нарушает закон о печати.

Не посвященным в тайны эзоповского жаргона поясняя: на языке уголовников «ксива» — это документ.

Изучая проблему ремонта телевизоров, я неоднократно убеждался, что в этой сфере вообще мало кто кому теперь подчиняется: административно-командные методы отвергнуты, а экономические рычаги еще не заработали. Все столичные мастерские формально входят в Московское городское объединение арендных организаций

(МГОО) «Орбита-сервис». Название красивое, но столь же далекое от настоящего сервиса, сколь орбита ближайшего спутника Земли от нас. Объединение, по сути дела, никого не объединяет, так как входящие в него на добровольных началах техцентры полностью самостоятельны. Они имеют свои расчетные счета, могут сами устанавливать себе зарплату, расценки на услуги и успешно эти возможности используют. По-моему, техцентры и вовсе могли бы обойтись без своего объединения, если бы оно, как встарь, не было держателем фондов на запчасти. С запчастями же в этом году дела опять плохи: в январе договор на поставку кинескопов, например, был заключен лишь с одним заводом из десяти, которые их выпускают.

Само же трудно выговариваемое МГОО вроде бы состоит в арендных отношениях с концерном «Телеком». За этим легковесным названием спрятался бывший гигант — Министерство промыш-

ленности средств связи СССР. Я говорю о взаимоотношениях этих ведомств так осторожно потому, что ни в одном из отделов «Орбиты-сервис» мне не могли назвать телефонов «Телекома».

Потеряв полдня на переговоры с городскими справочными службами, я телефон узнал. И даже поговорил с руководителем Дирекции по организации и освоению производства оборудования радиосвязи, телевидения и бытовой радиоаппаратуры — так замысловато называется подразделение, которому подчинены заводы по выпуску телевизоров, — Ю.П.Мионовым. Из продолжительной беседы мне удалось уяснить, что раньше было хорошо: на блоки, узлы и детали существовал госзаказ, за выполнением которого следили в министерстве, и нерадивых директоров предприятий наказывали. Правда, и во времена госзаказа запчастей не хватало. Так что воспоминания о госзаказе слаще самих тех времен. Сейчас же вся надежда на сознательность директоров. Ну а насколько она высока, свидетельствует цифра, которую мне сообщили в центральной коммерческой организации «Орбита»: из 15 заводов, находящихся в ведении «Телекома», лишь Кировоградский заключил договор на поставку одной детали на уровне 1991 года — динамической головки. Остальные либо вообще отказались от поставки, либо дадут ничтожное количество того, что у них запросили.

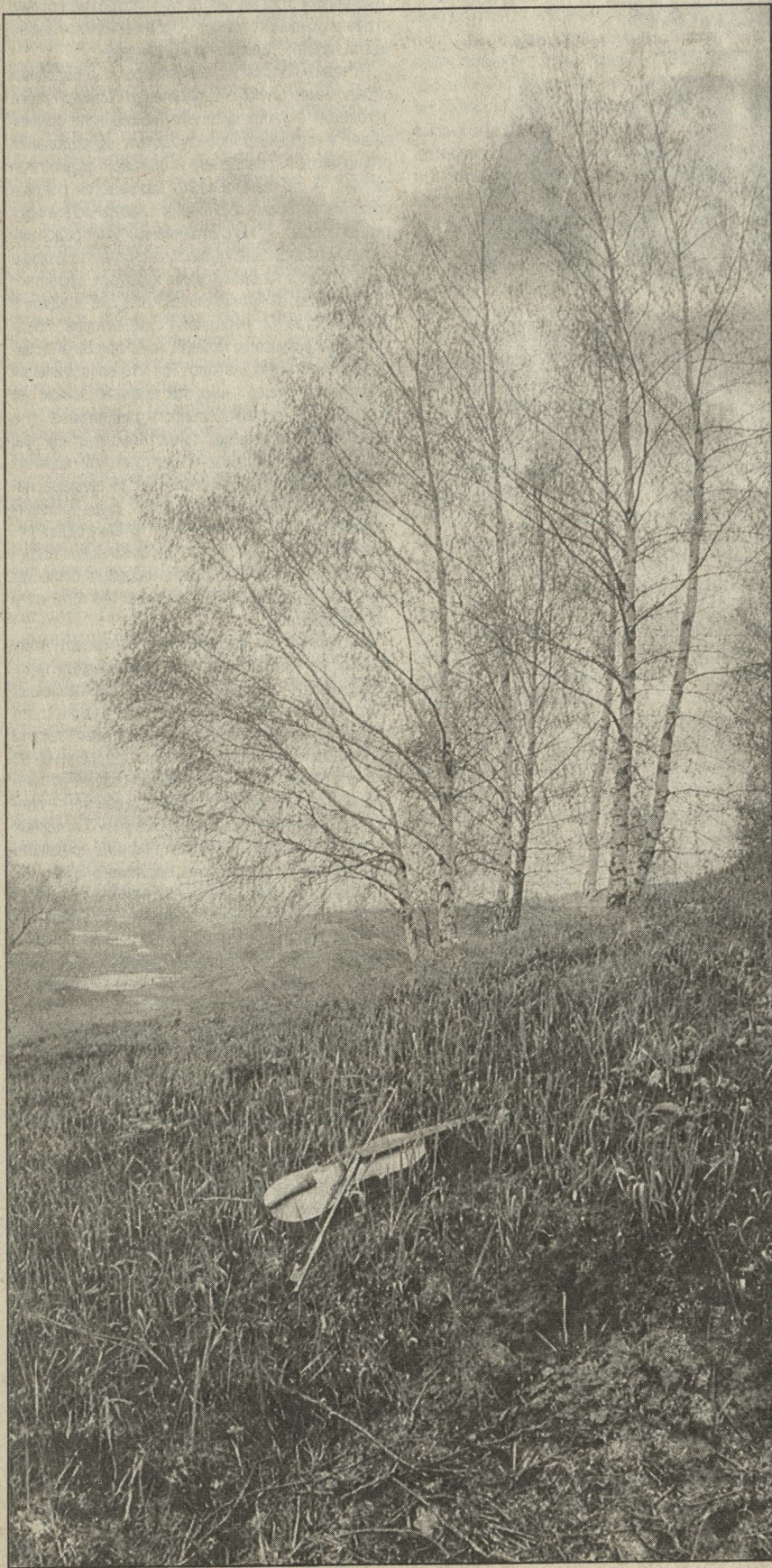
Но вернемся к Гагаринскому техцентру, тому самому, который второй год «ремонтирует» телевизор нашей пенсионерки. Директор разрешил «рассекретить» некоторые цифры, и я узнал, что в 1990 году техцентр выручил 2 миллиона 43 тысячи рублей, а в году минувшем доходы подросли на 739 тысяч рублей. Поступило больше заявок от владельцев телевизоров? Ничего подобного — почти на 31 тысячу меньше. В чем же дело? А ларчик просто открывался — техцентр начал... продавать телевизоры. И продал их на миллион рублей.

Я пытался было узнать, где ремонтники берут столь дефицитный нынче товар, но потерпел неудачу: в техцентре сменился директор, к руководству «фирмой» приступил бывший начальник плано-производственного отдела В.И.Науменко, еще один ревностный блюститель «коммерческих тайн». Не исключено, что здесь доводят «до ума» бракованные аппараты, от которых отказались магазины. Но где же тогда берутся запчасти для замены негодных? Неужели из тех скудных лимитов, что предназначены для ремонта телевизоров?

А как же все-таки обстоят дела с забытым «Рубином»? Да никак. Все еще не могут раздобыть блок развертки? Без особого труда в отделе снабжения «Орбиты-сервис» я выяснил, что действительно в 1991 году Гагаринский техцентр получил лишь четыре таких блока. Мало? Безусловно. Но при этом выявилась и такая любопытная подробность: заявок на этот узел от «гагаринцев» вообще не поступало.

— ...Телевизор был бы давным-давно готов, — сказала мне владелица потерянного «Рубина» Антонина Дмитриевна, — если бы я сама отвезла его в мастерскую. Я знаю, как договариваются с мастерами.

Так, может быть, и на самом деле проблема не в запчастях, не в ценных ксивах, а в умении «договориться»?

Николай МОРОХИН

(ИА «ПАС»)

*Зоя Ильинична умерла
совершенно неожиданно.
С утра помогала соседке
на пасеке.
Потом пошла сено косить.
Всю работу переделала.
Несла домой косу
и охапку травы
и вдруг упала на дороге...
...В эту командировку
я собирался очень долго.
Слишком долго.
Когда человеку
восемьдесят лет,
встречу с ним
нельзя откладывать
на будущее.
Валентина Анатольевна
Мосунова,
внучатая племянница
Зои Ильиничны,
нашла меня сама.
Узнала,
что в поселке
появился приезжий человек,
который расспрашивал
о бабушке Подоплеловой.*

ОДИНОКИЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА

— ...Я ведь у нее на руках росла. Первое, что помню, — смеется, песни мне поет, прибаутки... Да что там — всех детей у нас в доме она растила. Своя жизнь у нее не сложилась как-то. Вот мою дочку последние годы нянчила... А сколько она всего помнила... Нет, удивительный она человек. Не знаю больше таких...

И я тоже не знаю. Зоя Ильинична Подоплелова была, наверно, единственным в Нижегородской области знатоком средневековых скоморошин. Почему, откуда — ответы на эти вопросы, как часто случается, терялись в глубинах времени — вместе с забытыми именами, судьбами и дорогами людей.

— Мама помнила, — объяснила мне это чудо Зоя Ильинична шесть лет назад.

Потом по расшифровке фонограммы я сосчитал — в самой большой и известной скоморошине «У Аганиных ворот» — 96 стихов. Целая поэма! В причудливом мире этой песни смешались невообразимые персонажи, странные события.

*Безрукий плеть украл,
А нагому полну
пазуху поклат...
А слепой-то подглядывает,
А глухой-то подслушивает,
А зарубленный песни запел,
Безъязыкий караул закричал...*

Из далеких времен доносится голос неунывающего, пережившего десятки собственных смертей скомороха:

*Меня крестили
во царевом кабаке,
А купали во зеленом во вине,
Ой, кум целовальник был,
Ой, кума-то —
винокурова жена,
А бабушка гудошного двора,
И дедушка гудошник был...*

В истории русской словесности есть загадочная книга — сборник песен, скоморошин и былин Кирши Данилова. Никто не знает, когда, где родилась эта рукопись, кем был этот Кирша. Но, может быть, пересекались его пути с предками Зои Ильиничны Подоплеловой. В ее скоморошинах явственно зву-

чали отзвуки комического эпоса «Агафонушка» из сборника Кирши.

Слушая Подоплелову, я убедился: она настолько виртуозно владела текстом, что, не помня всех слов, всякий раз создавала напев как бы заново, зная самое главное — законы его. Но были в скоморошине и «темные места». Здесь Подоплелова уже не импровизировала, а всякий раз четко, дословно воспроизводила то, что хранила ее память. И когда я просил объяснить ее смысл строк про «фурагу», про «русского гуся фарфорового» — совсем уж непонятные слова, — она отвечала:

— Не знаю. Так положено петь.

От матери, «как положено», были невероятно забавные песни, каких я не слышал никогда в жизни. Про «мастерицу» Дуню, как она новины «огородом ткала, колом притыкала», а потом еще и сушила возле реки — «берег своротила, сарай обломил» и задавила: кобылу Ненилу, жеребца Данилу, корову Алену, быка Ерему, овечку Настюшку, барана Костюшку, свинку Аксинку, борова Максимку, курицу Варвару, петуха Захара. Про Аринушку и ее новый «сарафанчик-раздуванчик-размаханчик», который объели «поповые козы». Про то, как сватался дед девяносто лет. Про него Подоплелова пела: «Он сутулов и горбат... У него зубов-то нет». И с хитрой улыбкой добавляла: «Нет ничего».

А еще слушал я тогда, шесть лет назад, ее грустные русские песни — о сизых гусях и о рыбе-щучке, ее скуке. Она рассказывала мне, как причитали в старину в шарангских деревнях. И голосила — потому что не перескажешь этого, не получится.

Все она помнила, Зоя Ильинична.

Когда мы с друзьями решили записать ее голос на магнитофон, договорились уже о встрече, она внезапно приболела. Грипп.

Мы застали ее лежащей в постели и хотели было извиниться и унести технику. Но Зоя Ильинична, увидев нас на пороге, сказала:

— Напою, как уговорились. А то когда еще увидимся? Дорога сюда далекая. А вам, я вижу, и правда нужно...

И, несмотря на наши протесты, пела лежа.

К середине восьмидесятых Зоя Ильинична была уже знаменитостью. Ее «открыли»

фольклористы. Местный отдел культуры организовал ее концерт в Шаранге, потом возил выступать в Москву и в Ленинград.

— Как слушали, — удивлялась Зоя Ильинична, — как хлопали. Видно, нигде уж этой старины больше нет.

...Валентина Анатольевна пригласила меня к себе домой. Мы листали семейный альбом, где сохранились всего три фотографии Зои Ильиничны. Две — неудачные.

— Что можно о ее жизни рассказать?.. Тяжелая. Лес рубила, в тайге работала — вот ведь какие у женщин профессии бывают. Стала постарше — взяла работу на дом, станочек у нее был — вила веревки. По дому хлопоты — с дровами, с огородом, с крышей — все одна управлялась... И все-таки, думаю, счастливым человеком она была. Иначе бы — разве пела так...

Валентина Анатольевна сетовала — слушать-то бабу Зою слушала, а вот слов не запомнила, петь не научилась. Хотя так хотелось иной раз. Но теперь уж поздно. Даже магнитофонной записи не осталось.

На кассетнике у Мосуновых — всеобщий наш ширпотреб. И нет, и не будет уже того родного голоса, теплого, доброго, бабушкиного. Вспомнили, хорошо бы записать — не у кого, оказалось.

В районном отделе культуры тоже не позаботились.

Вся надежда — на культурно-экологическое объединение «Китаврас». Там записи уцелели. Творчеством Подоплеловой заинтересовался ансамбль «Берегиня». Солистка Оксана Девятьярова подготовила программу, состоящую из песен Зои Ильиничны...

...Бабушку Подоплелову хоронили в полдень, на кладбище возле церкви, в паре километров от ее родной Танайки. Думали, что проститься с человеком, составившим славу району, придет кто-то из отдела культуры...

Нет, не приехали.

Нижегородская область

КОГО ВИДАЛИ МЫ В ГРОБУ

**«Ночь кошмаров»
Театр «Триллер»
реж. А.Шкуратов**

Мы с моим бесом обычно всегда ходим вдвоем и на супершоу ужасов в спорткомплекс

«Олимпийский», ясное дело, отправились уж тем более вместе.

— Хотя тебе-то, говорю, может, и не стоит. В программе, знаешь ли, — изгнание дьявола.

Он только хрюкнул в ответ снисходительно.

— Зло, между прочим, ужасно симпатично, рассуждает. Нет ничего забавней кошмаров.

— То есть — в эстетической подаче, — уточнил я. — Чертик какой-нибудь с рожками и копытцами — и впрямь сущий милыга. Или, скажем, Воланд — кумир домохозяек. Но ты на сцену смотри: вон как раз Сатана вылез. То-то музон суровый попер.

— А чего Сатана этот такой красный? У дьявола ведь фирменный цвет — зеленый. — Так ведь — сугубо советский Сатана. Коммунистический. Марксистско-ленинский. Знаешь, в свое время Ильф и Петров ехидничали над саратовским аттракционом, где женщина-паук олицетворяла финансовый капитал, проникающий в колонии и доминионы. А

здесь всяческие вурдалаки и мертвяки под лабезж попысы олицетворяют различные прелести из истории СССР типа красного террора. Получается придурочный поп-апокалипсис в духе детского утренника. Вон, гляди: отрубили мужику голову и гоняют ее пинками на мотив песенки «Эх, хорошо в стране советской жить!».

— Это что же получается? — возмутился бес. — Во всей вашей фигне не большевики виноваты, не вы сами, а мы, что ли? Легко свои грешки валить на потустороннее!

— Ой, не ворчи. Вон экзорсисист вышел — ща он тебе вмажет. Со ссылкой на Христа. Непонятно только, почему колдун, хоть и белый, на Христа кивает. Был бы он поп, а то ведь — другое вроде ведомство.

— Ведомство то же, — хмыкнул бес. — Просто разные Управления.

— Шуточки у тебя... А вообще, согласишься, изгнание дьявола за каких-то 20 рэ — сущая дешевка по нынешним временам. А чего ты, собственно, балдеешь? Ты ведь должен отсюда — фьють! Он уже и астральной печатью чего-то там законопатил...

— Ой-ой, не смеши. Уж эти мне экзорсисистские экзерсисы! На Западе из этого сюжета после фильма Фридкина уже столько комедий настрогали. Даже «Сексзорсис» был. А тут — на полном серьезе. Что — по Савонароле соскучились? Он еще похлеще большевичков заваруху устроит.

— Понимаешь, это ведь с чисто гигиенической целью. Психотерапия такая. Вон, смотри-ка: и явление Христа тусовке! Шире, дети, шире круг

— панк с иконой, девочки с ножками... И ангел на лонже порхает. Апофеоз.

— Чего-то Христос нелучезарный какой-то. Может, надо сказать хором: «Елочка, зажгись!»? — хихикнул бес.

— А что — нормальный ход: сращение шоу-бизнеса и аттракциона религии.

Богатая культурная традиция. Хоть того же «Фауста» вспомни, пролог на небесах — ремарка: «Небо закрывается».

— Осторожно: небо закрывается, — передразнил меня бес. — Следующая остановка — Армагеддон. Ну что с него возьмешь, с дурачка хвостатого?

Алексей ЕРОХИН

БЕНДЕР + ДЕТОЧКИН

**«Гений»
к/ст «Ладога»
и ТО «Вилон»,
реж. В.Сергеев**

Если бы Остапу Бендеру удалось-таки добраться до города своей мечты — Рио-де-Жанейро, не исключено, что несколько иным было бы и наше отношение к талантливому жуликам: не путал бы вечный призрак Юрия Деточкина. В фильме «Гений» встречаются экс-Деточкин, переквалифицировавшийся в главаря мафии (Иннокентий Смоктуновский), и нью-Деточкин, но с явной примесью Бендера (Александр Абдулов). Герой Абдулова спасает от тюрьмы товарищей, нежно любит девушку Настю и шантажирует (основной его способ добычи денег) только людей несимпатичных — жирного фирмача, зазнавшегося артиста и т.п. Но роингудствовать на всю катушку ему, как водится, мешают милые-милые и глупые-глупые милиционеры. В своих аферах и шуточках над ними герой Абдулова никогда не повторяется. В фильме он демонстрирует около десяти совершенно потрясающих комбинаций, вызывающих восторженные аплодисменты зрителей. И

несмотря на то, что в финале герой остается гол как сокол, ясно, что это ненадолго: впереди уже угадывается отблеск далекой звезды Рио-де-Жанейро.

...Почти в любом фильме про аферистов неизменно — хотя бы на мгновение — появляется Одесса. Виктор Сергеев считается режиссером начинающим. Так вот: чтоб нам всем так жить, как он начинает!

Жанна СЕРГЕЕВА

ПОЭТ НА БИРЖЕ

**«Лебединый стан»
Театр «Сфера»,
реж. Е.Еланская**

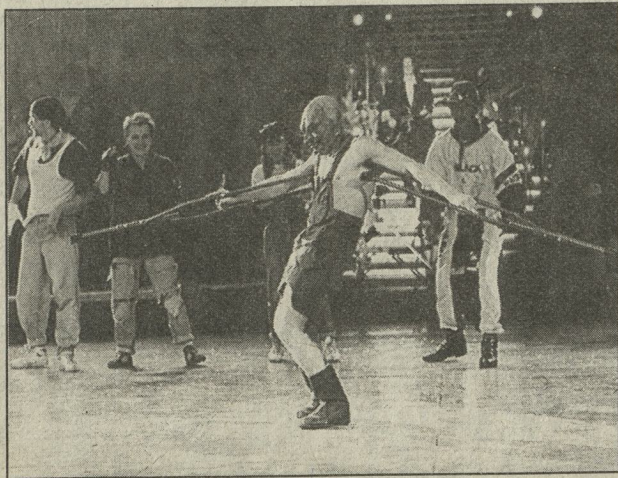
Решение ЮНЕСКО: 1992-й — год Цветаевой. Кричащая нелепость: год — удел Ельциных-Жириновских-Поповых, участь Гайдаров-Пияшевых, доля Газмановых-Мамоновых, а срок Поэта — мгновение и вечность.

Поэт уязвим и беззащитен, на сцене — десятикратно, бессечно. Творец стиха имеет дело с воображением, создатель спектакля — с плотской реальностью. Не дай, Господи, если многомерность фантазии сведется к однозначности, бессмысленность — к прописи плаката. Страницы «Лебединого стана» — опаляющая боль. Гордость и отчаяние, спаянные в кованных строках. Прощание, прощение, пророчество.

«Лебединый стан» в обработке Е.Еланской — перевод неуловимого в наглядное, сокровенного — в откровенное, личного — в публичное.

Строфа, метафора, эпитет — повод для актерских переодеваний: Антихрист (черная ряса на голом теле) в короне — Петр I, с революционным стягом (ржавые пятна на белоснежном полотне) — предводитель злобной матросни. Бутафорские секиры и натуральная колода — казнь Стеньки. Дон-Кихот в окружении улыбчивых дам — последний император с семьей. Кульминации: обнос публики иконой или петля, аккуратно наброшенная на

Во время «Ночи кошмаров»

шею «Марины». Эстетически — глухота, этически — беспредел. Христопродавство — не край. Продажа Поэта — за деньги ли, аплодисменты — кощунственнее: гласное попираание мертвых и растление живущих.

Олег ГОРЛАНОВ

ВСЬ ЭТОТ ПЕСТРЫЙ СБРОД...

Владимир Бурцев.
«В погоне за провокаторами.
«Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог»
«Слово», М., 1991.

Строка из «Маскарада» поставлена эпиграфом ко вступительной статье

вымышленного имени и ни одного придуманного факта. Историк обнаружит как в тексте, так и в толковых комментариях к нему Л.Г.Аронова немало любопытных параллелей к обстоятельствам нашего времени. Русский патриот — поймет, что его бессовестно надувают, объясняя рост цен на мясо и падение курса доллара происками жидомасонов.

К списку изданий, рекомендуемых «патриотам» к чтению газетой «Русское воскресение», мы хотим непременно присовокупить в качестве обязательного дополнения книгу Бурцева. Увы, ее тираж (25 тысяч) не может соперничать даже с «Военно-историческим журналом», популяризатором «Протоколов...» и «Майн кампф».

Столь убогий тираж не случаен. Не иначе — все те же темные силы нас злобно гнетут. Скорее всего их возмущил эпиграф из

Фрагмент обложки книги

Ю.В.Давыдова, инициатора ре-публикации двух некогда знаменитых, а ныне у нас попросту неизвестных книг «бурного Бурцева».

Знакомство этого человека с филерами и провокаторами русских спецслужб начала века не исчерпывалось личным опытом революционера, но было отмечено также кропотливой работой в архивах — как в России, так и в Европе. Любитель острых сюжетов имеет возможность прочитать сразу два первоклассных детективных романа, где нет ни одного

великого русского поэта, погибшего все от тех же.

М.П.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЭКСПЛИКАЦИИ

**Группа «Молот»
Центральный
выставочный зал**

Современное искусство погубят выставочные экспликации. Без этих

Картинка с выставки

бумажек с уныло-претенциозным текстом можно было бы спокойно видеть в картинах то, что увидится, и судить просто, но точно: нравится — не нравится. Но прочтешь пояснение и сразу заволнуешься — то ли это шедевры гения, то ли дурак свои орясины развесил, то ли и то и другое. Ладно бы комментарии ограничивались биографией, библиографией и перечнем выставок, так ведь нет, все норовят пророками сказаться, манифесты выдают на-гора, вечные вопросы как орешки щелкают. Вот, например, выставка «Молот» в Манеже. Читаешь манифест и диву даешься. Судите сами: «Идея Казарина — «писать как дышать» (свежая мысль, просто откровение. — М.К.), т.е. быть свободным, независимым, полагаться на подсознание, интуицию и вместе с тем обладать таким мастерством, которое давало бы безграничные возможности для самовыражения...» (Для справки: Казарин — это тот, что упоминается чаще всего в устойчивом словосочетании «Зверев и Казарин» — в отличие от

Зверева, о котором говорят просто «Зверев»). Словом, собрались молодые художники вокруг «оригинальной» идеи Казарина и «надышали» много картин (среди них, кстати, есть и очень славные), в которых, согласно манифесту, «нет тенденциозного концептуализма (а «стереоколеризм»? — М.К.), нет подобострастия американизированного соц-арта (а простыня «Геркулес», это как? — М.К.), нет политических спекуляций (простите, а что это там в уголке про стучачей и дедушку Ленина висело? — М.К.), зато есть образность и духовность, присущая исконно русскому искусству» (привет от Ильи Сергеевича, которого бы, наверняка, хватил удар от квадратов и хаоса пестрых мазков, выражающих «духовное здоровье»).

...Если ты художник — рисуй, а слова оставь тем, кто с ними умеет обращаться. А то получится, как с «Молотом», который символ — как вы думаете чего? Вот и не угадали, совсем даже наоборот — созидания.

Марина КАМИНАРСКАЯ

P.S.:

А.Абдулов и М.Неелова сыграют главные роли в чеховской «Даме с собачкой», к постановке которой приступил талантливый театральный режиссер К.Гинкас. На сцене какого театра состоится премьера — пока неизвестно.

В Сочи собираются создать своеобразный российский Голливуд. Поскольку курортный город стал постоянным местом проведения всевозможных кинофестивалей и кинорынков, представители различных творческих ассоциаций предложили построить на базе одного из нерентабельных пансионатов крупный кинематографический комплекс. Проект организации в Сочи «фабрики грез» будет обсуждаться на третьем Российском кинорынке, который состоится в мае этого года.

ВЫШЕЛ ЕЖИК ИЗ ТУМАНА

Обозреватель «Столицы» Михаил Поздняев в обществе
титularного советника А.А.Башмачкина,
художника П.А.Федотова,
литератора А.С.Пушкина
и кинорежиссера Ю.Б.Норштейна,
в России, в феврале

*Мы все время
предвкушаем
какие-то всплески,
встряски. Нас волнует
не текущая жизнь,
а какой-то эффектный
поворот в ее течении.
Мы разучились
любоваться жизнью.
Мы воспринимаем
только ее динамику.
И давнее отсутствие
у нас внимания к быту
сегодня обернулось
отсутствием
способности
к созиданию...*

Фото Э.Кудрявицкого
Рис. Ю.Норштейна

Бог милостив: зима, вопреки предсказаниям,
выдалась не лютая, мы, хоть и отощали,
однако ж не вымерзли, не то что эстонцы с грузинами...
только вот на душе как-то холодно.

Да оно, вероятно, и к лучшему: ищет опоры,
любезная, тянется к свету, родимая, жметя к теплу.
Вот она бежит, голубушка, что-то себе под ноги думает,
чертит себе в воздухе пальчиком — в точности как бабочка в сумерках:
завитушки, петельки, росчерки...

На двух площадях нынче митинги,
по сто тыщ на каждом — и на каждом торжественно сообщают:
Господа, у них народу столько же, сколько у нас,
минус сто тыщ! Ура, господа! Ур-ра-а-а!..

Все это — по телевизору. Есть, право, на что поглядеть.

«Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы».

Всю-то жизнь учили нас, кроликов: этот ваш Акакий Акакиевич — «безусловно, самый ничтожный из всех духовно ничтожных героев Гоголя»*. Эвон сколько их, ничтожных, у Гоголя! А Акакий — всех ничтожнее, и хотя достоин, товарищи, «не осмеяния, а сострадания», но, сказать по правде и совести, — на ухо шептали нам, ежикам, — «столь же бесчувствен, как и бессилен»**, растакой-разэтакий Акакиевич...

«Он?! А мы-то думали: Чичиков...»

Сколько душ было ушиблено, подрублено — и каких незрелых, нестойких — таким толкованием!

А бедные «Старосветские помещики»!

Прихлебывая чай, мы начинаем с Норштейном вспоминать и поющие двери, и массивные стулья, и вечно растопленные соломою печи... и то, как овдовевший Афанасий Иванович в неизбывном своем горе «ложку с кашею, вместо того, чтобы подносить ко рту, подносил к носу». И еще я вспоминаю и рассказываю Норштейну про то, как писатель Евгений Носов однажды, давно, сравнил «Старосветских помещиков» с Ромео и Джульеттой — только повесть Гоголя еще печальнее, потому что в юности любить сладко...

Норштейн приходит в восторг и говорит, что в его фильме обязательно будет тема любви: «Если не будет лирического отступления в красоту, в свет — можно задохнуться! «Шинель» невозможно делать в цвете, это вещь черно-белая, это такая зимняя ночь — и полная противоположность ей у Гоголя, конечно, «Коляска», вся напоенная жарким летним светом».

Работа над «Шинелью» была приостановлена в 1986-м. Кончился «застой» — начался «простой»... Теперь вот, когда у Норштейна есть и помещение, и техника, и деньги, и покой, и воля, — остается пустяк: войти второй раз в ту же реку. Спустишь шесть лет.

Эти шесть лет — одно бесконечное «завтра»: «Боже мой! Как я к съемочному станку подойду? С какого момента начну?» И сегодня кажется: вот с этого, а назавтра — совсем с другого.

* История русской литературы в четырех томах. Том второй. Ленинград, «Наука», 1981, с.574.

** Там же, с.575.

— Художественная задача — я как-то не очень понимаю смысл этого слова. Цель обретается спонтанно. У меня уже столько раз такое было, и я к этому привык: задумывал одно, а на экране — другое... В «Шинели» я с 79-го года (тогда была подана заявка). Если мы сейчас вот, весной, начнем опять снимать, еще лет пять уйдет...

— И вы что, ничем в эти шесть лет «простоя» не занимались?

— Ничем. То есть, конечно, я преподавал — и у нас, и за границей, читал лекции... Но о том, чтобы что-то другое снимать, даже не думал. У меня, впрочем, есть разные идеи, но я не мыслю другой работы, пока не сброшу «Шинель». Жизнь идет по своим законам. И если вы поймете, что эта работа в итоге займет никак не меньше пятнадцати лет, вам станет ясно, какой это груз.

— И еще — дело принципа? То есть — вы через это просто так не можете переступить и по каким-то моральным соображениям?

— Я это отдельно не ставлю. Мне важно каждый момент моей текущей работы соединить с целым. Казалось бы: что может быть рациональнее и бездушнее, чем движение, разложенное по едва различимым фазам? Но я снимаю с жаром! Я завожусь, я обо всем забываю, я только знаю, что каждое движение должно быть беспредельно искренним, в полном согласии с моим состоянием. Так же, как поведение животного. Там нет фальши. Там — все время истина! Ворона, клюющая найденное под снегом яблоко, — это же чудо что такое!

Или младенец. У меня маленькая внучка, и я в нее, как всякий дед, просто влюблен: во всем — и даже в кокетстве — такая естественность! Младенец никак не связан с тем, что случится или не случится с ним дальше. Он равнозначен тому, что ему посылает судьба.

— Я наблюдал и сравнивал ваших героев и пришел к выводу, что у вас, как у Дарвина, есть некая эволюционная идея, и явно как-то связаны меж собой ваш Ежик и Серенький Волчок из «Сказки сказок», и Акакий Акакиевич: вот ему тоже — совсем как Ежику — вдруг в тумане является лошадь...

— Про Акакия Акакиевича у Гоголя все сказано: его сослуживцы были почти уверены, что он так и родился на свет «совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове». Это состарившийся младенец. Но состариться-то он состарился, а темечко у него так и не заросло.

Тут Норштейн берет со стола книжку, разламывает ее, сразу попав на то самое место, и читает стихи Д.А.Пригова:

У Эммануила Канта
Теменной тот родничок
Так до смерти обскуранта
Зарасти никак не мог
Оттого такой зловещий
В зренья был его дефект:
Внутри каждой вещи — вещь он
Скрытно знал — и это факт
Только ничего не выйдет
Господин хороший Кант
Голова в прекрасном виде
У рабочих и крестьян

На последних строках он пунцовеет, сдерживая смех, и наконец хохочет вовсю:

— Вообще-то от смеха до плача расстояние ничтожное... Так и видишь этих теток фабричных в ватных штанах, которые пьют свой кефир в красном уголке и кулаками грозят всем обскурантам — не потому, что страшно, а просто язык — как протокол собрания. И говорят — от сердца. Вот ведь беда...

Мне иногда кажется, что в картине Акакий Акакиевич должен повстречаться с Пушкиным. Мне этого до страсти хочется — чтобы самому увидеть его.

Есть такой пушкинский портрет, написанный Линевым. Говорят, что Линева его заканчивал, когда Пушкин был уже в гробу: там действительно волосы слипшиеся, такие опавшие, как у покойника. И лицо больное, отекшее, землистое. Глаза раненого зверя.

Портрет висел у нас в павильоне, еще на «Союзмультифильме», когда мы готовились к съемкам «Шинели». Я так любил на него смотреть! И он, в общем, до сих пор — мой камертон, вскрывающий в «Шинели» бесчисленное число мотивов и настроений. Не говорю о связи с «Медным всадником», но — Боже! там есть мотивы из «Евгения Онегина», в «Шинели»!

Однажды мне приснился сон. Странный: будто бы в такси едет Наталия Николаевна. Причем это обычное такси, а заднее сиденье — как в карете, и она там сидит, в своем дивном платье. Я на коленях стоял, уткнулся лицом в этот ворох ее платья и заплакал: «Вы даже не представляете, что для нас Александр Сергеевич!»

...Сказать ли ему — в тон: «А вы не представляете, что для нас ваш Акакий Акакиевич?»

Боюсь — обидится. Потому что только злодей может испытывать восторг, когда его именуют «гением», и только идиот способен всерьез подозревать, что любое его проявление — норма.

Феномен нормы. Формула Андрея Битова, примененная им к Пушкину, уместна и в данном случае.

«Есть вещи, которые дают тебе силу жить», — между прочим скажет Норштейн. И я сразу вспомню лучевой ожог, полученный шесть лет назад, когда «Шинель» была прихлопнута и Ролан Быков показал в «Кинопанораме» отснятый материал — четыреста с чем-то метров, неполных двадцать минут. Эффект был едва ли не сравнимый с «Прибытием поезда» братьев Люмьер: на другой день вся Москва гудела об этом чуде.

Акакий Акакиевич возвращался из присутствия домой, раздевался, тер пальцами отмороженное ухо; «...он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи... вовсе не замечая их вкуса...» — все это было тут, в мерцающей домашней «камере-обскура», и дуло из угла, и свеча трепетала, а Акакий Акакиевич зябко подтягивал сползшее с плеч одеяло, и кто-то из домашних восклицал: «Да закройте наконец форточку! Не видите — дует!»

Сегодня Норштейн, кажется, больше всего боится проявлений жалости и сочувствия. Даже не потому, что, строго говоря, он из всей истории с «Шинелью» — тьфу-тьфу-тьфу — вышел победителем: лучше б не было ее, этой победы, а просто дали бы людям работать. Но в «Шинели», во всем, что с нею связано, проступил и второй, более значительный смысл.

— Здесь даже какая-то мистика присутствует... Значит, в 79-м мы с Петрушевской подали идею-заявку на двадцатиминутку. В январе 81-го начался подготовительный период. А уже в мае — первый конфликт. С Госкино. Я не был в опале — напротив, «на коне»: за «Сказку сказок» нам дали Госпремию СССР. Фильм шел без перерыва 14 месяцев в «России», в мультзале. Но просить повысить оператору жалованье с 200 до 250 рублей было неслыханной дерзостью: чиновник со стеклянным взглядом, от которого зависело это решение, был не менее страшен, чем грабители, снявшие с Акакия Акакиевича шинель.

Ермаш, который был, похоже, с большого бодуна, дыша в сторону и отводя куда-то в угол свои красненькие глазки, изрек буквально следующее: «Если б ваш оператор постановочных не получал, я б ему тридцатку накинул...»

— А что это значит?

— А очень просто. Постановочные — это гонорар: за год работы — полторы тысячи рублей минус двадцать процентов... за невыполнение плана... то есть сколько? Тысяча двести, что ли? Это за одночасовку, десять минут экранного времени... За «Сказку сказок», получившую полтора десятка призов на международных фестивалях, 18 месяцев каторжной работы, Госкино заплатило мне, режиссеру и мультипликатору, тысячу шестьсот. Никто даже не задумался, что я работаю за троих: столько художников-мультипликаторов обычно занято на одночасовой картине, а «Сказка сказок» все-таки большой фильм. Художнику и того меньше, кинооператору — еще меньше...

Я понял, что они меня решили взять на измор: «Норштейн зарывается, ему больше всех надо, он всегда ищет себе неудобств, не хочет как все...», ну и тому подобное. Я приготовился к этому — и возобновил работу. В августе 82-го тяжело заболела моя мама, за нею нужен был уход — и опять повисла пауза, до января.

До начала 86-го более-менее работали ровно. В марте у оператора Жуковского инсульт. К счастью, обошлось... Четыре года без отпусков. Мы устали.

И вот тут, в середине 86-го, нас «попросили» из павильона. Со стороны студии это было...

— Удар ниже пояса?

— Не то слово. Они, простите, не били — убивали. Это был обычный бандитизм, оправданный по закону и

здравому смыслу. Не успели снять фильм. Павильон нужен другим. В расчет ничего не принималось: то, что мы павильон оборудовали сами, — мы с кинооператором облагоустроили все углы, подгоняя под свои требования...

А тогда, выбрасывая нас со студии, люди не задумались даже подсчитать по «человеко-часам» и выяснить, что наша маленькая группа работает быстрее, чем рядовая студийная. О качестве не говорим.

И последним их аргументом было, конечно, то, что я попытался увеличить продолжительность фильма, а он по ходу работы рос, не поддаваясь жесткому ограничению. Фильм превращался в полнометражный, а я, по мнению начальства, — в непрофессионала.

Из-под двери выполз приказ: «Снимать согласно разрешенному сценарию»...

Было, было таковое требование на «Сказке сказок»: сократить на треть в соответствии с режиссерским сценарием... Не прощают они чужой свободы. Если Акакий Акакиевич родился прямо в вицмундире и с лысиной на голове, то наше начальство — с кейсом и «вертушкой». Вертухаи, одним словом... И в конце концов их мнение ничего не решало. Что они могли сделать, сделали. Согласно параграфу, выставили нас вон...

«Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад... Как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом, все колеблющиеся и неопределенные черты».

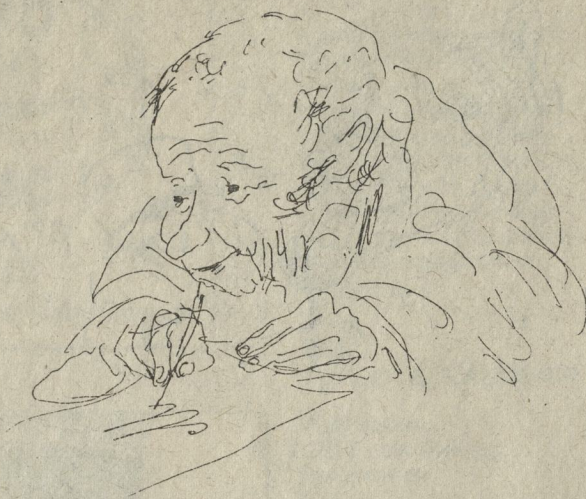
Я искал встречи с Норштейном не из праздного любопытства. Он — по своей ли, по Божьей воле — ушел в тень, вышел за световой круг тогда именно, когда пирушка только заваривалась. Хлопали в потолок пробки, звенела струна, кричали «Виват!», дым стоял столбом, а он, подобно Акакию Акакиевичу, вышел из-за стола. Теперь, шесть лет спустя, взору является не бравое застолье, где каждому дают слово и кричи, брат, что есть мочи! — но скорее пустынное заснеженное пространство, на которое шагнул в ту ночь Акакий Акакиевич. Не страшно ли? Тут уже не сквозняк из угла — истинная крутоверть! И на эдаком-то ветрище, склонясь над станком, по-муравьиному кропотливо и упорно, морщить Акакию Акакиевичу лоб, вытягивать ему трубочкою губы, складывать пальцы в щепоть?!

Ни бравады, ни злорадства, ни обиды, ни упоения поздней мезью — даже намек нет в голосе Норштейна.

Я позвонил в дверь его студии — он выскочил на заснеженное крыльцо босиком, в одной рубашке, рукава закатаны по локоты. Руки атлета, а все не изнуренного неудачника. Редкостное по нашим дням душевное здоровье.

Послушать стоит, что и как он говорил в Третьяковке, где открыта выставка любимого им Павла Федотова, об «Игроках» — первом в его жизни потрясении от явления высокого искусства: это была какая-то волшебная минута среди войны, такая минута, когда забываешь обо всем и застываешь, точно на пороге отчего дома, после долгой отлучки.

А позже был «Анкор, еще анкор!», уже называем замкнутый в форму рондо, в дьявольскую карусель, — «камера-обскура», озаренная красным пламенем, будто это и не комната, а раскаленная печь, и заслонка отодвинута, и в зияющем квадрате, прямо против твоих глаз — неожиданно льдисто-синий «первый истинно русский пейзаж», по выражению

Норштейна, заставляющий, кстати, и Гоголя вспомнить — и не только из «Шинели»:

«Вдали, бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света», но также и из финала «Записок сумасшедшего»:

«Звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына!»

— Знаете, мы все время предвкушаем какие-то всплески, встряски. Нас волнует не текущая жизнь, а какой-то эффектный поворот в ее течении. Мы разучились любоваться жизнью, вот ужас! Мы воспринимаем только ее динамику. Разбитое стекло — это да; а тихий процесс, плавное движение рук стекольщика — нет, это не привлекает внимание. И давнее отсутствие у нас внимания к быту сегодня обернулось отсутствием способности к созиданию...

Было за эти годы очень много потрясений, например, в литературе. А так, если всерьез задуматься, — Сергей Довлатов, и все. Тут уже не потрясение. Любовь.

Строго судя, есть среди тех, кого мы за эти годы открыли, люди несомненно более мастеровитые, но есть и какая-то видимая грань, которая отличает правду от натуральности, сентиментализм от подлинной чувственности... только никто не знает, где эта грань все-таки лежит.

Существуют какие-то вещи, которые дают тебе силу жить. Это всегда что-то очень конкретное. Например, хитон рембрандтовского «Блудного сына»: он прямо-таки малярной кистью написан, и лессировки тоже — ощущение, будто кисть не в пальцах была зажата, а привязана к обрубку, культю...

— Юрий Борисович, вся история с «Шинелью» — такая российская, такая до жути наша; и не обидно ли, что в итоге деньги на картину вам дали французы?

«Акакий Акакиевич покачал головой и усмехнулся и потом пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе незнакомую, но о которой, однако же, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: «ну уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» А может быть, даже и этого не подумал — ведь нельзя же залезть в душу человеку и узнать все, что он ни думает».

— Ну, это у вас не совсем точная информация, насчет французов... С нашей стороны тоже деньги нашлись — их нам дает Центр Ролана Быкова. А предложению французов я обрадовался, посчитав, что оно (слабая надежда, увь) изменит в моей стране отношение к мультипликации. Денег у них я не просил — министр культуры Франции Жак Ланг сам предложил три миллиона франков.

Деньги эти попали, разумеется, не прямо мне в руки, а через 7-й ТВ-канал продюсеру одной мультстудии. Он парень неплохой, но, как они привыкли себя вести с нами, так и он повел. А я сразу подсчитал: 30 тысяч у них получает в месяц режиссер, 17 тысяч — мультипликатор. Я один выполняю

работу режиссера и трех мультипликаторов... Билет в кино у них стоит 30 франков, значит, чтобы окупить расходы, нужно, чтобы фильм посмотрели всего 100 тысяч человек... И когда они стали мне навязывать рабские условия проката, я вздохнул и попросил моего переводчика: «Пожалуйста, скажи ему — продюсеру то есть, — чтобы он... не городил». Он спрашивает: «Так прямо и переводить?» «Да, — говорю, — переводи дословно». Продюсер внимательно выслушал, поскреб затылок и сообщил переводчику: «Ты знаешь, а Юрий прав».

И теперь время от времени я им объясняю: «Вы должны помнить, что деньги — небольшие». Они согласны. На них это как-то действует. Потому что, говорю я им, режиссеров такого уровня у вас нет. И если в России что-нибудь случится и я погибну или с голоду помру и ваши деньги пропадут вместе со мной, то для вас это будет слава. А если я все-таки «Шинель» сниму — вы будете иметь, надеюсь, очень приличный фильм...

А есть ли во всем этом смысл?

Я из всех «Фитилей» михалковских — а были очень смелые, очень злые выпуски, надо Михалкову отдать должное, — запомнил один сюжет. Это из бесконечного цикла о бракоделах. Есть где-то в России завод, выпускающий 100 процентов брака. И вот они сняли этот завод, рабочих в цехах, эти самые бракованные механизмы... А потом на экране — такая голая степь, просто пустыня какая-то ледяная. И посередине — хибара. И оттуда методичный звук, будто в колокол бьют; он изнутри доносится, стены каменные, хорошо резонируют, да еще зима, голая эта степь. Что же там такое внутри? А там — как водится у нас — баба в мужской одежде молотком, вручную «доводит» весь этот брак, который с завода ей туда свозят.

Это так серьезно — и так безнадежно!

...Но ведь по крайней мере когда-то хотя бы зима должна кончиться?

Реплика

ОТМОРОЖЕННЫЙ ПАХ, ПОХОЖИЙ НА...

Юрий Михайлович Кублановский — человек известный, живой классик, поэт «античной судьбы», «за последние годы он прочно вошел в число одних из лучших поэтов современья». Это я цитирую другого «поэта современья», тоже большого знатока русского языка — А.Ткаченко (журнал «Юность», № 2, 1992).

Образы Кублановского причудливы, подчас действительно непридуманно трагичны. Вот, например, строки из стихотворения, посвященного А.Солженицыну (цитирую по образцу, переданному мне однажды самим Юрием Михайловичем):

*Помню, как мандарин
пах в январе начале...*

В самом деле — только многое переживший человек, поэт «античной судьбы» мог создать такой жутковатый, леденящий душу образ. А именно: похожий на мандарин пах поэта, отмороженный в лютую январскую стужу. Это, видимо, не весело. И не легко.

Полутно отметим и другую поэтическую находку в данных двух строчках — инверсию — «января начале».

Но это все — к слову. Ибо подобных образов у бесконечно трудолюбивого (печатает свои стихи, наверное, во всех литературно-художественных изданиях СНГ) Кублановского хоть отбавляй.

Главное же в том, что недавно Юрий Михайлович раскрылся и как крупный публицист, борец за правду... В журнале «Москва» (№ 1, 1992) Кублановский сильно поругал русскую службу радио «Свобода», где ранее худо ли бедно ли трудился, вел программу «Вера и слово». Юрий Михайлович пылко, темпераментно попытался доказать, что «Свобода» — это «затратное и одиозное предприятие». Может быть. Совсем не исключаю. Хотя судить мне трудно (да и не мое это дело). Но вот что странно. А раньше-то, когда смельчак Юрий Михайлович вел передачу «Вера и слово», ему «Свобода» не казалась «затратным предприятием»? Или он отказывался от гонораров? А раньше — почему он ничего не захотел поведать соотечественникам об этом «предприятии»? Почему «время сказать о «Свободе» правду» (это я опять цитирую «Москву») наступило для Кублановского толь-

ко в 1991 году? Ведь Юрий Михайлович знал эту правду уже давно. Когда там работал. Как он пишет в «Москве», «еще в январе («января начале») 1983 года» Иосиф Бродский предупредил его, что он (Кублановский) связался с недядями (Бродский имел в виду именно сотрудников «Свободы»).

Почему же Юрий Михайлович молчал?

Ларчик, как всегда, открывается очень просто. Заглянем в тот же февральский номер «Юности». «Я не жду и не хочу никаких благодарений от государства; в суровую пору, когда столько людей уходит на Запад, я принял решение жить на родине». Это тоже Кублановский.

Итак, что же получается? (Видит Бог, я хочу, чтобы я ошибся!) Не печатали на родине — вел программу на «одиозном предприятии», пошли гонорары дома — можно хлопнуть дверью перед носом былых хозяев. Все это по-человечески понятно. И смешно, конечно. Забавно. Но все-таки как-то некрасиво.

Евгений СТЕПАНОВ

ВТОРАЯ, А НЕ ХУЖЕ ПЕРВОЙ

«Голый пистолет. 2 1/2 ч.
Запах смерти»,
США, реж. Дэвид Зукер

Воистину, нет правил без исключений. И здесь тот самый случай. Ведь, как правило, продолжения кинобестселлеров всегда разочаровывают. Но только не второй «Голый пистолет», в котором авторам удается удержаться на заявленном ими ранее уровне. И жизнерадостный дебилизм главного героя — суперполицейского, преследующего очередную шайку супертеррористов, по-прежнему вызывает хохот. Равно как и остроумное пародирование многих нынешних штампов голливудских боевиков. А также привлечение президента Буша и его супруги в качестве комических персонажей, не дожидаясь появления приставки «экс» в его титуле. Одним словом, очень смешно, а для комедии — это главное.

ЛИРИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ ПО-ГОЛЛИВУДСКИ

«Доктор Голливуд»,
США, реж. Майкл Кейтон-
Джонс

Итак, молодой специалист едет в большой город за карьерой, но случайно оказывается в маленьком провинциальном городишке, где встречает свою любовь в виде матери-одиночки, завоевывает уважение и признательность своих пациентов, а в результате так и остается в сельской глубинке. Такой вот сюжет. Представляете, что сделала бы из него наша студия имени великого

пролетарского писателя, которая в свое время активно специализировалась на так называемых лирических комедиях? А американцы сняли прекрасное кино. По-настоящему трогательное, с мягким юмором и обаятельным главным героем, которого убедительно и просто сыграл юный Майкл Фокс («Назад в будущее»).

Фильмы представляет Петр Смирнов

Майкл Фокс

ЖАНРУ ВОПРЕКИ

«Напролом»,
США, реж. Джон Бэдхэм

Вообще-то, типичный полицейский боевик. Напарники гонятся за неуловимым маньяком и в финале таки его укокошивают. Но чуть-чуть изобретательности авторов, которые дают в напарники крутому и суровому полицейскому

молодого и пижонистого киноактера, жаждущего сыграть роль своего наставника в кино, плюс забавный дуэт Джеймса Вудса и Майкла Фокса, и старый как мир сюжет оживает под ироничным взглядом его создателей. И фильм смотрится с интересом.

УВЫ, ТОЧНО ПО КАНОНАМ

«Трущобы»,
США, реж. Ричард
Бенджамен

И снова полицейская история. И снова напарники за рулем патрульной машины. Один — белый из элитарного района, другой — черный из трущобной полицейской части. И снова один учит другого жизни. На сей раз черный белого. Скучно, банально, затянута, ибо в отличие от предыдущей ленты — все на полном серьезе.

АФГАНСКИЙ ИЗЛОМ С ДРУГОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

«Зверь»,
США, реж. Кевин
Рейнольдс

Война в Афганистане, естественно, не с нашей точки зрения. Но без синдрома Рэмбо. За советским танком-зверем, разрушившим мирный кишлак, охотится отряд моджахедов. На их сторону переходит один из советских танкистов. Приятно, что в фильме нет ни зверей (в погонах СА), ни дикарей (в чалмах), а есть люди, одни из которых защищают свой дом, другие — выполняют «свой интернациональный долг». И есть честная попытка авторов непредвзято взглянуть на тех и других.

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

Золушка-80 в СНГ-92

Телевидением владела совсем другая экзистенция. Для него 8 марта был праздник двойной — официальный, как бы спущенный сверху, и вместе с тем немного диссидентствующий. Скромное диссидентство заключалось в том, что после Нового года это был второй красный день календаря, когда коммунистическая идеология отступала на задний план, добровольно ступая перед простыми человеческими позывами. Дважды в год дозволялся этот праздник непослушания, и телевидение к нему готовилось загодя, чтобы устроить полный смотр своих сил, чтобы наскрести все, чем можно гордиться: и Пугачеву с Леонтьевым, и Маврикиевну с Никитишной.

Празднование первого женского дня в посткоммунистическую эру для телевидения складывалось под давлением трех разноречивых факторов. С одной стороны, следовало расправиться с неотвязной тенью Клары Цеткин и международной солидарностью трудящихся дам, ни в каких народах никому не ведомой. С другой стороны, с ней нужно было расправиться не до конца, не загубив самого праздника. В сущности лишенный идеологии, он вызывает сегодня почти ничем не замутненную ностальгию по временам, когда никто не подозревал о Карабахе и колбасе по 600 рублей, а была относительная стабильность и великая вера в то, что и десять, и двадцать, и сто лет спустя наступит 8 марта с мимозами, ведром салата «оливье» и батареей водки по 3.62 за бутылку.

Нерядовую задачу дезавуировать Цеткин, но сохранить праздник наиболее последовательно решил ведущий «Вестей», который попросту отобрал у несчастной Клары авторство. Оказывается, День весны и женщины отмечался в марте еще в Древнем Риме. После такого наставления городу и миру, погрязшему в невежестве относительно подлинной родословной женской солидарности, ничто уже не мешало телевизионному ликованию. Но неожиданное обстоятельство могло все свести насмарку, включая античные изыс-

*Советские праздники
потихоньку
реабilitируются.
Недалек тот день, когда
7 ноября будут
отмечать фрондирующие
интеллектуалы. 8 марта
уже празднуют те, кто
в прежние годы
кривился и морщился
на «кухаркин день»,
на «радость Клары
Цеткин», на «совковое
торжественное
унижение женщины».
Свободолюбивая
интеллигенция
относилась тогда
к 8 марта в целом кисло,
но бывали исключения,
и довольно
многочисленные. Хуже
всего, что они плохо
просчитывались. В такой
ситуации поздравление
становилось мукой,
неразрешимым
экзистенциальным
противоречием:
«Поздравь, и ты в этом
раскаешься, не поздравь,
и ты в этом тоже
раскаешься, поздравь или
не поздравь, ты все равно
в этом раскаешься».*

кания: в этом году 8 марта неуклюже совпало с Прощеным воскресеньем.

Чем дальше уходит в небытие коммунистическое начальство, тем ошутимее на телевидении начальство церковное. Но коллективное благочестие, вдруг охватившее наших ведущих, как рукой сняло, когда пришлось делать выбор между дорогой к храму и к женским сердцам. Толерантно совместить обе дороги никак не получалось. Для церкви Прощеное воскресенье — день важнейший, отнюдь не праздничный, а смиренный, когда полагается просить прощения по случаю грядущего Великого Поста, а совсем не для того, чтобы поцеловать даме ручку. Для церкви в Прощеное воскресенье никакого марта никакой Цеткин не существует, даже если оно отныне объявлено языческим и освящено самим Древним Римом. И церковь потеснилась. Телевидение решительно сделало выбор в пользу галантности, почти не упомянув о Прощеном воскресеньи, дабы не испортить обедню или, точнее, не испортить обедней праздник. Мизансцена времен застоя повторилась с наглядной буквальностью, только на этот раз в роли коммунистической партии выступила православная церковь, деликатно ступавшая по случаю женского дня. Празднику был дан полный ход. Смотри лучших телевизионных сил состоялся во всем объеме.

В смотре приняли участие и «ВИД», и «Кабаре», и Молчанов. Последний справедливо решил, что он и есть лучший подарок дамам, поэтому не нужно стараться и сочинять новую программу, достаточно показать попури из старых. Но лучшим подарком стал все-таки не Молчанов. Лучшим подарком оказалась демонстрация четырехсерийного итальянского фильма «Золушка-80», приковавшая на два праздничных дня к телевизору население СНГ. Событие это, почти сравнимое с «Рабыней Изаурой», достойно того, чтобы высказаться о нем подробнее.

Сказка о Золушке — одна из основных сюжетных моделей мирового кинема-

тографа. Речь не о творении Шарля Перро, хотя и его многократно экранизировали. Речь о бесчисленных современных версиях «Золушки». Популярность этого сюжета на советское кино, впрочем, не распространяется. На сей счет наши киноведы пребывают в стойком заблуждении. Они находят «Золушку» и в сталинском кинематографе — «Светлый путь» Григория Александрова, и в брежневском — «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова. Оба примера не вполне точные. И та и другая картина восходят не столько к «Золушке», сколько к «Гадкому утенку». В каком-то смысле это один и тот же сюжет. Но есть и существенные различия. Прежде всего в том, что гадкий утенок обходится без принца. И в фильме Александрова, и в фильме Меньшова принц стоит где-то сбоку. И там и там героиня получает его не как награду за подвиг (награда — орден или фабрика), а как довесок к награде.

У Александрова место принца подчеркнуто скромно, ибо все время подразумевается Другой, Невидимый, но Единственно Важный. Настоящий принц, конечно. Сталин — растворенный в воздухе и воплощенный в государстве. Недаром героиня парит над Кремлем в автомобиле, как бы совкупляясь с Невидимым. Подготовка к этому апофеозу и есть драматургия фильма. Она изначально чужда развитию: гадкий утенок становится прекрасным лебедем, потому что не может им не стать. Тая Морозова не может не превратиться в стахановку-ударницу, в летающую по небу ткачиху.

Роль государства в фильме «Москва слезам не верит» куда менее сакральна. Времена другие. И принц занимает иное место, впрочем, тоже скромное. Сконструированный интеллигентный рабочий, знающий древнюю историю и способ общения с хулиганами, можно сказать, идеальный мужчина эпохи застоя, он держит на себе добрую половину второй серии. Но и только. Не благодаря ему, не из-за его любви героиня стала прекрасной лебедей — директрисой фабрики. Она, как и у Александрова, стала ею, потому что не могла не стать. Так рассказывается «Гадкий утенок». «Золушка» рассказывается принципиально иначе. Ну хотя бы на манер итальянских кинематографистов.

Сюжет фильма «Золушка-80» очень показателен. Синди, итальянка, выросшая в Нью-Йорке, дочка хозяина пиццерии, вынуждена по стечению обстоятельств составить компанию мачехе и двум сестрам, отправляющимся в Италию. Сестры-скрипачки едут туда попрактиковаться в своем искусстве. Синди же — эстрадная певица с редким голосом, о чем никто не догадывается. Таким образом конфликт сестер и Золушки получает идеологическое под-

крепление в споре между «традиционным» и «новым» искусством, между филармонической и эстрадной музыкой. Еще в нью-йоркском аэропорту Синди встречает нищего, который, естественно, окажется принцем. Урожденный князь Герардески, наследник дворцов и миллионов, он бросает все ради жизни бродяги и рок-музыканта. Между молодыми людьми вспыхивает любовь с первого взгляда, которая вряд ли могла бы составить содержание еще трех серий, если б не спасительная путаница: принц скрывает от Синди свое знатное происхождение, Синди от принца — свои невинные приключения. В четвертой серии возлюбленные делают карьеру рок-музыкантов. В конце концов сестры с мачехой получают приглашение на бал во дворец Герардески, куда отправляется и Золушка, ведомая доброй феей. Там же будет и принц, вынужденный смириться с родительской волей, и отец-пиццерийщик, прибывающий на бал прямо из Нью-Йорка. Все оказываются в одном месте. Все тайное становится явным, действие идет к долгожданной развязке.

Столь подробный пересказ более чем посредственной итальянской картины необходим, чтобы понять зрителю, два вечера кряду просидевших с открытым ртом у телевизора, а заодно и нечто, в советском кино органически невозможное. В сказке о Золушке должна быть лачуга. Она здесь имеется: это пиццерия и — шире — Нью-Йорк, что, по мысли создателей фильма, воистину так, но может повергнуть нашего зрителя в немалое изумление. В сказке о Золушке должен быть дворец. И он имеется. Это Рим и — уже — замок Герардески и в то же время эстрадные подмостки. Путь от лачуги к дворцу, как все помнят, лежит через труд и самоотверженность. И это имеется: Золушка потеет и над домашней работой, и когда поет на эстраде. Труд вознаграждается праздником. И он имеется: и в виде самого бала, и в виде триумфа на сцене. Путь из лачуги во дворец, от труда к празднику и есть путь Золушки, путь иерархии, на вершине которой находится принц. Здесь он венчает сразу две пирамиды: в «традиционной» он князь Герардески, в «новой» — глава рок-ансамбля.

В сказке о Золушке принц всегда венчает пирамиду, не заменяя ее, как в «Светлом пути», но, и не превращаясь в какую-то маргиналию, случайно найденную в электричке, как в фильме «Москва слезам не верит». В сказке о Золушке труд всегда венчается праздником, опять-таки не заменяя его, как в том же «Светлом пути», да и как в фильме «Москва слезам не верит», где героиня настолько предана работе, что готова ради нее расстаться с любовью. В сказке о Золушке ни одно слагаемое

не подменяется другим. В сказке о гадком утенке все может быть изменено, и ничего не изменится, ибо есть непреложная данность. Сказка о Золушке — типичная «американская мечта», сказка о гадком утенке — типичный советский удел: за словами «кто был ничем, тот станет всем» — глубокая убежденность, что этот «никто» уже «всем» и является.

Итальянский фильм поставлен больше десяти лет назад режиссером небогатого дарования, который к тому же пал жертвой все еще модного тогда нонконформизма. Отсюда две иерархии в фильме вместо одной: подмостки, бросающие вызов дворцам. Обнаруженная за этим культурная идея заинтересовать не может. Интересно другое. Вызов дворцам как нельзя лучше обосновывает их существование. Для того чтобы чему-то бросать вызов, надо это иметь. Беда нашего кино, обреченного на сюжет гадкого утенка, и нашей действительности, обреченной на то же, — что мы не имеем ни дворцов, ни лачуг, ни труда, ни праздника, одно сознание лебедей, митингующих, чтоб их не считали утятами.

Дворцов не было и раньше. Теперь исчезли и праздники. Отмечаемые интеллигенцией лишь весьма частично, они все же разделялись огромным большинством и хотя бы поэтому имели смысл. Без общего праздника не бывает иерархии. Бал не случайно кульминация сказки о Золушке. Праздник необходим, но нельзя чествовать сразу два Рождества, сначала католическое в православный пост, а потом еще и православное. Нельзя отмечать один праздник как другой, «кухаркин день», понося кухарку-родоначальницу, 8 марта как римские сатурналии и все вместе как Прощеное воскресенье. Еще менее возможно праздновать 7 и 8 ноября как 380-летие освобождения от польских захватчиков — это не моя игривая фантазия, это игровая фантазия Моссовета. Не говоря уж о том, что такая игра чревата крупным международным скандалом, ибо поляки вправе не понять, отчего столь некруглая дата отмечается аж два дня, всякое безумие должно знать свои пределы. В конце концов Золушке, отправляющейся на бал, плевать, в честь чего он устраивается, — Великой Октябрьской социалистической революции или тезоименитства императора. Ей нужен лишь повод — определенный и определенно не сумасшедший.

В противном случае отечественная Золушка и дальше будет, гадким утенком сидя у телевизора, плясать на пленительную жизнь, которая раскручивается по непонятным ей законам в плохом скроенной чужеземной мелодраме.

Это случилось примерно год назад. Буквально накануне престижных гастролей в Штаты. 16 артистов знаменитого на весь мир танцевального коллектива, руководимого И.А.Моисеевым, от гастролей... отказались. Они заявили, что уходят из труппы и организуют свой собственный ансамбль. И в то время, как весь моисеевский балет зарабатывал валюту за рубежом, «отказники» начали репетировать свою программу. Действовали они не в порыве сиюминутного негодования. Их отход в свой собственный коллектив произошел в силу тех же естественных причин, по которым все большое и целое рано или поздно делится на части поменьше, как, например, МХАТ или СССР... Сформировалась и коммерческая структура, способная содержать новый коллектив, который, исходя из творческих принципов, взял себе название, в начале века ласкавшее слух всех европейских танцманов, — «Русские сезоны».

«С теми, парижскими, дягилевскими сезонами, в которых блистали Павлова и Нижинский, наших современников объединяет идея команды творческих единомышленников, которые умножают смысл творчества самим его процессом, постоянно экспериментируя, обновляясь и в форме, и в содержании, совершенствуясь в мастерстве» — примерно так объяснил близость двух «Русских сезонов» председатель правления одноименного «общества с ограниченной ответственностью» Андрей Константинов — сегодняшний собеседник корреспондента «Столицы».

Русские Сезоны

— ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

— Андрей Юрьевич! Видимо, результатом поиска своего пути в искусстве будет оригинальная сольная программа вашего коллектива?

— Она не будет, а уже есть. Программа строится по принципу антологии танцевального искусства с представлением всех жанров по эпохам — от фольклора до классического балета. Это и аргентинское танго, молдавский, сербский, ирландский танцы, а также свои, оригинальные — например, посвящение Бежару. Выстроены композиционно и поставлены они нашим художественным руководителем, выпускником ГИТИСа Николаем Андросовым.

— А насколько сложным был организационный период?

— Дело в том, что ребята начали самостоятельно репетировать еще до получения «официального» статуса — просто на энтузиазме. На этом этапе большая организационная работа была проделана московским агентством талантов. В дальнейшем предполагается представление агентством интересов

«Русских сезонов» в некоторых гастрольных проектах за рубежом.

Залы для репетиций нам любезно предоставило руководство школы № 1113, специализирующейся на обучении музыке и хореографии. И уже через два месяца работы наши артисты подготовили несколько номеров, с которыми выступили в смешанных программах с другими исполнителями. Мы признательны Надежде Бабкиной, руководителю знаменитой «Русской песни», за возможность выступления в концерте ее коллектива, состоявшегося в Государственном центральном концертном зале «Россия». Потом один из его режиссеров, посмотрев нас в деле, начал помогать нам и с другими выступлениями. Их было уже довольно много и в КДС, и в зале имени П.И.Чайковского, и в той же «России». А буквально на днях нам предложили участвовать в фильме-балете, который ставит такой выдающийся мастер, как Владимир Васильев. Ему нужен был коллектив, работающий на фольклорном материале, и выбор пал на

«Русские сезоны».

— А есть ли у вас звезды первой величины?

— Есть, но как-то неудобно выделять кого-либо из нашего дружного коллектива. Скажу лишь, что при образовании ансамбля все договорились, что прежние звания и регалии будут не в счет и каждый должен сам заработать себе авторитет. И очень приятно, что два заслуженных артиста России — Сергей Петухов и Вячеслав Калинин, имевшие эти звания раньше, и в новых условиях подтвердили свой высокий уровень и считаются лучшими в нашем неофициальном рейтинге.

— А может ли быть принят в ваш коллектив артист из другой, «не моисеевской», школы?

— Может, и у нас уже работают танцоры из «Березки» и «Гжели», других коллективов. Но попасть к нам нелегко — отбор очень жесткий. Мы не можем тратить время на обучение артиста — он должен быть подготовлен так, чтобы через неделю мог свободно выступать в концерте. Другой критерий мастерства «Русским сезонам» не подходит. Все наши танцоры работают с полной самоотдачей. Это общество, насколько это возможно, помогает им во всем — обеспечивает бесплатным медицинским обслуживанием, профессиональной страховкой, гарантирует пенсию.

— А почему вы не покажете программу уже сейчас, раз она полностью готова?

— Увы, премьера откладывается из-за отсутствия материалов для пошива костюмов примерно до середины мая. Поэтому зрителям, которые захотят увидеть «Русские сезоны» на сцене, можно только посоветовать внимательно следить за афишами или звонить по телефону общества 299-19-83.

— Успешной премьеры!

Птичка божья

Эрик Курмангалиев

Эрик Курмангалиев стал сенсацией прошлого театрального сезона, исполнив в спектакле Р.Виктюка «М.Баттерфляй» самую, наверное, «пряную» роль современного репертуара — китайского шпиона, ставшего любовницей французского дипломата. В течение всего спектакля зрители любовались очаровательной грациозной женщиной, которая к тому же дивно пела партию Чио-Чио-сан, а в финале с изумлением узнавали, что и эту роль, и эту партию исполнял... мужчина.

В кругу музыкантов имя контратенора Эрика Курмангалиева известно очень давно. Ещё учась в Институте имени Гнесиных, он вызывал вполне понятное любопытство, а после «двойной» роли Ариэля-Просперо (в паре с А.Вертинской) в одной из самых странных постановок А.Эфроса — фрагментах из оперы Г.Пёрселла «Буря» по Шекспиру — привлек к себе серьезное внимание профессионалов. В 80-е годы Эрик сотрудничал с А.Шнитке, исполнив партии контратенора в двух его симфониях и кантате «История доктора Иоганна Фауста».

Только что состоялась концертная премьера Курмангалиева — опера «Орфей и Эвридика» К.В.Глюка.

Природа наградила его необычным даром. Он обречен быть вечным мальчиком, отроком. Уже 12 лет он поет так, как в нашей грубой стране мало кто умеет. Еще совсем юным он стал не просто событием, но даже легендой.

Он — изящно худое, длинноволосое, экзотическое украшение самых изысканных музыкальных вечеров и полуподпольных салонов. В имидже кокетливого и легкомысленного юноши он чувствует себя легко и свободно.

По отношению к журналистам он, похоже, сознательно провокационен.

Мы разговаривали с ним в помещении Московской консерватории, сидя на столе в узеньком коридорчике. Все мои усилия придать разговору серьезный характер шли прахом при появлении какого-нибудь молодого человека — Эрик отвлекался и забывал, о чем шла речь.

Его импресарио Александр Домбровский во избежание возможных неприятностей вычеркнул из текста наиболее «рискованные» высказывания своего подопечного. Эрика же эти вопросы мало волнуют: прессы он не читает. Похоже, о существовании журнала «Столица» он узнал от меня.

фото В.Плотникова

В роли Сонг Лилинг
Спектакль «М.Баттерфляй»

МАЛЕНЬКИЙ ЭРИК И БОЛЬШОЙ ВЕРБЛЮД

— Эрик, в какой семье ты родился?

— Папа был хирургом, мама — педиатром. Было двое детей, я и младший братишка. Хотя, строго говоря, детей было трое, но по нашей традиции первого сына отдают в семью бездетных родственников. Поэтому мой старший брат воспитывался у них.

— Твои способности — от мамы или от папы?

— Не знаю. Наверное, от мамы. Благодаря ей полюбил классическую вокальную музыку. Специально она ничего не делала, не заставляла, а просто поддерживала все мои музыкальные шалости и творческие ползновения.

— А как рано они стали проявляться?

— Петь я начал в 13 лет. Именно в этом возрасте увлекся классической музыкой, пел и записывал себя на магнитофон. Это была, кажется, каватина Леоноры из «Трубадура» Верди.

— Неужели, как все поющие дети, ты выступал на утренниках, в пионерском хоре?

— Я был звездой подобных мероприятий, каких-то конкурсов, смотров...

— А танцевать ты любил?

— На дискотеках я блистал, у меня даже было прозвище — Король: меня обступали, и я танцевал...

— Где жила твоя семья?

— В Гурьевской области. До Алма-Аты — трое суток на поезде, три часа на самолете, а на верблюде... — очень долго.

— Ты ездил на верблюде?!

— Да, конечно, это мое любимое животное и самый лучший, добрый и восхитительный вид транспорта.

— Расскажи о самом ярком детском впечатлении.

— О господи! Ну, допустим, я объезжаю молодого жеребца или верблюда. Они очень своенравные, и поэтому их надо обуздывать.

— Обуздывал?

— Да, именно этим я и прославился во всей округе. Я был очень смелым мальчиком и совершенно свободно их объезжал.

В МОСКВУ! В МОСКВУ!

— Как ты попал в Москву?

— Ну, это один из самых романтических эпизодов моей карьеры. До столицы добрался почти автостопом, в тамбурах. Денег не было, потому что родители не очень хорошо от-

несли к тому, что я бросил подготовительное отделение Алма-Атинской консерватории... Но я довольно своенравный человек.

— А в Москве откуда тебя взяли деньги?

— Ну, пошел на «плешку». Шутка (смеется). Вплоть до самого последнего времени денег у меня почти не было...

— Как рано ты осознал свое отличие от других вокалистов?

— Когда поступал в институт имени Гнесиных: от меня отпихивались и не знали, что со мной делать.

Да я и сам тогда не знал, что мой голос называется контратенором.

— Учеба давалась трудно?

— Нет, абсолютно не трудно. Но прежде чем получил «корочку» о высшем музыкальном образовании, без которой у нас невозможно стать профессиональным исполнителем, я прошел через огромное количество трудностей, служил в армии.

— Как это ты «загремел» в армию?

— Почему — «загремел»? Это нормально, все должны идти в армию, закон есть закон...

— Многие воспринимают службу как трагедию...

— Вся моя жизнь была связана с какими-то преградами и трудностями, поэтому, попав в армию, я закрыл на все глаза и решил — ладно, два года вычеркну из жизни... Получилось не так уж плохо, в армии у меня оказались покровители.

К ВОПРОСУ О ЖЕНОНЕВИСТНИЧЕСТВЕ

— Когда ты понял, что твоими соперниками и конкурентами на сцене будут женщины, ты стал женоневистником?

— Нет, женщины — самые близкие мои подружки (смеется).

— А если они поют с тобой одни партии?

— Они неплохо это делают, но некоторые, выходя на сцену, начинают раскачивать бедрами, трясти бюстом... И получается не Лель, не Ратмир, а проститутка какая-то! Но главное «не то» все-таки в голосе. Ладно бы — пели по-женски, а то ведь — по-бабьи! (начинает возмущаться). С грубыми бабскими интонациями и подачей звука, которая отрокам, мягко говоря, не свойственна.

М. ИЛИ Б.?

— Ты слышал, что спектакль «М.Баттерфляй» иногда называют «Мадам Б.»?

— Б. и есть б., ведь герой — политическая проститутка. Каждый шаг этого человека — проституция, но за ней скрывается личная трагедия, потому что главное в спектакле — любовь. А политика, строительство коммунизма и все подобные дела, по-моему, всегда коверкают судьбы людей.

— Многие расценивают твою работу в этом спектакле как кризис вокалиста...

— Действительно, до этой роли я почти два года не пел, не потому, что не мог, а потому, что не хотел, и отказывался почти от всех предложений, даже самых лестных. В редких случаях, чтобы хоть как-то расшевелиться, я заставлял себя выйти на сцену и не получал от этого удовольствия. Может быть, на меня повлияли политические события, обстановка в стране... Но я чувствовал, что в моей жизни должен начаться ка-

В годы службы в армии

кой-то новый этап. И именно в этот момент поступило предложение от Романа Виктюка.

— У тебя не было опасения, что спектакль будет принят публикой неоднозначно?

— Я не сомневался, что он будет иметь успех. Естественно, я понимал, что он вызовет неоднозначную реакцию, но меня самого всегда так воспринимали, поэтому мне не привыкать.

— Твой герой говорит о себе примерно так: «Я восточный мужчина, а значит — немного женщина...»

— (Сквозь смех). Была б моя воля, я бы вообще отменил градацию на мужчин и женщин. Именно мужчина знает, какой должна быть женщина, а женщина — каким должен быть «настоящий мужчина».

«ДЕМОНСТРАЦИЯ ЗА МИР В ПОСТЕЛИ»

— Ты любишь повторять, что ты — яркая индивидуальность...

— Я говорил, что я — яркая индивидуальность?!

— Да, когда мы обсуждали некоторые особенности твоего характера...

— А, ну да.

— Ты не пытался демонстрировать окружающим свою тотальную непохожесть на них?

— Как это?

— Ну, например, Джон Леннон с Йоко Оно в свое время устраивали демонстрации за мир в постели...

— Думаю, что все мое существование в этой стране — сплошная акция подобного рода. Во всяком случае, моя деятельность многими воспринимается именно так. Меня даже называли «веянием буржуазной культуры»! Продемонстрировать свое отношение к этому у меня пока не было ни возможности, ни средств. Если возникнут обстоятельства, ущемляющие мое достоинство, то, возможно, это и вызовет во мне желание заняться чем-то подобным, но, если все будет либерально, вряд ли я когда-нибудь отважусь на такой шаг.

— А существует ли в нашей стране проблема гомосексуализма?

— Нет, конечно, не существует. Дело в том, что в течение 70 лет в людях воспитывалась ханжеская, лицемерная мораль, а уж по отношению к гомосексуализму — в особенности. Но все, кто хотят этим заниматься, — занимаются и решают свои «проблемы» без проблем. Существует запрещающая бумажка, закон, но он ничего не меняет.

В ПРИНЦИПЕ — ЗВЕЗДА

— Ты много работаешь над своим артистическим имиджем?

— Не знаю, как ответить на этот вопрос.

— Как ты считаешь, у тебя есть вкус?

— Над этим я тоже никогда не задумывался... Наверное, есть.

— На что он распространяется?

— Кулинария, ведение хозяйства, одежда. Мне кажется, он мог бы проявиться в быту, если бы он (быт) у меня был. Но я могу пойти на рынок, купить то, что надо, и сделать что-нибудь съедобное. Иногда получается очень неплохо. У меня нет навязчивой идеи одеваться как-то особенно: что есть — то есть, нет — значит нет. Но когда возникает желание надеть что-нибудь красивое, я берушь за шитье и делаю то, что хочу. Что еще? Могу покрасить стены, полы, побелить потолок, обставить комнату, подобрать соответствующие цвета... Люблю цветы, больше всего — гиацинты...

— Ты надеешься, что когда-нибудь твой быт наладится?

— Этот вопрос уместнее задать моему менеджеру. Вообще музыканты у нас в большинстве своем живут в совершенно несносных условиях. Эта извечная проблема с соседями...

С партнером по спектаклю
С.Маковецким

Фото В.Плотникова

— И что говорят соседи, когда ты начинаешь репетировать?

— Мне — ничего. К моему удовольствию, сейчас я живу в громадном пустом доме, это просто счастье. Но мне купили квартиру, где вот такие (показывает — какие) стены. Слышно все, что творится в доме. Это ужас! У меня в голове — одна мысль: как только я извлеку из себя хоть один звук, весь дом будет слышать, всем это будет доставлять массу неудобств, меня будут терроризировать, звонить, кричать «прекратите выть!», «когда кончатся эти оргии!», потом начнут жаловаться в ЖЭК... А пение требует идеального состояния нервной системы, чуть что не так — голосовые связки работают ненормально.

— Ты любишь дорогие удовольствия?

— На что ты намекаешь? Нет, во мне этого нет, не такое у меня воспитание.

— Певец и актер Дэвид Боуи в каком-то интервью заявил, что любит гастролировать в Японии, потому что ему безумно нравятся тамошние мальчишки. А где любишь гастролировать ты?

— В России! (Гомерический хохот).

— Где именно?

— Скажем, в тех районах, где шахты, Кузбасс, например... В таких центрах, как Петербург, Москва или Киев, к моему голосу и пению относятся очень придирчиво, наверное, от избалованности. А когда я приезжаю в Кемерово или Новосибирск, там — стопроцентный прием.

— Ты считаешь себя звездой?

— Звездой? Конечно, в принципе, я — звезда. Вообще я считаю, что любой человек — маленькая звезда.

— Каков уровень твоей известности на Западе?

— В свое время мою репутацию подпортил Госконцерт. Но первые мои гастролы в 87—88-м годах в Америке и Голландии стали сенсацией.

— У тебя есть конкуренты?

— Нет. Так, как пою я, ни один из контратеноров петь не может. Даже женщины — контральто или меццо-сопрано — не составляют мне настоящей конкуренции. Не в смысле исполнительского профессионализма, а в подаче звука и использовании голосовых качеств.

— Твой двухлетний творческий кризис окончательно миновал?

— Я практически вылез из него. Сейчас у меня запланирована очень плотная концертная программа и просто не будет времени думать об этом.

— Живя здесь, ты поддерживаешь связь с родными?

— Да, конечно. Они меня боготворят.

— Может быть, ты уже национальный герой Свободного Казахстана?

— Когда я приезжаю в Алма-Ату, меня принимают почти так, во всяком случае, близко к этому.

Допрос с пристрастием
провел Ярослав МОГУТИН

Чем ближе мы к XXI веку, тем более архаичные пласты сознания в нас всплывают. Казалось бы, нас сегодня усиленно «гуманизируют» — не без помощи новых христиан, гордящихся (по чьему-то остроумному выражению) нателным крестом более, чем солдат георгиевским. Но вот что любопытно: православие это получается какое-то сомнительное. Как доходит до дела, до жизни, то формальное православие оборачивается чуть ли не язычеством. А язычество сопровождается суевериями, да столь темными, что и проповеди самого Христа, посети он нас, грешных, сегодня, успеха бы не имели.

Яростная нетерпимость проникает даже в сами храмы. В день поминовения усопших бригада ТВ прямо столкнулась с озлобленностью, выраженной в самой совковой манере.

Ненависть насаждается в каких-то варварских формах, и самое удивительное, что в эти архаичные формы сегодня выплеснули свое «бессознательное» писатели. И даже погреблись у маленького такого пожарчика. У кучки пепла.

Итак, сооружается имитация, подобие человека (чучело, кукла, фотография — все сходится), потом совершаются над этим подобием «врага» действия, которые, по разным поверьям, должны обязательно привести к гибели изображенного человека. Фотография прокалывается иглами, кукле отрывается голова и так далее.

Ну каких-нибудь жителей каменного века я за этим занятием себе представляю.

Но писатели? Но не просто писатели, а «Совесть Земли Русской», как они себя, любимых, именуют? Но гуманисты наши отечественные, записные? Учителя, поводыри, пророки?

Вот публикуют они, скажем, фотографию Юрия Черниченко «встык» с фотографией трупа повесившегося в тюрьме «памятника» К.Осташивили — и инкриминируют Ю.Черниченко, выступившему на судебном процессе, чуть ли не убийство.

Встык!

Еще одна «кукла» яростно поджигается В.Бушиным, в той же газетке, где появился злобный фотомонтаж. Сооружена сия кукла Бушиным из «тряпочек», надерганных по нитке цитаток из прозы, стихов и выступлений Булата Окуджавы. Спичка к «кукле» подносится со сладострастным удовольствием. А завершается этот интеллектуальный, прошу прощения,

щепетильник

Марковский

Наталья ИВАНОВА

ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ

поджог прямым призывом к физической расправе: к сечению розгами. Да-да, именно так: к прилюдному сечению розгами Булата Окуджавы, да еще и с оттяжкой, с издевкой, с намеками — на тяжелейшую операцию, перенесенную поэтом недавно.

Включаются в изготовление «чучел» и другие издания. С респектабельной вроде бы репутацией.

В «Литературной газете» соорудили, например, «чучело» из обрывков цитат, выдернутых из моей статьи «Русский вопрос». А спичку поднес отдел русской литературы, руководимый И.Золотусским. Безымянно. Вернее, анонимно.

Но оказалось «чучелко», как в американских сказках о Братце Кролике, смольным, и лапы Лиса к нему прилипли намертво.

Чем возмутились? Уж не тем ли (кроме моей полемики в статье с «неприкасаемым»), что за две недели до того я открыто выступила на двух заседаниях объединенного секретариата нового писательского «союза» с резкой критикой И.Золотусского как руководителя отдела «ЛГ», выдвинувшего свою кандидатуру на пост уже главного редактора новой литературной газеты? Выступила в его же присутствии! И — батюшки-светы, скорость-то какая! — появляется в еженедельнике «реплика».

А вот и еще одно «последствие» секретариата: неосторожно выступили против данной кандидатуры дру-

гие-прочие, и им немедленно тоже досталось, правда, в ином месте — в «Новом времени» (№ 5). Мне отмщение, и аз воздам? Да еще и рассуждает-то незадачливый кандидат прямо-таки в стиле известной басни: не больно, мол, хотелось; утаивая главное — конфузный результат голосования. Уважаемое собрание отдало предпочтение совсем другому претенденту.

Хорошенький же нрав у руководителя нового «российского» союза, которого я как не рекомендовала на должность редактора, так тем более после всего происшедшего утвердилась в своей точке зрения.

Опасное это дело — давать в руки власть людям мстительным и нетерпимым.

Даже в «застойные» времена, в разгар которых тот же «Золл» (ныне ставший первым секретарем «союза» — вот приятная неожиданность: ведь и должности такой в уставе нет!), редактор отдела «ЛГ», не стеснялся на секретариате (еще

том, застойном, «марковском») воспеть повесть «генсека» Г.Маркова в присутствии... Г.Маркова, представителю ее — в качестве замечательного, чуть ли не толстовского по силе примера — перед остальными, недостойными, — даже в «брежние» времена трудно было бы ожидать столь скорой расправы за открытую, гласную критику от «брежних» секретарей и редакторов газет.

Те же самые люди, что так уместно, так вовремя хвалили Маркова и так удачно в то же самое время получали зарубежные поездки и переиздания своих сочинений, украшенные фотографиями, сделанными автором на «римских» каникулах; что так любили посидеть в новогоднем застойном застолье с Ф.Ф.Кузнецовым, — они же сегодня продолжают (и еще с большим пафосом, ибо теперь своя рука владыка, марковские кабинеты унаследованы) поучать и отлучать, казнить и привечать.

Тот же И.Золотусский, будучи руководителем семинара молодых критиков, приветил и рекомендовал в члены СП — изо всей талантливой молодежи — самую неинтересную фигуру: П.Горелова. Вы не знаете, дорогие читатели, такого критика? И я бы его не заметила: но он умудрился перед совещанием «поджечь чучелки» аж двух лауреатов Нобелевской премии — Б.Пастернака и И.Бродского. Не от света ли этого «пламени» его и приметил, и приветил И.Золотусский?..

Он же не постеснялся благословить на редактируемых им страницах «ЛГ» и сжигание «чучела» блестящего исследователя Гоголя — Ю.Манна. Неужто Гоголем позволено заниматься только «инспектору по кадрам» гоголеведения? Обрушился он же и на Юнну Мориц за ее субъективное высказывание о родителях Гоголя. Все из тех же «инспекторских» соображений? Иными причинами пафос его «окорота», в котором утверждает «личное» (?) знакомство с родителями Гоголя, и объяснить трудно.

Чего же стесняться, если «сотоварищи» и «коллеги» очень даже славно расселись по тем же кабинетам (демократическим) и очень уютно себя чувствуют. Сами себя выбирают. Сами себя назначают. Утверждают. Распределяют. За границу ездят — за счет писателей — несравненно чаще, чем их неудачливые предшественники вроде С.Колова или В.Карпова; оклад жалованья положили себе высокие, собственные сочинения издавать-переиздавать не стесняются, квартиры и прописку в Москве — за счет бедного «союза» — покупают, дачи в Переделкине — себе, родным — распределяют... Кто же о них позаботится, кроме них самих?

Гуляй, братва!
Р-р-революция!
Экспроприация!
Т.Пулатов — первый секретарь обновленного «содружества» писателей (бывшего СП СССР) и табличку вывесил на своем кабинете, во все времена не виданную: «Просьба не беспокоить».

Да, хватит «беспокоиться», пора и о Боге, то бишь о покое, подумать. За чем, скажем, ссориться с Ю.Бондаревым? С.Куняевым? А.Прохановым? Не пора ли объединиться? И вот уже тропку торят, идут, объединяются в сердечном порыве, просят прощения за нанесенные влопыхах «обиды», проклиная «общих врагов»... Т.Пулатов проклял на пленуме, бондаревском, что бы вы думали? — шовинизм(?) и сионизм. Призвал объединиться — против них — ислам и православие. Славян и тюрков. Так что если среди двух миллионов немцев или миллиона поляков есть писатели — им лучше «не беспокоиться». Я уж не говорю об эстонцах и латышах, армянах и грузинах, литовцах и корейцах — нет им места под солнцем пулатовского «содружества». И вот какая забавная деталь: в «Лит.России» выступление Пулатова отличается от «сглаженной» перепечатки в «ЛГ». Куда ж исчезла в «ЛГ» анафема, изумляется в реплике по этому поводу строгая «ЛР»? Никак Пулатов испугался — задним-то числом?

Зачем нам-то, остальным писателям, такие «игры»?

За что мы, глупые, боролись на своих писательских собраниях в августе 91-го?

Если за «просьбу не беспокоить» вкупе с проклятиями католицизму —

то увольте меня от ваших идеологических игр.

Еще раз напомню неувядающие слова В.Войновича: «Не надо сосать вымя мертвой коровы».

Но ведь сосут!

А для самозащиты и «сугрева» — молочко-то холодное — поджигают «чучелки».

Точно в такой же стилиевой манере, как и достославные заединчики.

Замечательно спародировал подобное умонастроение Владимир Новиков. На вопрос: «Чего бы вы хотели от литературы?» — герой его пародии отвечает: «Добра, и побольше»...

И вправду: да что же их на самом-то деле разделяет, кроме помещения?

Впрочем, и здесь, уважаемые читатели, отдельная история: про особняка. Как только расположились в нем секретари нового «союза», то бишь «содружества», так и стали выгонять на улицу мирно живущий во флигеле журнал «Дружба народов». Выселяют его под видом необходимости валюты для бедных писателей (сдадим иностранцам). А валюта-то идет совсем на другие цели...

Н-да-с, нравы!

Вернее, не нравы, а скверный получается анекдот. Очень скверный. Просто дальше некуда.

Зачем же я его изложила? Только ли для того, чтобы потешить уважаемую публику тем, как «мутируют» наши «либералы» и «демократы», как славно используют они служебное положение; как затыкают рот тем, кто посмел высунуться с критикой хорошо организованными, хотя и плохо исполненными «репликами»; как быстро разращает власть — хоть вроде и не такая большая?

Ведь не интересен мне И.Золотусский. И Т.Пулатов не интересен.

Нет. Меня тревожит другое.

Как правило, тенденции внутри так называемой творческой интеллигенции почти зеркально отражают, а еще чаще и предсказывают то, что происходит на уровне более серьезных властных структур.

И разве не реализуются тенденции: «поход» Пулатова к заединчикам — и «поход» Ручкого на Конгресс гражданских и патриотических сил; проникновение «номенклатуры» в новые структуры — и практически бесконтрольное раздувание этих структур (исполком... содружество... координационный совет... секретариат...); большая «хапок» — денег, поездок, квартир...

А писатели... что ж писатели?

Неужели все происходящее не убеждает их в подозрительной «живучести» традиций «союза»? Ведь еще у Фазиля Искандера старый Хабуг предостерег сына, занявшего дом выселенного грека: добром эта «экспроприация» добра все равно не кончится...

Герман ДРОБИЗ

БОРЬБА ЛЕГЕНД,

или

КОГО БОЛЬШЕ

Встретились участники штурма Зимнего и все, кто нес бревно вместе с Лениным на первом субботнике. И стали меряться, кого больше. По всему выходило: с субботника — больше. Но тут пришли все, кому полковник Брежнев дал рекомендацию в партию на Малой Земле. Их оказалось еще больше. Но тут пришли защитники «Белого дома». Их было больше, чем всех предыдущих, вместе взятых. Но тут пришли все, кто еще долго до перестройки внутренне протестовал против тоталитарного строя. Это оказался весь советский народ, в том числе в полном составе Коммунистическая партия Советского Союза. Участникам штурма Зимнего, и всем, кто нес бревно, и соратникам полковника, и защитникам «Белого дома» — всем им пришлось признать свое поражение.

Но тут пришли героические участники продовольственной помощи государствам СНГ.

Ими оказалось все остальное человечество.

И только небольшая группка сконфуженно переминалась в стороне: они не штурмовали, не защищали, не состояли, не помогали и не несли бревно.

Из чего неопровержимо следовало, что это — инопланетяне.

ВЕЛИКОМУ АВГУСТУ СЛАВА

Ни в чем не уступит Великий Август Великому Октябрю — ни в масштабе деяний, ни в размахе последствий. Одно жаль: нет у нынешней революции такого вдохновенного певца, каким был у Октября Владимир Маяковский.

Если бы Маяковский был певцом Великого Августа, он бы написал!

Он написал бы:

«Демократия и Ельцин — близнецы-братья — кто более матери-истории ценен? Мы говорим Ельцин, подразумеваем — демократия, мы говорим демократия, подразумеваем — Ельцин».

Он написал бы:

«Август ветрами дул, как всегда. Рельсы по мосту вызимеив, хоть с опозданием шли поезда, но уже — при капитализме».

Он написал бы:

«Юноше, обдумывающему житье, совета не жаль дарового: хочешь карьеры — делай ее с товарища Борового».

Вот такие и многие другие замечательные строки посвятил бы Великому Августу Маяковский.

А потом бы, конечно, застрелился.

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

СИЛА ВОДЫ

Все случилось как во сне. Позвонили. Восемь вечера, все дома. Маринка, бабуля. Позвонили: телеграмма. Бабуля, тяжело ступая, пошла открывать, отодвинула Маринку (всегда первая у двери), спросила еще раз. Открыла дверь. Пока пошла за очками расписаться, вернулась, а дверь закрыта. Трое у дверей, в руках ножи. Бабуля стояла молча, в очках, онемев. Маринка кинулась к бабушке.

— Дед! — без голоса закричала бабуля.

Дед встал от телевизора как был, в трусах и майке, начался «Спокойные ночи», Маринкино время.

Он вышел в коридор, один из мужиков с ножом двинулся и толкнул его обратно.

— Вы что, — загудел дед, — вы что безобразите... — и замолк там, в комнате.

Все трое были одного вида, в куртках светлого цвета, какие-то небритые. Второй тоже пошел в большую комнату, к деду. Третий загнал бабулю и Маринку в ванную, полотенцами завязал им рты, руки и ноги у щиколок. Затем погасил свет, работал грубо, руки были страшные, быстрые, как какие-то змеюки, дергали, толкали, копошились, тряслись. Он запер дверь ванной и ушел, грубо выругавшись, потом вернулся и погасил свет.

Сюда, в ванную, где они обе стояли в тесном пространстве, проникали звуки из соседних квартир. Внизу играла на пианино Маринкина сверстница Вероничка, с ней занималась ее вечно кричащая мама. Из комнаты, где находился дедуля и мучители, доносились звуки какой-то возни. Маринка тряслась, прижавшись тельцем к бабуле, и бабуля стала тихо, сквозь полотенце, уговаривать ее: «Солнышко, кровиночка моя, андел мой», Маринка еще сильнее прижималась и начала плакать. У бабули страшно побелело все ее грузное, сырое тело. Изогнувшись, бабуля встала спиной к ванной и, преодолевая боль, стала поднимать связанные сзади руки. Через пятнадцать минут Вероничкина мать пойдет поведет в ванную свою дочку, Вероника играет до восьми пятнадцати, в восемь пятнадцать принимает душ, в восемь сорок пять она смотрит вторые «Спокойные ночи», в девять она в постели.

Маринкина мать всегда ставила бабуле и дедуле Вероничку в пример, поскольку Маринка ложилась поздно, как результат не высыпалась... Что же делать, если у ребенка не было сна, все после смерти отца.

Очень болели у бабули ноги. Маринкина мать была молодая вдова и чужой человек, а Гришенька, сынок, умер в больнице от белокровия, облучился на полигоне молодым офицером, был ракетчик. Пять лет с пенсией в сто рублей старался жить, белокровие врачи не признали как профессиональное заболевание, ракетчики имели дело с шахтами и с ядерными боеголовками, Гришенька ничего не рассказывал, был бедный облученный лейтенант, инвалид первой группы.

Маринка задыхалась под полотенцем и топала ножками, мотала головой, как безумная, а бабуля извернулась по-новому (как же мешала стиральная машина!) и легла верхней половиной туловища на ванну, все что могла, и стала перетаскивать отяжелевшие, затекшие связанные ноги в ванну, и тяжело грянулась боком на дно.

Бабуля понимала, что их всех убьют, в квартиру поселят новых, и нижние соседи будут скандалить и с ними: что делать, сквозь мокрый пол к ним вниз регулярно просачивалась вода. Как-то невестка набирала воду в стиральную машину и зазевалась, вовремя не отключила, и тут же прибежали снизу дед Вероника с диким криком «открывайте!» и бабка Вероника, невестка стояла белая как мел с тряпкой в руке, собирала, дура, воду с полу, ее и поймали на том, пробежали в ванную, а там вода стоит на два пальца от пола. Вызывали слесаря,

составляли акт, платили за ремонт. Другой раз опять невестка положила шланг душа на край ванны у стены, там тоже была щель, всюду были щели, что делать! Из шланга капало, капало всю ночь, утром нижние, видно, пришли умываться, а потолок опять потек, опять вызывали слесаря, опять ремонт, дорожка-то протоптана. Два раза платили за полную побелку их ванной, ходили на цыпочках, ножки стульев обмотали тряпичками, чтобы не греметь, Маринку приучали не лезть громко, не стучать ножками, телевизор пускали тихо: слышимость! От них, снизу, тоже все было слышно, как мать кричит на Веронику вплоть до оплеух и как Вероничка плачет с визгом, все из-за музыки.

Невестка — события с водой были после похорон — денег на ремонт не дала, Маринку забрала, ушла к себе в свою квартиру, к своей дураковатой матери, они две бабы жили как худшие враги, невестка не могла оставлять Маринку на нее, та с ней не гуляла, а гуляла сама после работы с мужиками, люди говорили. И еще она обзывала невестку по-тюремному, плохие отношения были у них, как у двух собак, все же однокомнатная квартира и две дурные бабы и после похорон, обе одиночки, не приведи Господь...

Бабуля ухнула в ванную всей своей тяжестью и, конечно, убилась, стонала, Маринка сквозь кляп старалась рассмотреть ее во тьме, нагнулась над ней и пищала, но кто услышит? Кто услышит? Внизу раздавались звуки музыки и мерный голос Вероничкиной матери, считающей громко: «И раз! И два!» Потом музыка прекратилась, раздался крик обеих музыкантов, спор и визг.

Деда не было слышно, только что-то глухо топало и стучало. Деда, видимо, били, но он молчал — рот, что ли, тоже заткнули. Дед-то был заядлый сердечник, толстый, тоже сырой пенсионер, работали с дедом последнее время по договору в утильсырье, чтобы перед пенсией заработок был повыше и чтобы помогать сыну, помогали, но не помогли. Деда устроил на эту работу бывший сосед (бабуля стала подниматься на колени), сосед по старой квартире, вечно ходил в куфайке, а работал в утиле, а потом купил себе «Жигули» и кооператив самый первый из старого дома, не стал ждать, когда их развалюху на Трифоновской выселят. Съехал в Медведково, а дедуля, после того как Гришу перевели в Семипалатинск и он уехал туда без семьи, зная по слухам, чем может обернуться дело (хоть это и секрет, но все в армии все понимают, как Гриша говорил, все дубы и все шумят), — дедуля съездил к соседу в Медведково и попросился на последние годы поработать в «Утильсырье», сказал, что сына заслали на верную смерть и надо поддерживать его ребенка и жену. Володька-сосед хорошо относился к Гришеньке и один раз принес подарил беременной невестке книгу, видно, со свалки, читать можно ее было только в перчатках, а невестка брезгливая, щепетильная, даром что у такой матери росла, книгу хотела выкинуть, а Володька понял и сказал, что книга сейчас стоит дорого, а будет стоить еще дороже, и невестка смекнула, что подарок не простой, и пригласила Володьку выпить грамм-мульку коньяка. Тут Володька сбежал за бутылкой к себе в темницу, как бабуля называла его комнату, и они посидели с Володькой, сами не пили, дед слизал ложечку коньяка, из-за сердца не мог. И Володька, довольный, что невестка, новое лицо в квартире, приняла его за человека (а все уже знали насчет кооператива, а «Жигули», вот они, красные, уже стояли у подъезда), — Володька стал хвастать и рассказывать сказки насчет заработков в «Утильсырье» и насчет того, что напарник принял от пионеров на сдаче металлолома серебряный самовар с медалями, весь погнутый, а он, Володька, нашел в ломе цветмета подсвечник, тоже серебро. И вот спустя года два дед взял бутылку и поехал к Володьке проситься на работу, мотор окончательно забарахлил у дедули, то есть сердце, и он больше не мог ездить по командировкам, перешел в инструктора, и резко снизилась зарплата, а сынок уже был инвалид и лежал в больнице какой месяц, и нужны были грецкие орехи, гранаты и черная икра, а невестка сидит

с ребенком, внучка не ясельная, болеет. Володька попросил за это большие деньги, стервец, и устроил работать деда в заготхлам. Стали вдвоем зарабатывать, складывать в чулок, вот теперь все и кончилось, думала бабуля, стоя уже на коленях. Что она пыталась сделать — она пыталась открыть кран холодной воды, поддавая его головой, больной своей черепашкой. Кран поддавался туго, но все же струйка потекла, а потом и пошла хлестать. Бабуля той же обмотанной головой отвела хоботок крана наружу, на край ванной. Струя теперь лилась частично на пол, частично лилась в ванну, дело было сделано.

Бабуля стала пытаться встать в ванне на ноги. Маринка сумела забраться на стиральную машину и там мотала головенкой туда-сюда, чтобы освободиться от кляпа. Бабуля наконец поднялась в полный рост в ванной, но перешагнуть через борт уже не могла.

Ванна медленно наполнялась ледяной водичкой, ноги у бабули окоченели и ничего не чувствовали, особенно там, где накручено было полотенце.

Послышались шаги, кого-то, видно, дедулю, волокли под руки из большой комнаты в маленькую, где у них в шифоньере хранились облигации и сберкнижки, а также четыре золотых кольца впрок на Маринкину жизнь. Остальное, что скопили, дедуля держал в особом месте, в пустой ножке никелированной кровати, под отвинчивающимся шаром: бросал все вниз в ножку, как в трубу, и дело с концом. Внизу у ножки было колесико, и при надобности оно тоже отвинчивалось, но с трудом. Дед придумал это, чтобы спрятать от невестки, когда отношения стали очень плохие и после того, как он залатил два раза за ремонт нижним соседям за невесткины потопы. Только бы нижние не законопатили все швы! Нижние даже присылали малярку к ним в ванную после своего ремонта, чтобы зашпаклевать трещину в полу и за ванной. И пришли и предупредили, ихний дед, что на следующий случай протечки они, если им сразу не откроют, будут вызывать не просто елсара, а с милицией и оформлять дело на выселение из жилого фонда.

Бабуля сумела пока что сесть на край ванной и, опираясь спиной о стенку, стала поднимать свои чугунные ноги, чтобы перенести их на пол. Маришка то ли потеряла сознание — лежит крючком на машине, как безрукий червячок. Не задыхнулась она? — лихорадочно подумала бабуля. Если у нижних все законопачено, вода будет подниматься долго, часть ведь заливается в ванну.

Бабуля изо всех сил подняла ноги, но не смогла перенести их. Тут раздался приглушенный крик, бабуля рванулась и опрокинулась из ванной на пол, завалилась головой вниз, но как-то опрокинулась на Маринку. Получив неожиданный удар, Маринка глухо закричала и, видно, пришла в себя. Бабуля смогла перенести ноги на пол и встала. Воды было на полу уже порядочно, но Вероника все так же лихо барабанила по клавишам, и все так же издали слышался раздраженный счет и крики ее матери.

Марина крутила головой, отчаянно пытаясь освободиться, дергала подбородком, и вдруг бабуля увидела, что полотенце у Маринки сползло и она открывает рот, чтобы завизжать.

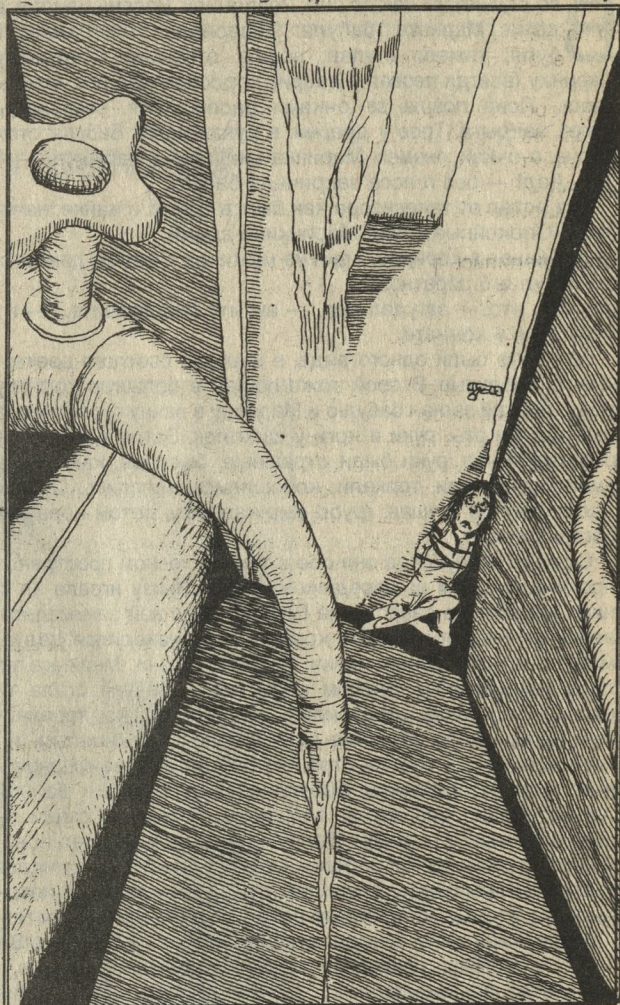
— М-а, м-а, — запрещающе замычала бабуля в знак того, что не велит Маринке плакать. — М-а.

Девочка только громко, судорожно вздохнула.

Бабуля, в свою очередь, начала дергать подбородком и крутить головой. Намокшее полотенце, отяжелев, стало сползать. Неожиданно освободившись, бабуля в первый раз полной грудью вздохнула и стала шептать внучке первое, что нужно было сделать:

— Ты зубками-то... зубками... или сначала давай-ка я... Повернись спинкой... ай, зубы плохи у меня...

И бабка, у которой своих зубов осталось во рту всего пять штук (на улице она надевала протез), стала выкусывать, мотая головой, тяжелый узел полотенца на Маринкиных свя-

Рисовал А. Заяц

занных за спиной ручках... Уж ручки-то как былиночки... Сама Маринка тощая как глистиночка...

Руки были такие худенькие, что странно, как на них держалось толстое полотенце.

Первое, что пошептала бабушка внучке, это закрыть дверь на задвижку. Тихо-тихо. Освобожденными руками Маринка действовала плохо и щелкнула задвижкой очень громко, но в этот момент что-то грохнуло, и раздался слабый старческий вопль: «А! А! О!»

Это кричал дед, и его звериный вой был заглушен ударом. Все стихло.

— Мы с тобой вот в воскресенье поедим на участок, — шептала бабуля девочке, стараясь заслонить этими словами то, что произошло. — Снег посгребем от калитки... Снегу уже мало осталось... Приберемся в домике...

— Подох, — сказал голос.

— Давай этих... Бабка тоже знает, — отвечал другой. — Вскроем лохматый сейф-то...

Они загоготали. Из кухни послышался крик:

— Коньяк тут!

Это был не коньяк, а дедова настойка на грецком орехе, на перегородках, от давления. Шаги прогремели на кухню, наступила тишина.

Внизу смолкли звуки пианино, и очень отчетливо женский голос сказал:

— Ты, мразь, будешь сидеть здесь со мной безо всяких спокойных ночей до девяти вечера, поняла?

Ответом был тоскливый приглушенный плач и какие-то слова.

— Хорошо, учи Баха без меня, я уже не могу с тобой, гадина! Пианино снова загудело.

«Значит, мыться они не будут», — подумала бабуля и зашептала:

— Мариночка, попробуй развяжи мне ручки-те, а?

Она повернулась к Маринке спиной, и слабые детские ноготки вцепились в тяжелый мокрый узел.

— Ты че, — заорали в кухне, — ты че, мне оставь, блин!

Грубо, раскатисто засмеялись.

— Да у них еще полно, хромой говорил, дед много приносил... бабка должна знать заначку... Мы внучкой займемся, бабка сразу пасть откроет. Надо было сразу.

Мариночка царапала, тянула ноготками и зубами изо всех сил. Бабуля почувствовала, как слабеет узел, стала дергать, возить за спиной затекшими, больными руками.

— Та-ак, — с оттяжкой сказал голос, и в ответ захрипел, глухо застонал дед. — Та-ак, ну показывай, падло, будем ща твоих баб (он грязно, длинно выругался).

— А-а, — закричал снова дед. — А-а! Не на-до!

Он, видимо, пытался что-то сказать, но не мог.

И вдруг снизу, из нижней квартиры, из ванной, раздался очень ясный визг:

— Затопили! Опять, сволочи! Да что же это такое!

— Нина! — в ответ полным голосом закричала бабуля. — Звони в милицию! У нас мафия! Трое грабят! Звони! Милиция! Милиция! Нина! Сюда не ходи! Ноль два звони, срочно! Слышишь?

— Милиция! Будет тебе милиция! Вот сейчас будет! — доносился снизу панический голос. — Мало вам двести рублей, я из Москвы вас вышлю!

— Нина! Нина! Срочно милицию! У нас мафия! Воры! Мы тут связанные лежим в ванной!

— Я вам покажу! — кричала, не слыша, в полной истерике соседка. — Миша! Миша! Все! Вызывай милицию, пусть их отсюда... на хер...

К дверям ванной подскочили, дернули раз, другой, стали выламывать дверь.

Тогда бабуля громко сказала:

— Мы затопили водой нижний этаж, сюда сейчас придут соседи с милицией, у нее муж с оружием. Нина! Вы вызвали уже милицию?

И ответом был дикий крик:

— Вызвали, уже вызвали, не волнуйтесь! Сейчас будет вам все, будет милиция! Миша! Миша!

— Миша! — завопила бабушка, — берите пистолет! Тут трое, у них ножи! Караул! Граа-бют!

И завизжала Маринка, как сирена.

Три пары ног сорвались и прогрохотали к дверям.

Наступила тишина.

Бабушка прикрутила кран. Прислушалась. Там, за дверью, была тишина, но раздавался какой-то звук, как будто кто-то тяжело полз.

— Дед! — закричала неуверенно бабуля.

— Ай, — хрипло откликнулся дед. — Ай-ей. Ой. Иди. Иди. Ушли.

Маринка с бабушкой открыли дверь, стояли со связанными ногами в воде и смотрели, как ползет окровавленный дедуля, ползет на четвереньках к двери.

— Закрой дверь, — обычным голосом сказала бабуля, как она всегда говорила дедуле, когда он собирался что-нибудь сделать, и его это всегда раздражало. Но он ответил слабым голосом:

— Не видишь, иду.

И только тут бабуля зарыдала.

Наш человек в парламенте

КАК НЕРОДНЫЕ!..

Тут недавно в парламенте еще один кровотокающий вопрос всплыл. Не слышали? Это немудрено: и газеты этот вопиющий факт как-то прошляпили, и «Вести» никого не оповестили. Хотя, между прочим, речь как раз о нем шла, о нашем родном телевидении. Именно так его сгоряча депутат и обозвал. Нет, он не с опровержением выступил, тот российский депутат Молоствов. Не обогало падкое на сенсации РТВ простого человека, не переврало, как это ни странно, фактов. Нет, ничего такого. Оно сделало хуже: крупным планом исказило светлый образ Избранника, человека с большой буквы И. Депутат сказал так:

— Меня волнует то, как видят нас наши избиратели. Мне странно, что уже родное, не союзное, телевидение считает возможным высказываться в этом большом зале большое количество пустых мест... Не надо превращать освещение парламента в комнату смеха, когда искажены наши изображения...

И ответил ему достойно председательствующий Филатов:

— Мы с вами можем проще поступить. Если будет такая воля, можете сказать, чтобы зал не показывали, показывали только выступающих. Зачем нам действительно зал? Этим пользуются прилично, чтобы дискредитировать парламент. И разговоры, и чтение газеты, и пустые места в зале, и что угодно...

А депутат, кстати, попросил рассматривать его выступление как запрос к «родному Российскому телевидению». И правильно! Нельзя им такого спускать, хотя и родные. А ведут себя — прямо как неродные... И постановление надо принять. Хотя бы в первом чтении. Такое, скажем:

«Обязать категорически РТВ: народного депутата показывать исключительно анфас, ни в коем случае сзади и, тем более, снизу, особенно если народный депутат — женщина... Обязать телеоператоров показывать только выступающего, а еще лучше — одну трибуну либо отдельно микрофон, во избежание случайного попадания в эфир бэканья, мзканья, заиканья, кряхтения, сопенья, храпа, шмыганья носом, чавканья, хрюканья и прочего причмокивания выступающего, что всякий раз прилично дискредитирует всеми уважаемый парламент. Кстати, звук из выступления вообще лучше исключить, дабы в эфир не попадала изрекаемая чушь. Чтобы избежать однообразия изображения при показе лишь выступающих и чтоб у наших избирателей не сложилось превратного впечатления, что при регулярном отсутствии кворума в зале полно пустых мест, «картинку» с переполненным залом и соответствующей реакцией публики подмонтировать из фрагментов, снятых во время выступлений Задорнова, Жванецкого или Жириновского... Проголосуем.

Григорий КРОШИН

Московское предприятие «Пластор»

Имеет к реализации:

- изделия хозяйственного назначения из цветных пластмасс;
 - импортные и отечественные ткани различных расцветок.
- Оплата по наличному и безналичному расчету в рублях.

Приобретет:

- полимерное сырье и его отходы (кроме ПВХ);
- гвоздильные автоматы.

Справки по телефону: 186-03-70
Адрес: 125008, Москва, а/я 229

Мы понимаем, что стремительный рост цен, причем не только на «Столицу», именуемый в экономических кругах «шоком без терапии», отрицательно сказывается и на настроении, и на здоровье граждан. Наш журнал в меру возможностей постарается снять неприятные последствия болезненного шока для своих постоянных читателей. И с этой целью совместно с научно-практической секцией «Медицинская лига» ассоциации «Милосердие и культура» и Центром лазерной терапии комплексного предприятия ТВК «Столица» проводит благотворительную акцию «Москвичи и здоровье»!

Дорогие москвичи, «Столица» не оставит вас в трудную минуту: подписчики «Столицы» могут воспользоваться услугами «Медицинской лиги» и Центра лазерной терапии, где им будет предложено высококвалифицированное медицинское обслуживание с применением последних достижений науки и техники с 25-процентной скидкой по оплате за лечение.

Центр лазерной терапии комплексного предприятия ТВК проводит амбулаторное лечение с применением низкоэнергетических лазеров («Столица» рассказала об этом методе в № 7, 1992).

ТЕРАПИЯ:

- острый инфаркт миокарда,
- ишемическая болезнь сердца,
- окклюзионные заболевания сосудов ног,
- язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки,
- неспецифические заболевания легких

АРТРОЛОГИЯ:

- ревматоидный артрит,
- деформирующий остеоартроз и др.

НЕВРОЛОГИЯ:

- невралгия тройничного нерва,
- неврит лицевого нерва,
- дисциркуляторная энцефалопатия и др.

ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИЯ:

- острые и хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов

ДЕРМАТОЛОГИЯ:

- нейродермит,
- экзема,
- красный плоский лишай,
- трофические язвы, псориаз

УРОЛОГИЯ:

- хронический простатит,
- импотенция и др.

ГИНЕКОЛОГИЯ:

- функциональное трубное бесплодие,
- хронический сальпингоофорит и др.

СТОМАТОЛОГИЯ:

- пародонтоз,
- афтозный стоматит,
- десквамативный глоссит,
- герпетический стоматит и др.

Адрес: Москва, 1-я Сокольническая, 8
тел: 269-43-54

Цены растут, жизнь дорожает...
Но если вы подпишетесь на «Столицу», вы этого не заметите.

Как бы ни дорожал наш журнал, подписавшись на него, вы будете по гарантированной цене получать его до конца года.

Новые подписные цены:
на 3 месяца — 52 рубля
на 6 месяцев — 104 рубля
на 9 месяцев — 156 рублей.

Наш индекс: 73746

Подписка принимается всеми предприятиями связи страны.

Читатели, оформившие подписку в 1991 году, будут получать журнал по старым ценам.

«Медицинская лига» проводит амбулаторное лечение в следующих отделениях:

Отделение нетрадиционных методов обследования и лечения.

диагностика скрытых заболеваний по японской методике аппаратом «Риодараку», иридодиагностика (по радужной оболочке глаза), прием экстрасенса, массаж, мануальная терапия по методу Касьяна, игло-рефлексотерапия

Стоматологическое отделение

лечение, удаление взрослым и детям, протезирование зубов в кратчайшие сроки с обезболиванием. Имплантация зубов, что избавляет от съемных протезов.

Лабораторное отделение

полное обследование в течение нескольких часов (клиническая, биохимическая, гормональная лаборатории, определение хламидий, ВИЧ-инфекции, диагностика онкомаркеров (определение ранних признаков опухолевых заболеваний)

Гинекологическое отделение

консультант-гинеколог, гинеколог-эндокринолог, специалист по бесплодию, прерывание беременности на малых и больших сроках под наркозом в день обращения, индивидуальный подбор противозачаточных средств.

Дермато-косметологическое отделение

лечение аллергических заболеваний кожи лица, угревой сыпи, изменений кожи, очагового облысения и выпадения волос, биохимическая стимуляция кожи, в т.ч. криомассаж и дарсоновализация, чистка лица, лечебные и косметические маски, массаж волосистой части головы.

Диагностическое отделение

Рентгено- и ультразвуковая диагностика, гастро- и колоноскопия, физиотерапевтические методы лечения

Принимают специалисты: кардиолог, артролог, гастроэнтеролог, аллерголог, окулист, невропатолог, ЛОР-врач, сексопатолог, специалист по заболеваниям и травмам слезных путей, онколог, пульманолог, специалист по заболеваниям молочной железы, психоневролог.

Адрес: ул. Неглинная, 14, поликлиника № 13, тел. 921-25-94

Итак, предъявите в этих лечебных центрах квитанцию о подписке на «Столицу» на 1992 год — лечение обойдется вам на 25% дешевле!

Аркадий
ИППОЛИТОВ

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТОП

(«Метаморфозы»
Овидия)

Юпитер, доведенный до отчаяния грехами и гордостью племени людского, решает сам проверить, как обстоят дела на земле. Он спускается с Олимпа и в ужасе замечает, что вера в богов пошатнулась. Дерзость людская дошла до таких пределов, что царь Ликаон посмел покуситься на жизнь главы богов. Ликаон также попытался обмануть Юпитера, угостив его приготовленным человеческим мясом. Юпитер наказывает нечестивца, разрушив молнией его дом и превратив Ликаона в волка.

Этот сюжет очень редко встречается в изобразительном искусстве. Один из примеров — гравюра Агостино Венециано по рисунку Рафаэля. Казалось бы, ничто не может быть столь далеким от светлого мира итальянского художника, как миф о Ликаоне, напоминающий скорее темные славянские легенды о волколаках — оборотнях. Но любовь к античности и мода на Овидия в ренессансном искусстве побуждает братья даже за такие мрачные сюжеты.

Поняв, что земля наполнилась грешниками, Юпитер, как после него Саваоф, решает очистить ее с помощью воды — испытанного средства, уже апробиро-

ванного в восточных мифологиях. В отличие от библейской версии, где внимание сосредоточено на гибнущем человечестве и ковчеге, спасающем праведников, мифологический потоп изображается как одушевленная разбушевавшаяся стихия. В библейской легенде человек оставлен один на один с силами природы, подвластными невидимой руке. В ан-

ное отличие античного восприятия мира от восприятия христианского, всегда подразумевающего дуализм божественного и земного. В античности природные явления изнутри связаны с божеством. Бог моря собственной персоной участвует в уничтожении людей. Конь Нептуна в одно и то же время его конь, везущий колесницу, и огромные морские валы, поглотившие землю.

Непрерывность постоянного процесса превращения особенно чувствуется в мифе о Девкалионе и Пирре, единственных людях, спасшихся от кары богов. Дрожание и одинокие, они оказываются на опустошенной земле. Им гораздо менее уютно, чем Ною, с еврейской обстоятельностью запасаемому ковчегом, где были и твари земные, и домочадцы, и все необходимое, чтобы воздать благодарственную жертву. Как известно, Ной после потопа напился. Девкалион и Пирра «оба заплакали».

Но тут, увидев храм Фемиды, сохранившийся нетронутым после того, как схлынула вода, они обращаются

к богине с робким вопросом и получают ответ:

*Выходите из храма;
Головы ваши покрыв,
одежд пояса развяжите
И через плечи назад
мечите праматери кости.*

Непонятный ответ тут же разрешается: кости праматери — значит камни. Праматерь всего — это богиня земли Гея, она же земля, и она же божество, имеющее человеческий вид.

Превращения бесконечны: кости богини превращены в камни, камни превращены в людей, возвратившихся после смерти в лоно земли и снова превратившихся в камни.

Именно за эту бесконечность так нежно полюбили художники ренессанса цикл Овидия. Овидиевские мифы часто украшали сцены палатцо, создавая непрерывную цепь пластических метаморфоз. Ведь творения богов, постоянно что-то меняя в природе, были сродни скульптуре и живописи. Недаром сцена «Девкалион и Пирра после потопа» римского художника Бальдассаре Перуцци напоминает сцену в мастер-

Гравюра Агостино Венециано по рисунку Рафаэля «Ликаон»

ской скульптора. Из камней вырастают люди, подобные прекрасным скульптурам, чтобы буквально соответствовать словам Овидия:

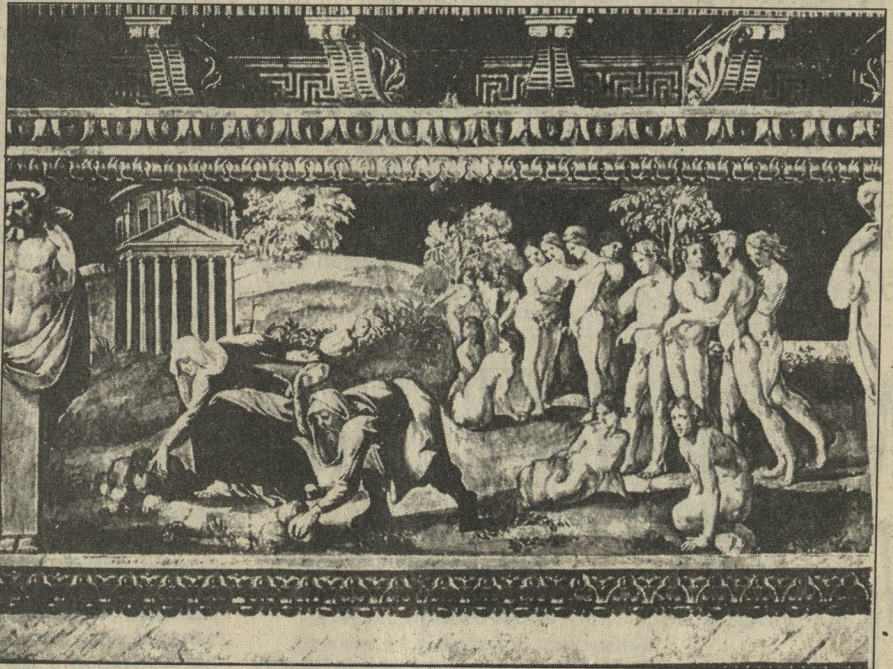
*После, когда возросли
и стала нежней их природа,
Можно было уже, хоть
неяственный,
облик увидеть
В них человека, такой,
как в мраморе виден початом, —
Точный еще не совсем,
изваяниям грубым подобный.*

Земля рождала не только людей. Забавное полунаучное объяснение дает Овидий вновь возникшей жизни:

*Так, лишь потоп миновал,
и земля, покрытая тinou,
Зноем небесных лучей
насквозь глубоко прогрелась,
Множество всяких пород
создала —
отчасти вернула
Прежние виды она,
сотворила и новые дивы.*

Одним из новых див был устрашающий Пифон, при виде которого земля содрогнулась своему порождению. Чудовище Пифон предстает как символ мрака, как результат бессознательно брожения скрытой в таинственной глубине силе, враждебной разуму. Пифона уничтожает Аполлон, носитель всего прекрасного и упорядоченного. Победа Аполлона над Пифоном не просто победа светлого божества над темным, но триумф просвещения, искусства, науки над бессознательным и бесформенным.

Так трактовался миф об этой схватке божества и дракона. Гравюра Аннибале Карраччи запечатлела празднество, поставленное при флорентийском дворе в конце XVI века. Битва происходит на театральной сцене: с небес в сиянии света на дракона низвергается Аполлон. Вокруг, довольно безразличные к происходящему, стоят всевозможные аллегорические фигуры. Условность этого представления — первый шаг к опере, зародившейся как раз в это время.

Бальдассаре Перуцци. Девкалион

Уже в XIX веке французский романтик Эжен Делакруа создает для знаменитой галереи Аполлона в Лувре плафон, воскрешающий миф Овидия. Схема остается та же, что и у Карраччи, и так же романтический

апофеоз Делакруа напоминает об условности оперного финала, прославляющего победу светлого разума над демоном невежества. В конце концов к этой условности оперного финала свелась сама суть мифологи-

ческого движения «Метаморфоз»: от торжества стихии (поток) к торжеству порядка (победа Аполлона над Пифоном) — может быть, главное превращение в ряду других, описанных Овидием.

Аннибале Карраччи. Аполлон и Пифон

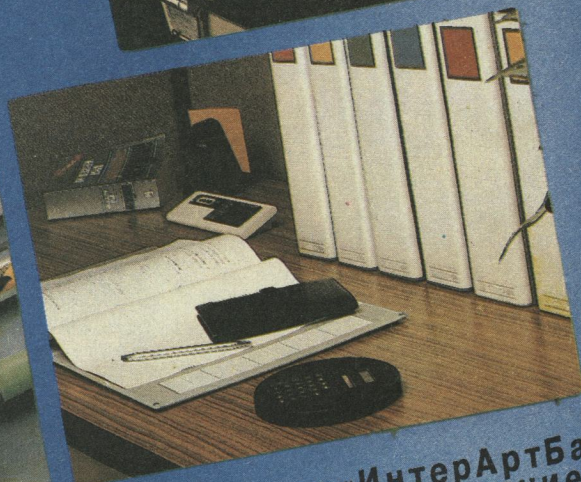
Леллио Орси. Мифологический потоп

Эжен Делакруа. Аполлон и Пифон

Кл. 6.4.

InterArtBazaar

Совместное советско-британское предприятие «ИнтерАртБазар» предлагает канцелярские принадлежности и оборудование для офиса компаний Pentel, Max, Sankei Kikom, а также кожаную галантерею производства ведущих западноевропейских фирм: кейсы, атташе-кейсы, дамские сумки, деловые папки различных модификаций и другие товары. Приглашаем Вас посетить наш офис по адресу: Москва, Серпуховский вал, дом 24/2 или позвонить по телефону 952-30-08, факс 954-23-00

